

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

СТАЛЬНОЕ
ПОКОЛЕНИЕ

Противостояние

Александр Афанасьев

Стальное поколение

«Остеон-Групп»

2018

Афанасьев А. Н.

Стальное поколение / А. Н. Афанасьев — «Остеон-Групп» ,
2018 — (Противостояние)

ISBN 978-5-85689-239-9

Так она начиналась – Холодная война 2 – война нервов, противостояние разведок и технологий... Роман из альтернативной истории демонстрирует всю изощрённость борьбы против Советского Союза нескольких международных разведок. На этот раз было решено разыграть националистическую карту, и на свет были извлечены планы по созданию национальных анклавов. Спецагенты США, Франции, Британии и Израиля снабжают боевиков оружием и деньгами, лелеют планы по взрыву государства изнутри. Роман «Стальное поколение» входит в цикл романов «Противостояние» и является логическим продолжением романа «Силовой вариант».

ISBN 978-5-85689-239-9

© Афанасьев А. Н., 2018

© «Остеон-Групп» , 2018

Содержание

Часть первая. Холодная война – 2	5
Пролог. Ереван, Армянская ССР. Аэропорт Звартноц. 11 сентября 1988 года	5
Вашингтон, округ Колумбия. Пенсильвания-Авеню 1600. Белый Дом, восточное крыло. 11 сентября 1988 года	27
Москва, Кремль. Кабинет заседаний Политбюро. Ночь на 12 сентября 1988 года	35
Вашингтон, округ Колумбия. Отель «Хей-Адамс». Вечер 11 сентября 1988 года	39
Месяцем ранее. СССР, Москва. 29 июля 1988 года	43
Москва, СССР. Бутово. 12 сентября 1988 года	48
Дамаск, Сирия. 01 августа 1988 года	56
Кипр, Лимассол. 04 августа 1988 года	63
Дамаск, Сирия. 03 августа 1988 года	72
Вашингтон, округ Колумбия. Капитолий. 14 сентября 1988 года	76
Лэнгли, штат Виргиния. 19 сентября 1988 года	81
СССР, Москва. 12 сентября 1988 года	87
Вашингтон, округ Колумбия. Гольф-клуб. 15 августа 1988 года	99
СССР, Ереван. 12 сентября 1988 года	105
СССР, Ереван. 12 сентября 1988 года	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Александр Афанасьев

Стальное поколение

Часть первая. Холодная война – 2

*Холодная война... И время как вода...
Он не сошел с ума... Ты ничего не знала...
Полковнику никто – не пишет...
Полковника никто – не ждет...*

Би-2. «Полковнику никто не пишет»

Пролог. Ереван, Армянская ССР. Аэропорт Звартноц. 11 сентября 1988 года

– Сэр, снижаемся, заходим на посадку. Пристегните ремни...

Вице-президент США и основной кандидат на выборах от республиканской партии США Д.Г.У Буш щелкнул замком ремня, притянув себя к удобному, даже роскошному креслу самолета VC-135, принадлежащего к специальной, восемьдесят девятой эскадрилье ВВС США, предназначенной для транспортировки особо важных персон. Ему, как вице-президенту США полагался более роскошный VC-137, бывший борт ВВС-1, но для целей полета во враждебный СССР – Секретная служба настояла на использовании VC-135, более укрепленного и обладающего более совершенными средствами связи. Буш, бывший директор ЦРУ, достоверно знал о том, что этот самолет оснащен еще и шпионской аппаратурой, которая будет собирать информацию во время полета.

Просто замечательно...

Немного развлечься, смотря в иллюминаторы, здесь было нельзя – у этого самолета их просто не было, он переделывался из грузовой версии Боинг-707 – потому кандидат в Президенты погрузился в мрачные размышления. Надо было признать, что русские переиграли опять – переиграли и его и демократов. История с иранскими заложниками – повторилась в виде трагедии. Мало кто из американцев знал, что в последний год президентства Джимми Картера люди республиканского кандидата Рейгана вели тайные переговоры с представителями иранских революционных гвардейцев и платили им за то, чтобы они не выпускали (!!!) американских дипломатов¹ из захваченного посольства в Тегеране. Как известно – Джимми Картер проиграл Рейгану с почти катастрофическим счетом, и именно из-за национального унижения, связанного с заложниками в Тегеране. А сами заложники были освобождены ровно через пять минут после того, как в США был приведен к присяге президент Рональд Рейган. Сейчас – вице-президент Буш в переговорах с русскими настаивал на том, чтобы заложники были освобождены к концу октября, аккурат к выборам, демократы – попытались прощупать контакты с русскими с тем, чтобы сыграть в такую же волынку и убедить не отпускать захваченных в Афганистане американцев. Русские категорически отказались идти на контакт с представителями демократов (на посла СССР в Вашингтоне выходил сам Генри Киссинджер) а перед действующей американской командой поставили условие: либо американцы обменива-

¹ Это правда. Вся эта грязь всплыла только сейчас.

ются прямо сейчас, немедленно – либо уже никогда не обмениваются и идут по суд по обвинению в терроризме, диверсиях, нападении на советских солдат и тому подобное. Сцепив зубы, американцы были вынуждены принять предложение русских и договориться о немедленном обмене. За пленными – полетел сам вице-президент и основной кандидат от республиканцев на выборах Джордж Герберт Уокер Буш, справедливо полагая, что появление вслед за пленными перед морем телекамер на трапе – будет лучшим пиаром для него в этот непростой час и прибавит ему как минимум четыре – пять процентов на выборах. Это было немаловажно – демократы ошиблись, выставили не самого сильного кандидата – но вся рейгановская команда была сильно замазана делом Иран-Контрас и находилась под огнем общественной критики за сдачу позиций в Пакистане. Русские шли в наступление, и американцы были этим недовольны.

Вице-президент Буш принял нетривиальное решение – сначала лететь не в Москву. После коротких переговоров «с кем надо» в Турции – он должен был сначала посетить Армению, маленькую горную республику Советского союза, сильно пострадавшую от катастрофического землетрясения. Практически сразу после землетрясения – американцы отправили сюда транспортный самолет с медикаментами от имени Америкэр, американского благотворительного общества. Конечно же, с медикаментами летели и американские разведчики – оценить масштабы разрушений и понять, насколько серьезные ресурсы будет вынужден вложить сюда Советский Союз для того, чтобы восстановить республику. Как оказалось – разрушения были катастрофическими и несколько городов – требовалось отстраивать почти что заново. Вместе с американским самолетом – летел сын вице-президента Буша, Джеб Буш со своим сыном и внуком вице-президента². Они летели не как разведчики – помогали, чем могли, разговаривали с пострадавшими, раздавали помощь и Джеб Буш даже заплакал. Но этот визит – тоже был не просто так, только что произошел государственный переворот и американская разведка (да и не только разведка), разом потеряв множество контактов принялась *заигрывать* с армянами, большие общины которых жили на Западе и поддерживали контакт с советскими армянами. Кто же мог знать, чем все это может кончиться...

Сейчас – Буш должен был на несколько часов остановиться в Армении, чтобы проверить, как ведутся спасательные работы и передать еще некоторое количество гуманитарной помощи. Она уже была заранее переброшена несколькими самолетами С130 с авиабазы Инжирлик в Турции, сейчас – садился один из последних...

Самолет – тяжело коснулся бетонной полосы, вздрогнул всем телом, побежал по бетонке, замедляя ход. Специалисты Секретной службы, охранявшие вице-президента, отстегнулись и встали первыми, готовясь выйти на поле для оценки ситуации.

Небольшой русский бело-желтый автомобильчик с большим транспарантом Follow Me – уже ждал совершивший посадку американский самолет, чтобы провести его на стоянку, где уже выстроился почетный караул...

* * *

Визит высокопоставленного американского государственного деятеля, охраняемого Секретной Службой США в какую-то страну, тем более в такую враждебную как СССР – начинается отнюдь не с того момента, как самолет этого деятеля – касается взлетно-посадочной полосы. Он начинается куда раньше.

Подготовка визита в этот раз шла в большой спешке – на нее выделялось всего десять дней, потому что договоренности об обмене были достигнуты в последний момент и дата – тоже была согласована в последний момент. Как и принято при такого рода визитах – амери-

² Это тоже соответствует действительности, Джеб Буш летал в Армению в 1988.

канская Секретная служба вышла на КГБ СССР с предложениями по совместным действиям. Как и принято при такого рода визитах – советская сторона предложение приняла.

Были организованы два оперативных штаба – основной, в Москве и запасной, в Ереване. В Ереване – в состав оперативного штаба включили представителей УКГБ по Армянской ССР (как потом оказалось, эта ошибка привела к тяжелейшим последствиям), поскольку они лучше всего знали обстановку на местах. В республике было неспокойно – в Нагорном Карабахе развивалось сепаратистское движение, недавно Внутренними войсками была разогнана демонстрация, были погибшие и раненые. Непокойно было и на границах Армении и Азербайджана, особенно – на границе с родной для товарища Алиева Нахичеванью – кто-то старательно нагнетал обстановку в Закавказье. С целью обеспечить безопасность визита – были приняты стандартные меры безопасности как при визите советского государственного деятеля – были соответствующим образом сориентированы негласные осведомители, в административном порядке задержаны на пятнадцать суток хулиганы и бузотеры, лица, в отношении которых имелась оперативная информация, помещены в психиатрические больницы сумасшедшие. Были подготовлены два основных маршрута движения делегации и три запасных, здания армянского Совмина и несколько больниц, где лежали пострадавшие от землетрясения – взяты под усиленную охрану. В республике – было достаточно армейских частей и подразделений внутренних войск центрального подчинения, они одновременно и боролись с преступностью и мародерством в зоне землетрясения (а оно было!) и оказывали помощь, какую могли. Техники не хватало для такого объема работ и солдаты разбирали завалы просто руками. Тем не менее, в Ереван направили роту особого назначения из Москвы для усиления охраны, а в самой Москве – вице-президента США должна была охранять группа А – Альфа.

Десятого августа, когда точно было понятно, что визит состоится, и договоренности об обмене не сорваны – в аэропортах Звартноц, Армения и Шереметьево-2, Россия совершили посадку по два огромных, темно-зеленых транспортника С5А Галактика, зафрахтованных Секретной службой США для спецперевозки. Они доставили мобильные штабы и транспорт, которым должен пользоваться вице-президент США в своих поездках. Было признано нецелесообразным, чтобы одни и те же машины работали и в Москве и в Ереване, поэтому самолеты доставили и туда и туда совершенно одинаковый комплект автомобилей. Вице-президент должен был передвигаться на удлиненном бронированном Линкольне из президентского гаража, весящем примерно две с половиной тонны. Его должны были сопровождать три спецавтомобиля, два Линкольна и Форд, тоже бронированные, с сотрудниками Секретной службы внутри. Завершать процессию должен был небольшой, черный фургончик – вэн с удлиненным кузовом и специальной аппаратурой внутри, подавляющей возможные радиосигналы на радиоуправляемое взрывное устройство. Поскольку СССР относился к числу мест, чрезвычайно опасных для визита американских государственных деятелей – агенты Секретной службы вооружились по полной программе, в багажнике каждой машины лежали автоматы Коммандо и даже пулемет. Советская сторона тоже должна была выделить сопровождение – малый мотоциклетный эскорт из девяти (большой из шестнадцати) мотоциклов и не менее пяти машин, набитых вооруженными сотрудниками КГБ. В Армении – кортеж должны были сопровождать два грузовика с бойцами Внутренних войск.

Американские самолеты приняли и загнали на самую дальнюю стоянку. Американцы хотели разместить снайперов на крыше аэропорта – но им сказали, что это не Америка и не Колумбия и от такого следует воздержаться. Во всем остальном – им не отказали, быстро создали временный штаб с сотрудниками КГБ, начальником милиции аэропорта и американцами. От усердия – советская сторона подогнала к аэропорту четыре бронетранспортера, приведя американцев в легкую оторопь.

Собираться начали еще с утра. Встретить президента – не такая простая задача, тут нужно решить массу вопросов, начиная от «хлеба-соли» и заканчивая проверкой территории

на наличие взрывных устройств. Самой большой проблемой оказался тот самый хлеб – в Армении не пекут такой хлеб, каким принято встречать гостей по русской традиции. Заранее переданный заказ в специальную пекарню, обсуживающую республиканский Совмин и ЦК Армянской компартии конечно же не выполнили – то ли забыли, то ли заказ потерялся – и примерно за полчаса до начала визита начали подпрыгивать. Закончилось это тем, что один из сотрудников Армянского УКГБ позвонил домой родителям и объяснил что нужно. За хлебом отправили три машины с мигалками – но это стоило того. Идеальный каравай – ожидал вице-президента США, что называется «с пылу с жару»...

Когда заканчивали стелить дорожку – приехал Первый секретарь ЦК Компартии Армении Карен Серобович Демирчян. Уже немолодой, посеревший от усталости и горя политик, был на плохом счету в Москве и понимал, что ему, скорее всего, осталось недолго. Генерал Алиев недолюбливал армян и совсем недавно – вышло постановление по результатам массовых беспорядков в Нагорно-Карабахской АО, где на ЦК Компартии Армении была возложена ответственность за значительные упущения в работе и потворствование националистическим и антисоветским настроениям в Армении. О персональной ответственности пока речи не шло – но Демирчян хорошо понимал – еще одна вспышка насилия и ему можно писать заявление по состоянию здоровья и хорошо, если не отдадут под суд. Он уже побывал в Москве, где ему устроил форменный разнос на Политбюро маршал Соколов – а Алиев тогда молчал и лишь под самый конец негромко сказал – им весь Советский союз помогает, такое горе, а они анти-советчину у себя развели!

Самое страшное, что Демирчян понимал и правоту Соколова и слова Алиева. Но ничего с этим поделать не мог. Он знал о существовании в республике некоторых сил и знал, что тот, кто будет говорить лишнее – рискует тем, что убьют и его и всю его семью...

Поставив машины, сразу за машинами американского кортежа, армянская делегация стала ждать. В машине было душно – и армянский первый секретарь вышел из машины глотнуть воздуха, а за ним потянулись и все остальные.

На небе не было ни единого облачка, в легкой дымке – виднелись величественные горы. День обещал быть жарким...

* * *

Самолет уже приземлился, опытный пилот остановил его прямо у трапа, заранее подогнанного и тоже выстеленного красной ковровой дорожкой – но вице-президента выводить не спешили. Несколько сотрудников Секретной службы вышли через второй выход в хвосте самолета, там тоже был подогнан трап. Внизу – его ждали двое американцев и трое русских.

Один из американцев, стоящих на летном поле у трапа – сделал внешне ничем не примечательный условный жест, когда заместитель начальника смены Секретной службы появился на трапе. Этот жест означал, что все нормально, если бы его не было – то это означало бы, что вся передовая группа захвачена русскими, а сам начальник передовой группы – находится под прицелом русского снайпера. В этом случае – американцы были готовы попытаться взлететь прямо с летного поля, оставляя всю передовую группу в руках русских.

Но все было нормально, и американцы спустились с трапа.

– Все нормально? – осведомился начальник смены.

– Да, сэр. Все выглядит нормально.

Слово «*выглядит*» тоже было кодовым, применение другого слова обозначало бы опасность. Было заранее согласовано несколько возможных конструкций этого предложения, и каждое – должно было указывать на степень и характер опасности.

– Это наши русские коллеги. Сидоренко, Пафнутьев, Волк – из КГБ.

– Внутренние войска – поправил один из русских, открыто держащий на ремне автомат.

По второму трапу – спускались еще американцы, явного знака не было, видимо – передали по какой-то скрытой связи.

– Донахью. Это Лайза Малруни. Грэг Колдуэлл.

Американка заметила, что один из русских украдкой смотрит на нее – этот самый самец в форме и с автоматом. Метр девяносто, не меньше, косая сажень в плечах... неужели у него *все* такое огромное. В Вашингтоне с такими вот самцами было плохо, выбирать приходилось из всяких слюнтяев – адвокатов, нытиков и старичков – политиканов. Хватало и педиков. У агента Лайзы Малруни уже был один неудавшийся брак и сейчас – она не считала нужным сдерживать себя, раз мужики не сдерживают. Поэтому – агент Малруни ответила русскому таким откровенным взглядом, что он сразу потерялся и даже покраснел...

Грэг Колдуэлл уже закончил пожимать руки, осмотрелся по сторонам, чтобы наметить маршрут выезда машин – и заметил какой-то большой, желтый грузовик, приближающийся к ним издалека. Кажется, топливозаправщик.

– А это что? – резко спросил он, и поскольку русские могли не понимать английский, толкнул русского с автоматом и показал ему на движущуюся машину. Русский был тот самый, покрасневший от взгляда американки – но он был еще и профессионалом.

В отличие от американцев – командир специальной роты ОМСДОН³, выделенной для охраны американской делегации, капитан Волк – сразу понял, что происходит, упал на колени, передергивая затвор своего автомата. Заорал изо всех сил.

– Внимание, цель! На десять! Движущаяся! Короткими! По кабине водителя!

Несколько автоматов ударили по кабине приближающегося КрАЗа, полетели стекла. Кроме русских – успел открыть огонь только один из американцев – бывший морской пехотинец, сражавшийся в Бейруте, до него тоже дошло быстро, что может означать большая желтая машина⁴, приближающаяся к Борту-2. КрАЗ катился вперед, к борту номер один еще несколько секунд, казалось, что им никто не управляет. А потом – он взорвался, мгновенно и страшно, исторгнув из себя море огня. И это море огня, распространяющееся со скоростью несколько сот метров в секунду накрыло и русских и американцев и почетный караул и почетную делегацию во главе с Первым секретарем ЦК Компартии Армянской ССР Кареном Демирчяном. И самолет, который был выкрашен в бело-синий цвет и на котором был изображен горделивый американский орел. Вырвавшийся наружу огонь был голоден и ему было все равно, что перед ним – он хотел жрать и не намеревался успокаиваться. Миг – и американский самолет исчез в ревущем огненном облаке, немыслимая сила взрыва сбила и отшвырнула его на добрые три десятка метров...

* * *

Взметнувшееся пламя и столб черного дыма – были видны по всему Еревану...

Немыслимой силы ударная волна – моментально смела всех находящихся на поле, понеслась по полю, швыряя самолеты друг на друга. Невидимым молотом – она ударила по построенному в восьмидесятом году зданию аэровокзала. Одновременно лопнуло все остекление здания, как раз выходившее на летное поле – и осколки полетели по зданию, калеча и убивая людей как пули. За несколько секунд – волна раскаленного воздуха пронеслась по полю, разом лишив жизни больше тысячи человек и искалечив вдвое больше. В здании аэропорта – ждали люди, скопившиеся в ожидании пока уедет правительственная делегация и дадут отправление

³ Отдельная мотострелковая дивизия особого назначения. Дивизия Дзержинского.

⁴ В 1984 году почти такой же большой желтый мусоровоз с укрепленной изнутри кабиной – в Бейруте въехал в периметр временной базы морской пехоты США. Остановить его не смогли, хотя и успели открыть огонь. Погибли больше двухсот морских пехотинцев.

гражданским рейсам. Именно на них – рухнула крыла второго этажа аэропорта, не выдержавшая удара – при строительстве воровали цемент, строили кое как. Но большинство пострадавших – к этому времени были уже мертвы.

Выведенных в резерв солдат Специальных моторизованных частей милиции и внутренних войск, переброшенных сюда из Спитака – спасло только то, что они укрывались за своими машинами и бронетранспортерами, которые остановили летящие осколки. А самой по себе ударной волне на таком расстоянии – не хватило силы, чтобы перевернуть тяжелые машины или обеспечить людям смерть от баротравмы.

Командир отделения, ефрейтор Николай Пигузов из Иванова, солдат расквартированной под Пермью пятьдесят четвертой дивизии внутренних войск, части которой были переброшены в Армению для помощи пострадавшим от землетрясения – очнулся одним из первых, он даже не понял, что произошло. Первой мыслью было – еще одно землетрясение, только на сей раз под Ереваном. Их инструктировали на случай повторных толчков. Миллионный город – и если в нем произошло то же самое, что и в Спитаке...

Перед глазами была какая-то пелена, во рту – вкус крови. Он не сразу понял, что это дым...

Их бронетранспортер стоял рядом, он уцепился за колесо, потом за борт, поднялся. Его вырвало – прямо на броню.

Лязгнул люк, показалась голова их мехвода, Лехи с Перми, в танковом шлеме. Глаза со старый советский рубль.

– Это чё это, а? – спросил он и нецензурно выразился.

Держась за борт бронетранспортера, ефрейтор прошел несколько метров – и буквально остоленел от увиденного.

Аэропорта – не было. Вместо него – клубы черного дыма, где-то – и пламени.

Делегация...

Он знал, что будет какая-то делегация, но до него не довели, какая. Предполагали, что приедет товарищ Соломенцев, Генеральный секретарь партии. Теперь – он похолодел от осознания того, что произошло. Взорвали генерального секретаря Партии – он видел садящийся самолет, по связи передавали – усилить бдительность.

Взорвали генерального секретаря Партии...

Скорее всего, все их командование уже погибло – они были или у самолета, или в здании аэропорта.

За спиной – поднимались солдаты, кашляли, их рвало. Это были советские солдаты. Его солдаты. И командовать – было некому.

– А ну! – закричал он – помогите товарищам! И по машинам! Быстро!

* * *

Несколько бронетранспортеров и грузовиков Урал – выдвинулись к зданию аэропорта. Командовать, кроме него было некому – старшие по званию до лейтенанта включительно не проявляли ни желания ни способностей, отвечавший за резерв капитан ушел к аэропорту – посоветоваться. Посоветовался...

Ефрейтор соскочил с брони.

– Вы, вы и вы – помогите людям в аэропорту. Остальные – за мной.

Решение было правильным – четыре бронетранспортера выдвигались на поле, где возможны были и повторные взрывы, моторизованные части милиции на Уралах – оставались, чтобы разбирать завалы в аэропорту. В Армении восемьдесят восьмого – разбирать завалы было уже привычным делом, и объяснять, как это делается, как помочь раненым – не приходилось.

На поле – бронетранспортеры пришлось остановить. Просто не видно было куда ехать, и можно было наехать на кого-то, лежащего на бетонке. Особо сильного пожара не было – но очаги были, они давали дым, из-за которого не было видно ничего на поле.

– Надеть противогазы! Цепью! Дистанция на прямую видимость! Не стрелять! Шагом марш! – командовал ефрейтор.

Все поспешно натянули противогазы – они были у каждого. В том же Спитаке – в некоторых местах на завалах без противогаза достаточно было подышать минут пятнадцать, чтобы свалиться без сознания.

Солдаты внутренних войск – выстроились, как смогли, цепью и пошли по искореженному летному полю...

Идти было сложно – они то и дело спотыкались.

Они набрели на воронку от взрыва и обошли ее по краям – один из солдат едва не упал в нее. Когда обходили – поняли, насколько она была огромной, какой была силы перекорежившегося все взрыва.

Попадались люди, точнее – *фрагменты* людей. Привычные к такому зрелище после разбора завалов солдаты только останавливались, если фрагмент был достаточно крупным, чтобы понять – может ли этот человек быть живым. Выживших – не попадалось...

Так получилось, что ефрейтор и еще несколько человек вышли на самолет. Странный самолет. Одно крыло оторвано полностью, другое – отсюда не видно. Следы пожара, фюзеляж относительно цел, только хвост оторван. Высокий хвост Боинга сыграл дурную шутку – удара взрывной волны он не выдержал, оторвав и хвостовую часть фюзеляжа. Самолет перевернулся на бок, каким-то чудом уцелела носовая стойка шасси, сейчас он частично опирался на нее и лежал на боку. В одном месте был виден пожар, горело где-то в районе носа.

Естественно, они взяли ручные огнетушители из бронетранспортеров, тут не знаешь, с чем столкнешься на поле и как бы не загореться самому. Люди они не видели, но хвост был оторван и получилось, что заходить лучше всего с кормы, с линии разлома фюзеляжа. Там тоже что-то горело – но один из солдат активировал огнетушитель и быстро потушил пожар.

У всех у них было оружие, но никто не держал его в руках – они не искали здесь врагов, они хотели помочь. Ефрейтор – привычно полез вперед, тем более что он – прихватил из бронетранспортера шанцевый инструмент – короткую, загнутую с одной стороны монтировку, которая была очень к месту если приходилось разбирать завалы.

Сам самолет обгорел, но салон пострадал несильно – за исключением того, что все было вверх дном, потому что самолет похоже, кувыркнулся. Пассажирский Боинг – скорее всего не выдержал бы удара, но это был переделанный военный заправщик – транспортник с повышенными требованиями по прочности фюзеляжа, да еще и дополнительно усиленный при переделке в самолет для транспортировки особо важных персон. Ударная волна, столкнувшись с плоской стеной здания аэропорта просто разнесла ее вдребезги и убила людей, но самолет – фюзеляж самолета был круглого сечения, специально предназначенный для того, чтобы оказывать минимальное сопротивление воздушным массам на высокой скорости. Поэтому – большая часть энергии ударной волны просто обтекла его, и ушла дальше и самолет был относительно цел. Повезло американцам и в том, что носовой и центральные отсеки были закрыты, а топлива в баках было немного – самолет рассчитывали дозаправить в Ереване, чтобы лететь до Москвы. Сами баки, как и на любом военном самолете – были дополнительно защищены и не взорвались – иначе бы на месте «Борта № 2» остался бы погребальный костер. Повезло американцам и в том, что американский агент безопасности заметил приближающуюся машину, а советский офицер вовремя принял решение стрелять. В отличие от пассажиров, скопившихся в аэропорту Звартноц – американцам повезло в этот день и не раз...

В хвостовом отсеке – ефрейтор наткнулся на трупы. Из-за противогаза было видно плохо, он постоянно протирал стекла и получилось так, что они были испачканы какими-то разво-

дами. Ощущался жар – он был в обычной военной форме, не в пожарной брезентухе, которая лучше подходит для таких случаев – и он понимал, что сам может в любой момент вспыхнуть. Ефрейтор принял решение, что лучше всего пока никого не вытаскивать из самолета. Здесь и мертвые и живые – по крайней мере защищены от огня, частично и от удушливого дыма, а у них – недостаточно людей, чтобы организовать живую цепочку и передавать выживших и тела убитых туда, где их будут ждать машины скорой помощи. Лучше попытаться найти уцелевших, тех, кто может двигаться и попытаться вывести их из этого ада.

Продвинувшись дальше, он натолкнулся на дверь и не смог ее открыть. Попытался сделать это ломиком – и не смог, просто не за что было зацепиться. Он не входил в штатную группу, которая отрабатывала возможное освобождение захваченных угонщиками самолетов – но подумал, что все равно таких крепких дверей в самолете быть не должно... если это не самолет генерального секретаря. Пытаясь дать понять, что он здесь и готов оказать помощь – он начал стучать ломиком по двери – три длинных, три коротких, международный сигнал чрезвычайной ситуации, который он знал, потому что в детстве занимался в мореходном кружке. После нескольких циклов – он услышал ответ...

Кто-то ударил по двери с той стороны, ефрейтор ударил в ответ. Дверь не открывалась, видимо перекосилась. Потом – они поняли, что надо делать, и тот кто был с той стороны, и сам ефрейтор – ефрейтор начал налегать на ломик с этой стороны, пытаясь открыть, тот кто был с той – начал бить в дверь, пытаясь сдвинуть ее с места...

Дверь какое-то время не поддавалась, потом – поддалась неожиданно легко, отворилась так, что ефрейтор едва удержался на ногах. И увидел, как человек в открывшемся проеме – поднимает укороченный автомат...

* * *

Никто не предполагал такого. Никто не был к этому готов.

Последнее, что успел передать один из сотрудников передовой группы – стрельба в районе хвоста. Последнее, что успели сделать сотрудники службы безопасности – закрыть обе двери, ведущие в центральный отсек. А начальник смены Секретной Службы Ник Горино, один из шести личных телохранителей, работающих с вице-президентом постоянно – бросился на Буша и прикрыл его своим телом, придавил к креслу.

В следующее мгновение перевернулся весь мир.

Самолет с чудовищной силой ударило слева, и все почувствовали, как он отрывается от бетонки и куда-то летит. С треском что-то сломалось, мигнуло и погасло освещение. Всех – вырвало со своих мест и куда-то швырнуло...

Старший агент Секретной службы Ник Горино пришел в себя от того, что понял – он на чем-то лежит. На чем-то горячем. Он на чем-то лежит и ему трудно дышать...

Он пошевелился и понял, что как-то двигаться он может. Еще он понял, что самолет, скорее всего, горит...

Русские сбросили атомную бомбу...

Происходящее напомнило ему один совершенно секретный тренинг – они проходили его совместно специалистами из Группы ядерной безопасности Департамента энергетики. Он посвящался тому, что нужно делать, если они с охраняемым лицом попадут под ядерный удар...

Кто-то потащил его за ноги, он закричал от боли...

– Сэр! Вы слышите меня, сэр!

В голове гудело.

– Спасайте... спасайте... первого...

* * *

Охранники в основном уцелели, хотя переломов при падении не получили только четверо из них. Сейчас – они пытались навести в салоне хоть какой-то порядок.

Один из них – оттащил начальника смены – тот закричал, значит, одна или обе ноги повреждены, но сам он жив. Второй – подобрался с другой стороны, неуклюже переваливаясь по креслам – самолет лежал на боку. И увидел вице-президента...

Вице-президент был белым, как мел, но его глаза моргали. Он не понимал, что происходит.

– Сэр, вы живы! Мы выведем вас отсюда! Дайте маску! Маску, черт возьми, маску...

Кто-то бросил маску с небольшим баллоном – модернизированный горноспасательный комплект...

– Дышите, сэр...

– Отойди! Я займусь им! Иди к дверям!

Агент Джек Пардю имевший образование военного санитары – начал осматривать вице-президента.

– Сэр, вы можете говорить? Сэр, ответьте!

У вице-президента был явно шок, он был в сознании, но говорить не мог.

– Дайте аптечку.

Прямо через одежду – агент вколол Бушу протившоковое из шприца – тубика военного образца. Вице-президент был уже достаточно пожилым человеком, но крепким, должен был выдержать. Протившоковое немного привело его в себя, его взгляд стал более осмысленным, он сильно закашлялся.

– Сэр, вы знаете, кто я? Вы меня помните?

– Да... черт...

– Мы вытащим вас! Где больно? Где болит!?

– Спина... черт... и рука.

Агент похолодел от ужаса – это мог быть перелом позвоночника.

– Сэр, не двигайтесь! Лежите спокойно. Дайте мне шины! Нужно его зафиксировать!

* * *

В это же самое время – пока один из агентов занимался здоровьем вице-президента, остальные – решали что делать.

Нашли два чемоданчика, в каждом из них было по автомату Узи с укороченным стволом. У каждого было по пистолету. В носовом отсеке – был бронированный шкаф с более серьезным оружием, там были автоматы с подствольными гранатометами. Но их отсек – центральный – был блокирован с обеих сторон, и в носовой отсек было не пробраться.

Старшего агента вытащили в более удобное место. Обе ноги его оказались сломаны, один из агентов наложил на них жгуты...

Вот так...сэр. Давайте, посадим его.

Горина посадили у стены, Кресла теперь были как бы на стене и сидеть на них было невозможно...

– Что произошло? Какого хрена произошло?

– Похоже на ядерный взрыв...

– Или обычный, но очень сильный. Если рядом с самолетом русские сбросили мощную бомбу, было бы то же самое.

Один из агентов – приложил руку к стенке фюзеляжа. Она была теплой.

– Мы горим. Господи, мы горим!

– Заткнись, Дик. Не разводи панику. Нужно ждать помощи.

Вернулся один из агентов, посланный в носовой отсек. Он пробирався по рядам кресел, как акробат, чтобы не побеспокоить лежащего вице-президента.

– Сэр, дверь в носовой заблокирована. Телефон не отвечает.

В каждом отсеке – был телефон для внутренней связи.

– Надо выбирать...

– Какого хрена? Если там был атомный взрыв, мы погибнем от радиации.

– А ты думаешь, это защитит нас? Ты и в самом деле так думаешь?!

– Заткнись!

– Сэр, это может быть землетрясение – сказал один из агентов – русские могут быть ни при чем. Здесь только что уже было землетрясение, очень сильное, погибло несколько городов. Вспомните нашу программу, мы должны были посетить гражданскую больницу, где лежат пострадавшие от землетрясения...

– А как же быть со стрельбой? Какое это нахрен землетрясение?!

– Хватит...

– Твою мать... И что нам теперь делать?

– Надо дожидаться помощи. Пойдем на прорыв, только если самолет загорится. Билл, пойдй, узнай, что там с первым. Только тихо.

– Да, сэр.

– Люк, и ты, Дик – идите к двери в носовой отсек. Попробуйте пробиться туда, а если получится, то и в кабину пилотов. Нам нужно оружие посерьезнее этого. И нам нужно понимать, что происходит, нам нужно подать сигнал бедствия...

– Да, сэр...

– Остальные – занимаем позиции здесь. Не стрелять без моей команды, мы не знаем точно, что произошло и насколько русские в этом виноваты.

– Сэр... – сказал один из агентов, смотря в сторону носового отсека – если этот мелкий пакостник будет поднимать панику, я его просто пристрелю. И так хватает проблем.

– Заткнись. Мы должны быть единой командой, особенно сейчас. Понял?

– Да, сэр...

Вернулся агент, которого послали проверить о здоровье первого.

– Сэр, Джек говорит, что первый нетранспортабелен. Возможно – перелом позвоночника.

– Твою мать...

– Он попытается сделать все, что в его силах, у него есть большая аптечка. Но первого надо в настоящий госпиталь и как можно быстрее. Как можно быстрее...

– Окей. Нужно сделать какую-то баррикаду из кресел на случай, если войска КГБ начнут штурм самолета...

* * *

Надо было понимать чувства американца – когда дверь открылась, и он увидел такое. Потом, уже на своей земле – он признавался в частных разговорах, что чуть не наделал в штаны...

Американцы, к тому времени – уже были сильно зомбированы разной рейгановской пропагандой, представлявших русских злобными орангутангами в ушанках с красными звездами. Иногда для того, чтобы было пострашнее – русские захватывали Америку не снимая противогазов – военные при этом начинали смеяться, они то понимали, что такое противогаз и как тяжело в нем находиться даже минутами, не говоря уж о том, чтобы часами. Американец был ранен, контужен, не соображал, что происходит и предполагал, что по аэропорту вполне мог

быть нанесен ядерный удар – после ядерных взрывов в Пакистане в Америке начался очередной виток атомной истерии. По его мнению – русские были достаточно безумны, чтобы сделать это даже на своей территории.

Они услышали стук и поняли, что в хвостовом отсеке кто-то есть. Послали туда человека, чтобы открыть дверь... там могли быть выжившие журналисты. Но когда открылась дверь – американец увидел перед собой человека в ушанке (чтобы волосы не опалились, и голове не было так жарко) противогазе, с ломиком и торчащим из-за плеча стволом автомата Калашникова. Русский солдат! Американец вскинул автомат – но солдат ударил его по руке ломиком и пошел на него. Оттолкнул в сторону.

– Стоять! Стоять, стреляю!

Второй американец – держал советского солдата под прицелом пистолета. Секретная служба перевооружилась одной из первых, сейчас они были вооружены Сиг-Сауэрами P228, такими же, как специальные агенты ФБР. Тринадцать патронов в магазине, четырнадцать в стволе – достаточно почти против всего. Но не против солдат КГБ, вооруженных автоматами Калашникова.

– Не стрелять!

– Сэр, он...

Солдат стащил противогаз. Из открытой межотсечной двери – резко тянуло дымом и гарью.

– Я ефрейтор советской армии Пигузов. Я хочу вам помочь. Вам надо в госпиталь.

– Что он говорит, сэр!? – агент, державший солдата под прицелом пистолета был почти в истерике и готов был спустить курок.

– Кто-то знает русский? Где Стефан?

– В переднем отсеке, сэр....

– Сэр, по-моему, этот солдат хочет нам помочь... – неуверенно сказал один из американцев – он сказал «госпиталь»...

* * *

Несколько вертолетов, казавшихся почти черными – показались со стороны Еревана. Один из них был большим – Ми-6, мишка, другие – чуть поменьше размером, Ми-8. Все они – использовались на работах по ликвидации последствий землетрясения – но сейчас были набиты под завязку солдатами СМЧМ⁵ и внутренних войск. Два вертолеты были военные, остальные – Аэрофлота. В Мишке – был оперативный штаб и два отделения бойцов ОМСДОНа, которые находились в резерве в Ереване.

– Береза два, я борт ноль сороковой, наблюдаю густой дым, множественные очаги пожаров, сильные разрушения. Связь с постом управления аэропорта отсутствует.

– Борт ноль сорок, я Береза два. Приказываю высадить десант и немедленно возвращаться.

– Есть...

Вертолетчик мрачно смотрел на черную тучу перед ним... такого он не видел даже в Афганистане...

– Вон там, кажется, есть подходящая площадка... – подсказал второй пилот.

– Садись на связь, сообщай остальным бортам. Высаживаем десант и возвращаемся.

– Есть...

⁵ Специальные моторизованные части милиции.

* * *

– Стройся!

Вертолеты рокотали над головами, звук их винтов смещался в сторону Еревана – борты ушли за подмогой...

Майор внутренних войск Добряга, по случаю специального задания одетый в спешно подобранный для него костюм пожарного – встал перед строем.

– Товарищи бойцы. Произошел террористический акт, есть погибшие и раненные. Ваша задача – пройти к зданию аэропорта, обезопасить район, начать разбор завалов. Используйте противогазы и респираторы для защиты органов дыхания. Спасите, кого можете. Командуют на местах командиры отделений. Мартынов ко мне, остальные – в квадрат марш...

В квадрат, выйти в квадрат, идти в квадрат – так называлась работа по разбору завалов. Руинами, развалинами – их никто не называл, равно как и трупы – трупами, чтобы не сойти с ума. Если видишь раздавленного бетонной плитой ребенка – с ума съехать можно запросто, такие случаи уже бывали. Один из офицеров умер от сердечного приступа в первую же ночь здесь, не перенеся того, чему пришлось быть свидетелем.

Капитан Мартынов, здоровяк – самбист из дивизии Дзержинского – подошел к майору. Двадцать человек – остались в строю.

– Значит, довожу обстановку, дзержинцы – сказал майор – около часа назад здесь совершил посадку американский борт с американской делегацией на борту⁶. Он и был взорван.

На лице капитана ничего не отразилось.

– Скорее всего, это провокация войны с Соединенными штатами Америки. Провокация врагов народа. Война нам не нужна, мы мирное государство. Боевая задача – пробиться к самолету, обеспечить периметр безопасности, оказать помощь пострадавшим, если это возможно, принять меры по тушению. Я иду с вами.

– Так точно.

– Не стрелять без команды, дзержинцы. Мы здесь для того, чтобы помочь.

– Так точно.

– Разобрать огнетушители, инструмент, носилки. Надеть противогазы. В колонну по одному, за мной, бегом марш.

* * *

Огнетушители они позаимствовали в вертолетах – в вертолетах бывают большие, мощные огнетушители и они пришились здесь как нельзя кстати. Еще у них были саперные лопатки, носилки и некоторое количество шанцевого инструмента – три лома. Шанцевый инструмент в Армении сейчас было раздобыть нетрудно, он был предметом первой необходимости.

Оружие было у всех – но за спиной, только майор держал в руках снятый с предохранителя пистолет Стечкина. Как только прошли аэропорт, вышли на летное поле – перешли на шаг...

Разрушения были просто катастрофические, у майора аж в душе похолодело, когда он увидел, во что превратилось здание аэропорта. У здания – уже были солдаты, они пытались разбирать завалы, на брезенте и просто на земле – лежали пострадавшие, многие – с чудовищными ранами от стекла. Коротко переговорив с одним из солдат, майор понял, что здесь был

⁶ Информацию о том, кто едет – сообщают только тем, кто должен обеспечивать ближний круг охраны. Остальным ничего не сообщают – вставай здесь и стой, пока другой команды не будет.

сильнейший взрыв и очень много погибших. Раны от стекла подтверждали это – при землетрясении такого количества глубоких порезов стеклом не бывает.

Вместе с солдатами работали какие-то армяне, сами пострадавшие, многие в крови – но они с остервенением обреченных вгрызались в каменное крошево, чтобы спасти тех, кого еще можно было спасти. Работали без рукавиц, многие с изрезанными руками – но работали. И солдаты и армяне кашляли и плакали – дым и гарь ели глаза. Уже был слышен вой сирен – к аэропорту спешили машины скорой...

Еще сказали, что какая-то группа солдат уже ушла на поле.

Майор повел своих людей дальше.

Ветра не было, и тяжелый смог над полем не рассеивался, видно было метров на двадцать пять, не больше. Они увидели огромную воронку – майор прикинул, что рвануло гораздо больше тонны. Мощная авиабомба, не иначе. Осталось понять, откуда она взялась здесь...

Они прошли дальше и увидели самолет. Он был один, рядом ни одного другого самолета не было. Точнее – это был не самолет, а то, что от него осталось. Носовая стойка каким-то чудом уцелела, хвост оторвало, крыла, по крайней мере, одного не было. Судя по виду – самолет перекувыркнуло несколько раз ударной волной.

У самолета стоял солдат, с автоматом – майор сначала увидел только одного. Увидев надвигающихся людей, он вскинул автомат.

– Стой, кто идет?

– Майор Добряга, внутренние войска! – крикнул майор и закашлялся – не стрелять!

Солдат опустил автомат, майор подошел ближе.

– Фамилия, номер части.

– Рядовой Малешкин, сто тридцать восьмой полк внутренних войск.

– Свердловский? Как здесь оказался? Кто командует?

С другой стороны самолета появился и второй солдат, тоже с автоматом.

– Товарищ майор, мы в резерве были... – солдат тоже закашлялся – потом это все...

Майор понял, что солдат если и не в шоке, то где-то близко к этому. Скорее всего, еще и контузия.

– Кто командует?

– Ефрейтор Пигузов, товарищ майор. Он в самолете.

– Благодарю за службу, рядовой, молодец. Как заходить в самолет?

– Вон там, товарищ майор...

* * *

В выломанную дверь передали носилки. Потом еще одни...

– Сэр, они не пройдут... – сказал один из американцев – носилки здесь не пройдут. Надо ломать перегородки.

Русских становилось все больше, прибыл русский офицер, который знал несколько слов на английском языке. Принесли носилки.

– Надо убрать вот эти вот кресла, чтобы можно было подобраться к первому.

– Давай, Марк, скажи им...

– Надо... Вот это... убрать... понимаешь? Убрать отсюда! Вот так!

Русский, кажется, понял. Отдал какую-то команду, двое русских вышли, вместо них появился какой-то здоровяк. Судя по виду – Рэмбо, не меньше. С ломиком. Он коротко ухнул и нанес удар ломом куда-то в основание кресла. Потом еще раз. Потом – без особых усилий оторвал кресло от пола, вопросительно посмотрел на своего командира...

– Твою мать... – тихо сказал один американец...

Вице-президента удалось аккуратно переложить на носилки и вынести, пробив большую дыру в переборке, ведущей в багажное отделение – там было относительно свободно, можно было пройти с носилками. Дыру в переборке пробил тот же самый русский, он орудовал то ломиком, то руками, пробивая дорогу, рвал руками алюминиевые переборки, вызывая у американцев тихий ужас. Они не знали, что это – ОМСДОН и Внутренние войска и предполагали, что все русские – такие...

Наконец, трое носилок – с вице-президентом и двумя наиболее пострадавшими агентами – вынесли из самолета...

– Ефрейтор Пигузов... – сказал майор.

– Я!

– На месте за старшего. Пока не вернусь. Вытаскивайте пострадавших, разблокируйте носовой отсек. Попробуйте попасть в него через пилотскую кабину.

– Есть!

– Мартынов – давай, за мной...

Несколько дзержинцев, в том числе и сам Мартынов – подхватили с земли носилки и понесли. С ними были двое агентов Секретной службы, которые оставались на ногах...

* * *

В передовой группе, которая прибыла в самолетах Галактика, стоящих сейчас довольно далеко от места взрыва – в живых не осталось почти никого...

Все они разошлись по точкам, когда надо было обеспечивать визит в аэропорту, там, на своих местах и погибли. У самолета – была команда пилотов, четверо офицеров безопасности ВВС, охранявших сами самолеты и небольшая группа резерва – двое снайперов и несколько бойцов с тяжелым вооружением – на случай прикрытия основного самолета, если русские вздумают атаковать его. Такие меры безопасности применялись только в таких странах, как, к примеру, Ливан. Истерия по поводу русских была настолько велика, что решили прикрывать самолет и здесь.

Когда произошла чрезвычайная ситуация – никто ничего не понял. Только один из агентов, кажется Дик Каппи, крикнул «действие» – и в этот момент все взорвалось...

Огромные Галактики стояли намного дальше от эпицентра, чем президентский Боинг – вообще, как потом установит следствие, в результате обстрела машина подорвалась рядом с забитым людьми аэропортом, и основной удар пришелся по нему. Но и того расстояния до эпицентра, которое было – вполне хватило. Один из снайперов занял позицию на крыле самолета, его подхватило ударной волной – позже нашли в восьмидесяти метрах, мертвого. Сам самолет устоял – три с лишним сотни тонн, как-никак – но один из двигателей сорвало с крепления и ударило по другому, плюс – по фюзеляжу ударило какой-то советской машиной, проломив его. Ударило и по кабине летчиков каким-то осколком...

Агент Николас Пигс, один из группы прикрытия, бывший зеленый берет из Форт Брэга – с трудом встал на ноги в огромном десантном отсеке Галактики. Самолет тряхнуло так, что он полетел с ног. И сейчас не понимал, что происходит...

– Черт возьми...

Он с ужасом увидел, что фюзеляж поврежден – что-то врезалось в него...

Потом оказались язычки пламени. Пока маленькие.

– Пожар!

В любом самолете – есть несколько мощных огнетушителей, помимо системы пожаротушения. Самолет – это считай алюминиевый гроб, набитый горючим, горючего в нем до черта и он может взорваться так, что сгоришь в считанные секунды. Поэтому – увидев пожар, агент Пигс проковылял к тому месту, где был огнетушитель – он к счастью оказался на месте.

Сорвал его с креплений – он оказался тяжелым, почти неподъемным. Дотащил его до места возгорания, засыпал его белым, удушливым порошком.

Кто-то тронул его за плечо – он обернулся и увидел капитана Ковингтона, командира экипажа. Все лицо его было в крови, кажется, даже кожа содрана.

– Какого черта? Что произошло.

– Был... взрыв... – проговорил капитан и пошатнулся. Пигс подхватил его.

Несколько минут ушло на то, чтобы собраться. Оказали помощь себе и членам экипажа. Второй пилот погиб.

Один из агентов – вставив ключ в специальное запорное устройство на одном из находящихся в самолете контейнеров, повернул. Сорвал печать и откинул крышку. В стандартном морском контейнере – были бронежилеты, штурмовое автоматическое оружие, гранаты. Были даже несколько ПЗРК Стингер и ПТРК Дракон – на случай, если дело будет совсем худо...

– Вооружаемся... – устало сказал он.

– Сэр, это что, русские? – спросил агент Мэрион Каммингс.

– Нет, инопланетяне. Хорошо болтать. Вооружаемся.

Агент Пигс взял пулемет. Старый добрый М60Е3, он имел с ним дело в *беретах* – тяжелый – но удобный, ухватистый. Надел рюкзак и кинул в него один за другим четыре короба с патронами. Пятый – вскрыл и зарядил пулемет, ленту кинул на плечо.

– Готов... – сказал он то ли сам себе, то ли еще кому.

В зеленых беретах – его учили воевать с русскими, и если потребуется – отдать жизнь за Родину и свободу, за право на существование всего цивилизованного мира, за право не быть под пятой коммунистов. Теперь – они были на земле самой Империи зла, и он хорошо понимал – живыми им не уйти. Даже если они захватят самолет – все равно комми пошлют истребители и расстреляют их в воздухе. Им всем – суждено умереть здесь, а потом – и десяткам миллионов русских и американцев – в ядерной войне.

А если все равно умирать – так хоть повеселимся напоследок...

– Значит, так. Наша задача – обезопасить самолет с первым лицом. Найти какой-то транспорт. Подгоняем транспорт, грузим туда выживших и сматываемся. Я взял радиомаяк и Керк тоже. Нужно как можно быстрее смотаться отсюда, пока силы КГБ не окружили район. Активируем маяки иждедем помощи из Турции. Всем ясно?

– Сэр, может попытаться связаться с Бортом два.

– Уже сделано, не отвечает. Связи нет ни с кем, аппаратура повреждена...

Вполне возможно – что аппаратура повреждена электромагнитным импульсом ядерного взрыва...

– Нам надо найти самолет. И найти транспорт. Ник, ты за транспортом, Джо, давай с ним. Какую-нибудь большую машину, желательно полноприводную. Если не будет – то обычную... самосвал... можно автобус. Большую машину.

– Так точно, сэр.

– Остальные за мной.

– Правила применения оружия, сэр?

– Только если по нам откроют огонь. Или если откроют огонь по борту два. Гарри, что с самолетом?

– Мы не взлетим, сэр – сказал один из членов экипажа, который пострадал меньше всего – оба двигателя на правом крыле сильно повреждены, фюзеляж поврежден, пилотская кабина повреждена. Нашей птичке нужен капитальный ремонт, не меньше двух недель, и то если постараться. И не здесь.

– Твою мать... Ладно, пока используем это как запасное укрытие. Все, пошли...

Они выбили люк аварийного выхода, один за другим спустились на землю. Кто-то закашлялся... дым был здесь не таким плотным, но все равно ел глаза.

– Пресвятая Дева Мария... – кто-то перекрестился.

– Сэр, мы не пройдем. Нужна какая-то защита органов дыхания... – сказал из агентов – просто так мы не пройдем...

Скорее всего, именно эта задержка спасла от чудовищной трагедии. Если бы они не потеряли время на то, что сооружали себе респираторы, а пошли бы сразу – то, скорее всего, наткнулись бы на подходящих к самолету дзержинцев. Нервы у всех на взводе, пальцы на спусковых крючках, солдаты в противогазах и с автоматами как из нащупавшего фильма «Красный рассвет». Еще и с ломami. Открыли бы огонь, постреляли бы дзержинцев. А у самолета – группа Пигузова, к аэропорту по земле идет колонна с милицией и солдатами, садятся вертолеты с солдатами внутренних войск. Открыли бы ответный огонь и уничтожили на месте как бешеных собак – приняв за террористов. И полилась бы кровушка...

* * *

Пигс шел туда, где было не так пыльно и дымно. Он решил выйти к аэропорту и поискать технику там – неповрежденную технику. Может быть аэродромную... какую угодно, только чтобы убраться отсюда. Но вместо этого – в пыли, в дыму – он заплутался. Просто заплутались... а как не заплутаешься, если глаза постоянно слезятся, приходится их прикрывать, иначе совсем хана. И их всего двое.

– Черт... – Джо Гренье, еще один агент закашлялся, глухо и тяжело под своей повязкой, делающей его похожим на пошедшего на дело пирата – кажется... вон там люди... Пошли, спросим у них...

– Ты охренел?!

– Тогда подождем! – огрызнулся Гренье.

Они пошли на шум – и почти в упор столкнулись с какой-то колонной русских. Они несли носилки – увидев американцев – они что-то закричали и подняли оружие.

– Бросить оружие! Бросить оружие! – закричал Пигс фразу из армейского офицерского разговорника – руки вверх!

Гренье оказался чуть справа, ему было лучше видно русских...

– Первый! На носилках! – крикнул он по-английски.

– Руки вверх! Руки вверх!

– Ты что, совсем придурок?! – заорал один из советских офицеров и закашлялся – их надо срочно доставить в госпиталь, прямо сейчас, иначе дело дрянь! Они нетранспортабельны, в тяжелом состоянии! Ты хочешь их убить?

Из пыли и дыма выступил человек, в котором он опознал агента Хадсона. Какая-то тряпка на голове, лицо испачкано копотью и засохшей кровью. Одну руку он поддерживал другой.

– Пигс, опусти оружие. Отбой.

– Что с первым?!

– Он пока жив. Его надо срочно в госпиталь...

Американец лихорадочно размышлял. Он и не подумал поверить Хадсону... возможно, русские держат его под прицелом, возможно, он предатель и в сговоре с русскими. Но что он может сделать?! Из уцелевших на ногах было несколько человек, остальным тоже требовалась срочная медицинская помощь. Русские конечно козлы... но неужели они решили взорвать собственный аэропорт... если бы они хотели всех убить, то просто сбили бы самолет и все. К тому же – у них всего несколько пулеметов и автоматов, а русские вооружены до зубов. Постоянно приземляются все новые и новые вертолеты, в клубах дыма видны русские бронетранспортеры и тяжелые грузовики. Если даже русские задумали неладное – они не отступят, и он ничего не может с этим поделать.

Американец едва заметно кивнул.

– Хадсон... черт, я и Гренье пойдем с вами. Там уцелело несколько наших в самолете, им тоже нужна помощь.

* * *

У самолета – дошло до предупредительных выстрелов – агенты Секретной службы привыкли сначала стрелять, потом разбираться, в рейтинге спецслужб США они стояли на первом месте и считали оправданным любое действие, направленное на защиту охраняемых. К счастью – в этот момент вскрыли носовой отсек, и один из уцелевших агентов приказал не стрелять. Вместе, русские и американцы стали вытаскивать пострадавших из самолета – пока подоспевшая смена не заменила их. Многих из них – отправили в больницу.

* * *

В карете советской скорой, под охраной бронетранспортера внутренних войск – вице-президента США Д.Г.У. Буша отвезли в ту самую ереванскую больницу, которую он намеревался посетить как гость и передать гуманитарную помощь. К счастью... хотя какое тут счастье – именно в этой больнице оказалась группа московских опытных медиков из НИИ Склифосовского, которые за последнее время приобрели огромный опыт работы с похожими травмами и спасения людей в критических ситуациях. Было в больнице достаточно и крови всех групп – доноры сдавали кровь по всему Советскому союзу. Вице-президента осмотрели, определили внутреннее кровоотечение и немедленно, не дожидаясь американских врачей – положили на операционный стол.

Примерно через два часа – в Ереван прибыла Альфа и рота особого назначения из Теплового стана. Вместе с ними – в Ереван из аэропорта вывезли и собрали части дивизии Дзержинского. Больницу с американцами – туда свезли всех пострадавших – окружили бронетранспортерами, выставили посты на всех этажах и организовали пропускной режим. Потом привезли кинологов с собаками – проверять всю больницу.

Но было уже поздно...

* * *

Ночью – в Ереван начали прибывать части девяносто восьмой дивизии ВДВ. По тревоге подняли части седьмой гвардейской армии, дислоцированной в Армении...

* * *

Над полем ереванского аэропорта – грохотали вертолеты, высаживая все новые и новые подкрепления – спасателей, военных и гражданских медиков, солдат Внутренних войск. Но дело было сделано – едва ли не самый страшный террористический акт в истории человечества – свершился. Одиннадцатое сентября – навечно вошло в историю...

Министерство обороны СССР

ВОЗДУХ!

**Командующему воздушно десантными войсками СССР
Генерал-полковнику Калинин Н.В.**

**В связи с резким обострением обстановки в зоне
ответственности ЗакВО, произошедшим в аэропорту г. Ереван
Армянской ССР террористическим актом**

ПРИКАЗЫВАЮ:

**1. Двести семнадцатому гвардейскому парашютно-десантному
полку десантироваться с аэродрома Иваново на аэродром Эребуни.
Срок исполнения – двенадцать часов. После десантирования –
форсированным маршем выдвинуться в г Ереван, поступить в
распоряжение военного коменданта г. Ереван, взять под охрану
правительственные здания, объекты жизнеобеспечения. Режим
несения службы – усиленный.**

**2. Штабу ВДВ организовать взаимодействие выдвинувшихся в г.
Ереван частей ВДВ со штабом по ликвидации ЧС.**

Исполнение донести мне, спецсвязью.

**Министр обороны СССР
Маршал Советского Союза
СОКОЛОВ**

**Москва, Кремль
11 сентября 1988 года**

О случившемся – Председатель Президиума Верховного совета СССР, генерал-майор госбезопасности Гейдар Алиев узнал почти сразу...

Позвонил старый знакомый, которого Алиеву удалось устроить в МВД Армянской ССР. Это был один из спящих агентов, молодой, грамотный, подающий надежды человек, выпускник Высшей школы милиции МВД СССР в Москве. В Москве же его и вербанули, как и положено – не за деньги, хорошие агенты работают по идеологическим соображениям, за деньги б... ложатся. Он входил в состав специального курса – так его называли среди своих. Это были агенты КГБ, завербованные по прямому указанию Андропова, чтобы наблюдать за конкурирующей системой изнутри и доносить о коррупции и злоупотреблениях. В те дни, когда этот парень дал добровольное согласие работать на органы советской государственной безопасности – в Москве шла борьба за власть. Всесильный министр внутренних дел СССР Николай Анисимович Щелоков, входивший в отличие от Андропова в самое узкое из всех узких руководств страной, где было всего то четыре человека считая Брежнева – по заданию своего шефа копал под Андропова, в этом ему помогал Юрий Чурбанов, первый замминистра МВД и тесть Брежнева... понимали, что либо Юрий Владимирович, либо они – третьего не дано. Выиграл тогда Юрий Владимирович, в МВД зашли гёбешные варяги. Крушили размашисто, с молодецким уханьем... только сейчас Алиев понял, что тогда уже действовали *враги*. Организованная преступность восстала буквально из небытия, в семидесятых она уже была разгромлена, воры в законе считали за счастье устроиться туалетчиком и жить счастливой трудовой жизнью. Только в Грузии... Эдик, с. а рваная, как же с тобой Юрий Владимирович ошибся, с гнидой... Ходили слухи, что их было не двое, а трое, птенцов гнезда андроповского – он, Эдик и Миша Горбачев... хотя Миша птенец и есть. Какой Миша андроповский, Юрий Владимирович с ним на одном гектаре не сел бы... Сидеть бы ему в кандидатах, если бы не одно «но».

В восьмидесятом должен был состояться очередной съезд Трудовой партии Кореи. Северной, естественно, нашей. Послали тогда делегацию, как положено, во главе – Миша. А что – молодой, выглядит хорошо, речи толкать умеет, самолет нормально переносит, да и делать ему в Москве особенно нечего... так, пришей кобыле хвост. Вождь КНДР, Председатель Трудовой партии Кореи, солнцеликий Ким сильно возмутился – почему это СССР прислал делегацию во главе всего лишь с кандидатом в члены Политбюро... вы еще завсектором пошлите. Тут и до охлаждения отношений недалеко. Лигачев и поставил вопрос на очередном Политбюро – мол, надо кого-то помоложе, кто бы ездил в таких случаях и вообще... для представительства. Самому то летать не хотелось, да и другим тоже вот и... пустили козла в огород. А Эдик – вовремя сориентировался, да и перемахнул на сторону Миши. И – бросился родиной торговать, как фруктами на тюменском рынке. Но главным – все же Миша был.

Миша... вот с..а. С тебя же все и началось, гад ты такой...

А программу ту законсервировали. Как Юрий Владимирович умер – много что остановилось. Он не доверял никому, создавал тайные структуры, никому не известные – двойки, тройки... пятерки. Что уже сработало... точнее сдетонировало. Что – еще ждет своего часа. Может быть, этот взрыв в Ереване – новое начало игры...

Этому парню повезло, что он был в пятерке, в которую входил *его* человек, дальний родственник. Когда убирать стали – он пришел, в колени бухнулся – спаси. Все сдал, что знал, конечно большинство уже отыграно в отбой – но были и козыри. Как этот парень, дослужившийся по тихому до начальника отдела республиканского МВД, причем без посторонней помощи. Надо его на министра двигать... не сейчас, лет через пять – семь...

Конечно – позвонил он не со служебного... да и не было у него вертушки. Остановил где-то машины, заскочил в телефонную кабину, набрал номер. На кремлевском коммутаторе ошалели сначала, хотели сообщать, куда следует... вспомнили потом, что за это... понятно, что будет. Алиев сразу дело поставил – его звонки не прерывать, не слушать... только попадитесь. Все знали что попасть можно реально... никто не знал, кто в КГБ работает на Алиева.

– Гейдар Алиевич это Адик... – из предосторожности он называл не свое имя, оперативный псевдоним, хотя дальше шпарил открытым текстом – беда у нас, кен кохаир⁷. Аэропорт взорвали, отсюда дым вижу. Все взорвали...

В Армению прибывала американская делегация. Алиев это знал, потому что должен был встречать ее в Москве, в Шереметьево. Завтра...

Из-под ног как ковер выдернули. Стало не хватать воздуха...

– Ми хосел шот! – сказал Алиев, пытаясь восстановить дыхание – как это взорвали. Что там у вас происходит?

– Совсем взорвали. Скорые со всего города едут, отсюда дым видно. Беда...

– Успокойся. Перезвонишь через два часа, если сможешь. По этому же номеру, но с другого телефона. Езжай в аэропорт и сам посмотри, что к чему. Все.

Гниды...

Алиев положил трубку. Листанул справочник, прикидывая, где может быть маршал Соколов. В этот момент – в кабинет вошли прикрепленные.

– Гейдар Алиевич, вам нужно срочно проследовать. Сигнал Атом.

Переворот. С..и – переворот...

В первую очередь – Председатель Президиума подумал именно это. Гады – ударить по американцам, вызвать обострение, под шумок сдернуть всех с мест, а там...

Потом и концов не найдут.

– Пошел вон – спокойно сказал Алиев.

– Товарищ...

⁷ Крестный отец (армянск)

– Пошли вон, я сказал! Ограши! Вам только... все уже жидко обгадились! Вон пошли! Вон!!!

Старший среди прикрепленных просто не знал что делать. Инструкция понятна – хватаешь закрепленного в охапку, бегом до лифта, он сразу на минус идет – станция Метро-2, построенная еще при Сталине. Там – либо в подземный центр управления, либо – на засекреченный аэродром, оттуда – спецбортом до «Колыбели судного дня» – спецкомплексе в недрах горы Ямантау.

Вот только в теперешнем бардаке – непонятно, что есть что, а нрав Алиева все знали хорошо. Если он так сделает – больше ему в девятке не работать, в КГБ, скорее всего тоже и дай Бог не сесть. Статья – статья найдется...

– Товарищ Алиев, тревога же.

– Пошел вон! – Алиев уже понял, что одержал победу.

Прикрепленный после секундного колебания – сделал остальным знак, аккуратно закрыл дверь. Для очистки совести он решил позвонить дежурному по девятому управлению, спросить – как быть если прикрепленный посылает тебя на... и не желает идти в убежище. Времена сейчас были не сталинские, и страх перед конкретными людьми – перевешивал страх перед законом, страх не выполнить долг... страх всего.

Вот такие это были времена.

Оставшись в кабинете, Алиев поднял трубку внутреннего.

– Найдите... Огаркова, либо Соколова, либо и того и другого. И... прикрепленного ко мне.

– Когда охранник, готовый к самому худшему, появился на пороге, Алиев коротко приказал.

– Иди к красному телефону. И сиди безвылазно. Понял?

– Так точно.

– Пошел...

Охранник выскочил за дверь. Красный телефон – проложенный после Карибского кризиса телефон прямой связи между Кремлем и Белым Домом. Средство для последних переговоров перед ядерной войной.

Цэкашные – а Алиев не относил себя к ним несмотря на то, сто являлся членом Политбюро ЦК КПСС – уже смылись во главе с Соломенцевым. И если американцы сочтут нужным позвонить – а они сочтут – то единственным, кто сможет подойти к телефону, будет член Политбюро Г.А. Алиев. Американцы сразу сделают выводы, на кого ориентироваться.

И – правильно сделают.

Прозвняла вертушка. Алиев схватил трубку.

– Товарищ Алиев... – голос маршала Соколова.

– Сергей Леонидович, вы в курсе произошедшего в Ереване? Не совсем? А вот я в курсе – взорвали аэропорт. Что там у вас происходит...

И эти – пусть делают выводы...

* * *

После разговора с Сергеем Леонидовичем Соколовым, человеком, держащим в руках возможно самую мощную армию из всех, когда либо созданных – Алиев немного успокоился. Надо было ждать американского звонка... если позвонят. Докладывали, что Рейган совсем плох, а более молодой... да, Буш фамилия... в ереванском аэропорту.

Ереванский аэропорт... Игра началась... Алиев начал вспоминать, анализировать, сопоставлять информации. Это позволяло не думать, что возможно – где-то сейчас, на калифор-

нийском побережье или в глухих лесах Мэрилента распахируются крышки ракетных шахт, чтобы выпустить на волю несколько десятилетий ждавшую своего часа смерть...

Если так подумать, проблема армян в СССР не намного отличалась от проблемы евреев... судьбы этих народов были почти зеркально схожи. Евреи потеряли свою территорию по историческим меркам одновременно с армянами – Великая Армения рухнула в 387 году нашей эры, ее земли разделили между собой Персия и Рим. Правда, в отличие от евреев – армяне в основном остались жить на своей земле...

Трагедия геноцида армян – темное, малоизученное дело. Так получилось, что большая часть исторической Армении, включая знаменитую гору Арарат после крушения Рима, потом Восточного Рима перешли к государству – правопреемнику, каким стала мусульманская Турция. Христианам жить в мусульманском государстве было не сказать, что хорошо – но и не сказать, что плохо, по крайней мере, армянский народ сохранился как народ.

Геноцид пятнадцатого года... Сам Алиев знал об этом несколько больше, чем средне-статистический советский чиновник, все таки Нахичевань... самая граница, а старики в тех местах долго живут и все-все помнят... Вроде как геноцид – карта против Турции, члена НАТО с откровенно антисоветским режимом фашистской военщины. Ан, нет, почему то эта карта не разыгрывалась. Единственный раз попытался Сталин, в сорок шестом, сразу после войны. В конце концов, гора Арарат – исконная территория армянского народа. А Турция – самую малость в Ось не вступила, режимчик там был... тот еще. Но нет, не получилось... у них – уже было, а у нас – не было. Потом – появилось, но легче не стало.

Паритет, мать его так и этак...

Так вот, старики. От стариков – Гейдар слышал разное, не любили они об этом говорить. Вопросы могли начать задавать – откуда знаешь, то да сё – а в Азербайджане вопросы могли быть нехорошие, граница то совсем рядом. Но говорили... что весь этот геноцид – ерунда одна. Русские войска пришли, вместе с ними армяне вперед продвинулись – причем нехорошо продвинулись. С массовыми эксцессами так сказать. А тут как на грех оказались солдаты, ответственные на выздоровление... хорошими манерами не страдающие, да и сами турки тоже. Как слух разнесся – так и начали армянам мстить. Да и сам масштаб геноцида армянами сильно преувеличен, большинству все же удалось удрать, причем в Россию.

Двадцатые... Усатый – национализма сильно остерегался – из этих мест, иллюзий у него как у того же Владимира Ильича не было. Меньшевистская Грузия, в самом Азербайджане похозяйничали англичане – в общем, создавалась тогда Закавказская республика, в составе Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР. Как бы уравновешивать друг друга, не допускать проявлений оголтелого национализма, плюс – какой-никакой обмен кадрами между этими тремя республиками, чтобы не складывалась мононациональная управленческая вертикаль. Тот же пример – Берия, грузин, но в Баку работал, потом много хороших людей в Баку и на месте поднял и с собой забрал. Но армяне тогда не *мелькали*...

Когда же начали мелькать... Пожалуй после тридцать седьмого. Да, наверное... если не позже. Евреев начали убирать с ключевых наркоматов еще перед войной, потому что куда годится – в ГУГБ евреев больше чем русских. А вот когда образовалось государство Израиль и держать евреев на ответственных постах стало просто опасно...

Вот тогда то наверняка и появились армяне. Вроде как умные, христиане, почти что русские. А ведь если так подумать – вторая еврейская нация, только не высовывается в отличие от евреев. Сплоченные, всегда готовые продвинуть своего, с большими связями в торговле – а это большой объем неучтенной налички, что дает возможность свободно «заносить», решать вопросы. Апофеоза все это достигло еще при Горбаче. Шахназаров, Баграмов, Аганбегян, Ситарян – не много ли армян, а? Маленькая республика – а куда не кинь – в окружении генсека, в ЦК КПСС. Причем это никуда не делось. Заткнулись, ушли на дно – но живы, здоровы, готовы действовать...

Кто вообще двигал вперед Горбача?

Алиев пометил себе в блокноте. Собрать информацию, пусть кто-то из своих накидает план оперативных мероприятий. Еще в восемьдесят пятом, в Париже – академик Абел Аганбегян, сопровождавший Горбача во время одного из первых зарубежных визитов, выступая перед представителями армянской диаспоры в Париже – открытым текстом сказал о том, что НКАО, Нагорный Карабах очень скоро станет армянским. Что сопровождалось аплодисментами.

От имени кого он давал такое обещание? И что с этим обещанием теперь? Может – поторопить кто решил?

Алиев сделал еще пару пометок в блокноте. Запустили ситуацию, запустили. Тут почва для нескольких ДОРов⁸, не для одного имеется. Упустили – вот и получается, что теперь сидим и думаем, летят ракеты или не летят...

Позвонил телефон. Обычный. Алиев схватил трубку.

– Алиев у аппарата!

– Товарищ Алиев, звонок... – доложил старший группы охраны. Какой – бессмысленно было уточнять.

– У главного?

– Так точно.

– Я иду.

⁸ Дело оперативной разработки.

Вашингтон, округ Колумбия. Пенсильвания-Авеню 1600. Белый Дом, восточное крыло. 11 сентября 1988 года

Председателю Президиума ВС СССР Гейдару Алиеву не стоило так беспокоиться относительно ядерного удара и начала ядерной войны. По правде говоря – Америка сейчас готова была к этому меньше всего.

Рейган был тяжело болен, скрывать это становилось все труднее и труднее, второй президентский срок он не дорабатывал – а долеживал. Транслятором высочайшей воли назначила сама себя леди-дракон, Нэнси Рейган. От этого – никто не был в восторге, но приходилось терпеть. Команда собранная Рейганом практически развалилась, в разгаре были слушания по делу Иран-Контрас и демократы не скрывали того, что вопрос об импичменте не ставится только потому, что все разумные люди понимают бессмысленность этого. Зато – на слушаниях подзрительно часто стали задавать вопросы относительно вице-президента США, Джорджа Буша, кандидата от Республиканской партии на предстоящих выборах. Бывший директор ЦРУ – по мнению демократов, он никак не мог быть в стороне от Иран-Контрас и демократы шли по откровенно пахнущему кровью следу. Председателем комиссии был Патрик Лихи и его люди вполне открыто обрабатывали свидетелей, обещая судебный иммунитет в обмен на показания против Буша. Демократов можно было понять – они умудрились выставить на почти гарантированных выборах очень слабого кандидата – Майкла Дукакиса. Он... в принципе не был слабым кандидатом, просто он не был ни оратором, ни шоуменом, а в политике это важно. Им ничего не оставалось – как пытаться дискредитировать в глазах избирателей вице-президента, а то и предъявить ему обвинение.

С другой стороны, среди кандидатов тоже была борьба... выдвижение Буша было сопряжено со сложностями. Его основными конкурентами были проповедник Пат Робертсон, сенатор Роберт Доул и генерал Александр Хейг. Вопрос сейчас шел о вице-президенте, Буш неожиданно выбрал не одного из проигравших в гонке – а малоизвестного и ничем не примечательного сенатора из Индианы Дэна Куэйла. Сейчас же, когда из СССР пришло сообщение о катастрофе в аэропорту Зварнотц, информация распространилась по живущему предвыборной лихорадкой Вашингтону подобно смертельным лучам радиации. Республиканцы лихорадочно готовили запасные варианты, демократы – делили посты в Белом доме, который, судя по всему, доставался им без боя. Один Брент Скаукрофт, генерал стратегической авиации, агрессивный мормон – мчался на базу Эндрюс, чтобы поднять в воздух «самолеты судного дня». Его интересовали не выборы, его интересовал конец света.

Первоначально, в Белом доме собрались люди из команды Буша, главным из которых был министр обороны, техасец по имени Дональд Рамсфельд. Он тоже номинировался от Республиканской партии – но и сам понимал, что шансы – после запятой. Молод, бизнесмен, никакого политического опыта, даже ни одного срока в конгрессе. Плюс – техасец, как и основной кандидат. А два техасца в Белом доме – это уже слишком. Но и он, ни на что в этом цикле не рассчитывающий – был удивлен выбором Куэйла.

Кроме Рамсфельда – в Белый дом успели приехать Конди Райс как главный специалист – советолог команды, директор ЦРУ, судья Вебстер и генерал Уильям Одом, директор АНБ, бывший помощник по военным вопросам Збигнева Бжезинского. Общение со старым поляком не было достоинством в глазах республиканской команды – но на это закрывали глаза, потому что антисоветизм генерала Одома уступал антисоветизму только разве Брента Скаукрофта.

Председатель ОКНШ адмирал Уильям Гроув младший тоже был в Вашингтоне, но остался в Пентагоне, спустившись в укрепленный подземный командный центр на случай, если дела пойдут совсем кувирком...

Президент США явился в этой компании подобно грому небесному, когда Рамсфельд нервно переговаривался по телефону с Далласом (до этого он уже переговорил со своим брокером, посоветовав продавать все по любой цене), Конди Райс сидела и что-то чертила в блокноте, судья вообще не было в комнате – он вышел, чтоб переговорить с ЦРУ по секретной линии связи, а генерал Одом сидел на приставном столе и нервно писал план первоочередных действий, что нужно сделать для разбирательства с Советами. Хорошо еще, что никто не занял место Президента. Кабинет был очень тесным, непригодным для больших совещаний, каждое место было на счету. Так что – вполне могли бы...

Президент шел сам, у него даже был нормальный цвет лица – в отличие от того нездорово-серого, какой наблюдался последний гор. Нэнси Рейган сопровождала мужа как гарпия, не обращая внимания на то, что это кабинет главы государства, а страна находится на грани войны...

– Сэр... – первым пришел в себя Рамсфельд – позвольте...

Рейган оттолкнул руку помощи.

– Спасибо, я сам. Я что-то не помню тебя, парень. Ты кто?

Всем стоило большого труда не переглянуться.

– Сэр, меня зовут Дональд Рамсфельд, я министр обороны.

– Ах, да... Бедняга Каспар...

«Рейгановский» министр обороны Каспар Уайнбергер был вынужден уйти в отставку после предъявления обвинений по делу Иран-Контрас.

– Конди... – президент улыбнулся.

– Да, сэр, это я – улыбнулась элегантная чернокожая женщина, как то не смотревшаяся здесь в этой цитадели власти – как поживаете, мистер Президент?

– Какое то время вам придется иметь дело со мной, парни... – оптимистично заявил все еще действующий президент – что вы тут натворили...

Рамсфельд кратко доложил о происходящем. Турецкие спецслужбы – получили данные о произошедшем в аэропорту Звартноц сильном взрыве. Одновременно с этим – расположенные в Турции и в Норвегии станции перехвата АНБ зафиксировали резкий скачок активности абонентов советской секретной связи. Данные передавались в зашифрованном виде, еще недавно их можно было бы прочесть – но после разгрома разведсети в Москве и ареста генерала Дмитрия Полякова русские сменили все шифры. Тем не менее – АНБ выделило лучших дешифровщиков и загрузило новый компьютер IBM, способный производить миллиарды вычислений в секунду для расшифровки. Никакие системы связи со спецбортом – а вице-президент летел основным бортом № 1, не действуют, связи с самолетом сопровождения тоже нет. И вообще, что происходит – никто толком не понимает, но вполне возможно, что дело идет к открытому военному столкновению.

– А что говорят Советы? – спросил президент.

Все нервно переглянулись. Как не пришло в голову, что существует красный телефон, специально для этих случаев. Возможно, сыграло свою роль то, что этим телефоном имеет право пользоваться не каждый. Президент был тяжело болен а вице-президент был в Ереване.

Президенту на стол принесли телефон. Вопреки общепринятому мнению он не был сделан из красного материала и не был покрашен – это был самый обычный телефон, какой использовался армией. И окрашен он был в обычный кремовый цвет, правда, он стоял под специальным колпаком, чтобы случайно никто не позвонил...

Установили связь. По протоколу, это должны были делать помощники главы государства, сейчас с американской стороны была Конди Райс, потому что она единственная уверенно говорила на русском языке.

С той стороны – трубку взял какой-то помощник, пришлось ждать. Ожидание – обошлось американцам еще в несколько метров нервов, которые как известно не восстанавливаются...

– Алло? – снова сказала в трубку Райс – вы меня слышите?

– Алло, кто это? – отозвалась трубка.

Она замялась. Голос был явно начальственным.

– Простите, с кем я говорю.

– Алиев у аппарата. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Конди Райс едва не выронила трубку.

– Что это? – нервно спросил Рамсфельд – Кто у аппарата?

– Одну секунду, сэр...

Негритянка – одними губами прошептала «Алиев!»

– Кагэбэ! – резко дернулся Вебстер.

В руке генерала Одома хрустнул карандаш – он помнил, как будучи еще военным атташе в Москве вывозил на Запад рукописи Архипелага ГУЛАГ Солженицына и как все те люди, с которыми он имел дело в Москве – боялись советской тайной полиции. Да и он – чувствовал себя не в своей тарелке, хотя и был защищен дипломатическим иммунитетом. Первая мысль была – возможно, нападение на вице-президента США явилось звеном в плане нового государственного переворота и КГБ во главе с Алиевых захватили власть в Москве, и убили все руководство страны. Если люди КГБ пришли к власти – они и в самом деле на грани войны.

Рейган протянул руку за трубкой.

– Добрый день, сэр! – поздоровался он – рад приветствовать вас, с вами говорит президент Соединенных штатов Америки Рональд Рейган.

Советский переводчик перевел слова американского президента. Следом – вступил в игру уже американский переводчик.

– Переведено верно, господин президент.

– Добрый день, товарищ президент. Полагаю, у нас есть, что обсудить по этому телефону.

Сложнее всего было со словом «товарищ». Дело в том, что в английском языке слово comrade означает нечто совсем другое, обращение это дружеское и предполагает близкое и давнее знакомство говорящих. Обычно – при общении по красной линии советские принимали игру американцев и использовали термин «мистер» – вроде как нейтрально, не сэр и не господин. Алиев был первым, кто нарушил эту традицию.

Рейган нетерпеливо зашарил по столу. Вебстер понял первым, сунул под руку президента блокнот и ручку.

What is his name? – написал Рейган

Блокнот сунули Райс, она, колебавшись, написала

Gaidar.

Вообще то правильно было Гейдар, но Конди Райс не верила, что может быть такое имя. Geidar. Гей... Дар. Что такое гей – понятно, это интернациональное определение. Дар – по-русски это нечто ценное, передаваемое безвозмездно, ценный подарок. Так что же получается – дар гомосексуалиста? Гомосексуалист в дар? Впрочем, Гайдар – получалось еще смешнее – это была фамилия известной советской династии. Гайдар – дед был советским командиром, участником гражданской войны и погиб при отражении нападения Гитлера на СССР. Гайдар-отец был хорошо известен американским спецслужбам – контр-адмирал, бывший резидент ГРУ на Кубе. Гайдар-сын тоже хорошо был известен американским спецслужбам – как крупный ученый – экономист и американский осведомитель.

Но Конди Райс не читала «Тимура и его команду» и знать такие тонкости не могла, точнее – она это просто не вспомнила. Не провела параллель.

Блокнот сунули президенту.

– Да, Гайдар, понимаю. Вам и в самом деле есть что сказать нам.

Переводчики перевели. Небольшое изменение имени, а так же то, что на востоке принято при обращении к уважаемому человеку по имени прибавлять слово «эфенди» – было списано на неизбежные сложности при межнациональном общении.

– Товарищ президент – начал читать Алиев по бумажке (если бы американцам удалось заглянуть в комнату в Кремле, они бы очень удивились, что никакой бумажки нет, впрочем – Алиев был опытным аппаратчиком и читал без бумажки) – от себя лично и лица всего советского народа мы приносим американскому народу глубокие соболезнования в связи с беспрецедентной трагедией в Ереване. Эта трагедия – отдается болью в сердцах как советского, так и американского народа, ведь среди тех, на кого подняли руку бандиты и убийцы – были представители обоих наших стран. Мы заверяем американский народ и вас лично, что это злодеяние не останется безнаказанным. На поиски бандитов брошены лучшие силы, наиболее опытные сотрудники. Все бандиты будут найдены и понесут самую суровую кару по советским законам.

Алиев шел в наступление. Вместо того, чтобы говорить об обострении отношений между двумя странами и заверять о том, что советская сторона не имеет никакого отношения к случившемуся – он построил свою речь так, что как будто он даже не допускает мысли о том, что к случившемуся может быть причастно правительство Советского союза. Теперь – Если Рейган хотел поднять эту тему – он должен был спросить прямо об этом, в свою очередь Алиев получал вполне законное право возмутиться подобными подозрениями. В межгосударственных отношениях не принято было совершать подобные вещи даже в отношении врагов, такое совершалось только в странах – изгоях в таких местах как Бейрут. Задавая такой вопрос, Рейган должен был понимать, что сейчас он рушит остатки отношений между СССР и США и сам, своей волей ведет страну к войне.

– ... На последний час – продолжил Алиев – в аэропорту, где произошел взрыв, огонь уже потушен, ведутся спасательные работы. Все спасенные – и советские и американские граждане – доставлены в больницы, им обеспечен уход и лучшая медицинская помощь. Специальная бригада военных и гражданских врачей вылетает из Москвы в эти минуты, чтобы оказать практическую помощь в лечении пострадавших. Мы можем заверить американский народ, что все американские граждане пострадавшие при террористическом акте получают самую лучшую медицинскую помощь наравне с советскими гражданами.

Переводчик перевел.

– Э... благодарю вас – Рейган решил потянуть время – мы бы хотели более подробно узнать о судьбе членов американской делегации.

– По данным, какие у меня есть на эту минуту, товарищ президент, из состава американской делегации погибли одиннадцать человек, предположительно все они были из охраны. Политический состав делегации не пострадал. Вице-президент доставлен в ереванскую больницу, ему оказывается помощь – но он жив и в сознании.

Директор АНБ скорописью написал что-то на листке бумаги, подsunул президенту.

– У нас есть информация, что в Армении перебрасываются советские воинские части, в том числе элитные парашютные соединения. Мы бы хотел узнать цель такой переброски войск.

– Целью переброски войск является оказание помощи при устранении последствий террористической атаки, а так же наведение порядка в самом городе Ереване. Так же войска возьмут под охрану те объекты, на которых находятся пострадавшие американские граждане с целью недопущения новых провокаций.

Телефон был на громкой связи.

– Американское правительство хотело бы прислать свою медицинскую бригаду для оказания помощи пострадавшим.

– Советское правительство будет радо принять помощь.

Быстрый и недвусмысленный ответ убедил Рейгана в том, что скорее всего американцы и его вице-президент не взяты в заложники. Оставалось выяснить еще одно.

– Господин председатель. Учитывая тот факт, что в нападении пострадали американские граждане, мы хотели бы послать группу следователей для создания совместной бригады и проведения совместного расследования случившегося...

– Советское правительство – помедлив, ответил Алиев – вполне способно само расследовать произошедшее. Однако, сотрудникам посольства США в Москве будет предоставлена возможность ознакомиться с материалами, собранными советскими следователями, а так же право присутствовать в суде, который будет производиться по этому делу. Присутствие американской следственной группы на территории СССР нежелательно...

* * *

Разговор произвел тяжелое и неоднозначное впечатление. На всех кроме Рейгана. Он был болен, в последнее время почти не занимался делами и команда не успела «накрутить» его относительно прихода на один из высших государственных постов в СССР высокопоставленного сотрудника КГБ, генерал-майора, да еще и мусульманина. Буш, например, уже был в достаточной степени накручен, Алиева он воспринимал как исчадье ада.

– Какое наказание полагается по советским законам за террористический акт? – спросил президент Рейган.

Все взгляды в который уже раз устремились на Райс как главного советолога команды.

– Полагаю, смертная казнь, господин президент – поколебавшись, сказала она – случившееся является покушением на государство, на власть, а в таких случаях советские законы наказывают особенно жестоко, намного жестче, чем на покушение на личность или личную собственность. У русских нет такого института как пожизненное заключение, а максимальное наказание в виде тюремного заключения составляет двадцать пять лет...

– Пятнадцать, Конди – перебил Одом – пятнадцать. Плюс у них нет такого института как сложение наказаний, так что пятнадцать лет – максимальный срок, который ты можешь просидеть в ГУЛАГе. Если конечно выживешь, что в ГУЛАГе далеко не факт. И если Советы не отправят тебя на смерть, что случается довольно часто. Я думаю, случившееся можно квалифицировать как государственную измену, в СССР за это – расстрел без вариантов⁹.

– Но в чем здесь акт измены? – спросил Вебстер, скорее как бывший судья апелляционного суда, чем как действующий директор ЦРУ.

– В том, что террористический акт произошел ведь не просто так. Он имеет целью воздействие на власть, создание напряженности между ими и нами, в конце концов, тот, кто это сделал, хотел чего-то добиться, громко, на весь мир заявить о себе. В условиях советского строя попытка оказать давление на власть, тем более таким образом – есть акт измены.

– Хорошо заявили о себе... – сказал Вебстер.

– Эй, Уилл – мягко сказал президент – да ты, похоже, поверил русским. Вот от тебя то никак не ожидал. И кстати – а где ты так хорошо выучил советское уголовное право?

– Да, сэр – сказал Одом – я поверил русским. В конце концов, я работал в Москве и знаю, что от них ждать. Если бы мне сказали, что русские ракеты летят через Северный полюс – я бы орал вам в ухо «нажмите скорей кнопку, сэр, и пошлите их в ад!». Но это... нет, это не русский почерк. По крайней мере, не почерк русских властей. Русские, если хотят громко о себе заявить – посылают агитаторов к нам на задворки, армию в Афганистан, ядерные ракеты на Кубу – но такого, что произошло в Ереване – нет, сэр, им просто не придет в голову сде-

⁹ Генерал Одом ошибается. Статья называется «измена Родине» и предусматривает возможность и тюремного заключения вместо смертной казни. Случившееся по УК АрмССР было бы квалифицировано как террористический акт с практически неизбежным смертным приговором всем участникам и организаторам из-за исключительной общественной опасности содеянного.

лать такое. Они считают себя равными нам. А это – поступок слабого, который сознает свою слабость.

– У русских долгая история внутреннего терроризма, сэр – сказала Райс – один их царь был убит террористами, в конце концов, КПСС наследует ВКП (б), которая, по сути, является террористической организацией, захватившей власть в стране.¹⁰ Мы считаем, что покушения были на Сталина, на Хрущева, на Брежнева. Нельзя исключать того предположения, что Юрий Андропов умер не от болезни почек, а был убит¹¹. В этих условиях – произошедшее в Ереване вполне может быть отчаянным актом каких-то инакомыслящих.

– Хороши инакомыслящие! – резко сказал Рейган – тогда какого черта они взорвали самолет Джорджа, а не этого... Гайдара в Москве?

– Сэр, самолет встречала официальная правительственная делегация, в которую входили высокопоставленные чиновники – сказал Вебстер – нельзя исключать, что удар был нацелен именно по ним, а наши просто пострадали случайно.

– Черт знает что... – сказал Рейган – мне это совсем не нравится. Газеты устроят соревнование, кто придумает более идиотскую теорию произошедшего. До сих пор находятся идиоты, которые считают, что в Далласе основной целью был Конелли¹².

– Сэр – не сдавался Вебстер – у нас есть данные, что в том месте, куда летел господин Буш, было не все ладно. Русские скрывают это – но в Армении есть националистическое движение и очень серьезное. Оно настроено резко против дальнейшего присутствия советских войск в Армении, за самоопределение армянского народа. Кроме того – в месте с названием Горный Карабак, если я правильно произношу, сэр, есть движение сепаратистов. Район принадлежит России, но большинство там армяне¹³. Мы не знаем, насколько все это серьезно – но по данным турецких постов перехвата советские войска проводят активные операции в этом районе. Русские бросили против армян элитные части, так называемые «внутренние войска». Армия уже была там, когда Джордж полетел туда с визитом.

– И какого черта он там забыл – раздраженно осведомился Рейган – вы что, не сообщили ему эту информацию?

Вебстер побледнел.

– Сэр, вся информация была доведена до выборного штаба.

– Выборы, сэр – напонила Райс – армяне.

– Ах, ну да... Деньги, лобби...

В голосе президента прозвучал сарказм. Было известно, что вице-президент Буш был навязан Рейгану некоторыми кругами в Республиканской партии, они не особо жаловали друг друга. Впрочем, президент своих людей не бросал – он показал это в Иран-Контрас, когда с людьми расставался очень неохотно.

– Итак – подвел некий итог Рейган – Уилл считает, что русские не могли этого сделать. Остальные мнения. Конди?

– Господин президент – колебавшись, сказала Райс – я бы не стала думать, что случившееся есть результат советской государственной воли. Однако – это может быть результатом внутренней борьбы неких групп влияния, в каждую из которых входят высокопоставлен-

¹⁰ Ошибка, связанная со слабым знанием истории СССР «главным советологом Белого Дома». Партия большевиков не поддерживала терроризм как политический метод, В.И. Ленин выступал в своих работах против индивидуального террора. Терроризм практиковала прежде всего партия эсеров, большевики же совершали преступления либо ради наживы (эксы, экспроприации), либо просто уходя от сил полиции.

¹¹ Старая история, ходившая по Москве в виде слухов, будто в Андропова стреляла супруга Н.А. Щелокова, бывшего министра внутренних дел СССР. На деле это ложь.

¹² Губернатор Техаса Дж Конелли сидел в открытой машине напротив президента Кеннеди, при стрельбе был тяжело ранен в спину.

¹³ На самом деле Нагорный Карабах принадлежит Армении. Дремучее невежество в Белом Доме – скорее правило, нежели исключение.

ные функционеры коммунистической партии, возможно даже члены Политбюро. Сэр, Алиев не должен был находиться там, где он находился, не должен был отвечать на телефонный звонок по красной линии. Он глава государства юридически, но фактически – всего лишь член Политбюро. Тот факт, что на звонок ответил не Соломенцев – нельзя упускать его из вида.

– И что? Этот... Гайдар может быть в этом замешан? Все, что он говорил нам – ложь?

– Не все так просто, сэр. Можно предположить, что интрига ведется не Алиевым, а против Алиева. В этом случае – следует предположить, что он овладел ситуацией и сейчас принимает все, чтобы свести к минимуму результаты атаки. Я не исключаю даже того, что через несколько дней мы услышим сообщение о смерти Соломенцева.

– Но Соломенцев глава государства!

– А этот... Гейдар – Одому удалось произнести имя правильно – он чекист. Так называют сотрудников КГБ. Вполне может быть так, что перед нами кульминация драмы. Случившееся – дает право политической и партийной верхушке СССР отставить в отставку руководство КГБ, провести кадровую чистку. Как вы помните, совсем недавно некие силы в СССР зачистили верхушку КГБ, чекистов. Но если Гейдар – главный среди чекистов – находится у главного телефона, в главном кабинете – может быть, что чекисты берут реванш. И начнется чистка уже среди их противников – в армии и Политбюро, господин президент.

Райс утвердительно кивнула.

– Может быть, даже направление в Армению специальных частей есть часть этой борьбы. Как нам удалось установить – министерство обороны СССР направило в район специальные части парашютистов, имеющие боевой опыт в Афганистане. Но одновременно с этим, в район направляются ударные части КГБ.

– Прекрасно! – сказал Рейган – а если они просто перестреляют друг друга – и наших граждан в том числе?

– Скорее – сказал директор ЦРУ – они будут соревноваться за право охранять их.

– Это немногим лучше. Ваше мнение?

Директор ЦРУ, бледный, нездорового вида от постоянного недосыпания и рваного ритма работы – встал, словно перед оглашением приговора.

– Сэр, я полагаю необходимым потребовать скорейшего возврата наших граждан, и Джорджа в том числе. Послать медицинские самолеты НАТО в Инжирлик и вывезти их сначала туда, а потом – в Рамштайн.

– Разумно.

– А если с этим будут проблемы – тут то и проявится истинное лицо русских.

– А что нам делать с расследованием? Вы можете послать кого-то из посольства? Неофициально, тихо...

– Нет, господин президент, – твердо сказал Вебстер, – это невозможно. Район кишит советскими солдатами, агентами КГБ. Даже простое нахождение в Ереване невозможно, скорее всего они выставят посты на улицах и будут у всех проверять документы. Если же наш человек будет проявлять активность – его немедленно схватят.

* * *

Обсуждение – быстро сошло на нет уже после того, как Одом высказался в пользу того, что русские говорят правду. Одом был законченным антисоветчиком, одним из злейших ястребов – и его слова прозвучали очень весомо.

К каждой администрации белого Дома прикомандирован сотрудник ЦРУ США, офицер связи. Основная его обязанность – выбивать у президента время для аудиенции директора ЦРУ, а так же разносить и собирать специальный информационный сборник, выпускаемый ЦРУ США в нескольких десятках экземпляров только для высших государственных деятелей

страны. Сейчас – офицером связи был человек по имени Гейб Абрахамс, довольно молодой, чем-то похожий на входящего в моду актера Брюса Уиллиса. Сейчас он терпеливо дожидался своего шефа в приемной – а когда тот вышел, протянул ему конверт из манильской бумаги. Его привезли прямо из Лэнгли – но у курьера не было допуска в Белый Дом – и потому его оставили внизу, в публичной зоне и вызвали Абрахамса – чтобы тот доставил конверт наверх.

– Сэр, особая срочность.

Директор ЦРУ взял конверт, разорвал его.

– Мать твою...

Вебстер побелел как мел. Сел на свободный стул, а если бы его не было – он бы, наверное, упал...

Первым – около директора оказался Уильям Одом.

– Что произошло?

– Перестрелка – выдавил бывший судья апелляционного суда – на границе СССР и Финляндии. Там проходил обмен. Советские пограничники открыли огонь. Вся группа и обменяемые убиты...

Москва, Кремль. Кабинет заседаний Политбюро. Ночь на 12 сентября 1988 года

Символы, символические действия и решения играют во власти намного большую роль, чем это принято признавать. А особенно большая роль и значение – им придается там, где власть идеократична. То есть в Советском союзе. Советская власть была скорее скопищем символов – начиная от единогласного голосования и заканчивая расстановкой на трибуне Мавзолея. И в такой ситуации – решительный и хорошо работающий человек – мог брать столько власти, сколько сможет. Точно так же – к власти шел Сталин.

Ситуация на этот день была крайне интересной. Все Политбюро было вывезено охраной из Москвы – при том что Алиев остался и провел переговоры с американцами. Политбюро – не уполномочивало его на это, никто не готовил ему материалов – и, кроме того, за провал в Армении должен быть кто-то ответить. При желании – и он как неофициальный куратор правоохранительных органов в составе Политбюро. Если даже не тронут его – могут сошвырнуть его азербайджанских ставленников в КГБ, после чего он станет свадебным генералом, почти не опасным для верхушки. А там – и на пенсию по состоянию здоровья. Или горбачевские дела можно поднять. Но с другой стороны – получалось как то так, что он один остался на посту в критический момент, когда все остальные сдриснули из Москвы. И вроде как получалось, что группа трусов – наказывает храброго.

Собрались в глубокую ночь. У Соломенцева диагностировали предынфарктное состояние. Молчаливо было принято решение не избирать ведущего – вроде как заместителя, но обменяться мнениями и принять те решения, откладывая принятие которых было нельзя.

Из «дома-2» на Лубянке приехал председатель КГБ Багиров. Он тоже находился в предынфарктном состоянии от происходящего – но на это никто не обращал внимание. На Политбюро ты должен явиться хоть полумертвым. Бывали случаи, когда прямо отсюда увозили в больницу, а потом в морг – еще при бровастом бывали...

– ... по предварительным данным... – читал он по бумажке, запинаясь и не очень уверенно – мощность взрывного устройства составила не менее полутора тонн в тротиловом эквиваленте. Выживших при взрыве, способных прояснить произошедшее нет – но есть подозрение, что мощное взрывное устройство было заложено заранее в машину аэродромного обслуживания либо в одну из машин правительственной делегации, встречавшей...

– Ты говори, говори да не заговаривайся! – заорал Громыко – как это правительственной делегации. Прохлопали бандитов, паразиты, а теперь все на партию валите! Гнать вас из органов поганой метлой!

– До Политбюро уже доводилась информация о нездоровой обстановке в армянском УКГБ – сказал Алиев.

– Так и оздоравлили бы! – зло сказал Громыко – и тут же осекся...

Комитет народного контроля Армянской ССР

ЦК КПСС

Отдел административных органов

Тов. Лукьянову А.И.

Копия.

Комитет народного контроля СССР

Уважаемый Анатолий Иванович!

В соответствии с вашим поручением всем контрольным органам СССР, данным на Ереванской партконференции – докладываем о неблагополучном состоянии дел, имеющем место в органах УКГБ Армении и о моральном разложении отдельных его сотрудников.

Так, майор госбезопасности Аносов П.В. в апреле этого года был задержан в нетрезвом состоянии и был доставлен в отделение милиции на улице Московян. Сотрудник комитета народного контроля Бедрасов К.К. был приглашен в качестве понятого и лично видел, как Аносов ругался в отделении милиции нецензурной бранью, допуская и антисоветские высказывания, несколько раз ударил ногой в дверь, оскорбил и попытался ударить дежурного офицера милиции. Никакие меры по отношению к Аносову ни в дисциплинарном ни в партийном порядке приняты не были, в журнале учета запись о задержании Аносова отсутствует.

Подполковник госбезопасности Караян Василий Марташесович оброс имуществом, так у него на семью из четырех человек есть три квартиры, две по две комнаты и одна четырехкомнатная, плюс большой дом в Ленинакане, а так же две машины, Ваз 2121 и Волга. При этом, подполковник Караян ведет антисоветский образ жизни, а именно занимается спекуляцией вещей, привезенных из-за границы, в разговорах неодобрительно отзываясь о Партии.

В самом комитете процветает атмосфера кумовства, начетничества, халатного отношения в делу. Так, полковник Заваян И.И. принял на работу свою дочь и своего зятя, майор Григян – свою супругу, подполковник Атанасян – устроил обоих своих сыновей, причем одного из них – по знакомству в УКГБ по г. Нахичевани. И это при том, что преступная обстановка в Ереване и в Армении не только не улучшается – но и продолжает ухудшаться. Так, например, выпущен вор в законе Кацавян К.А., купил себе дом на неизвестно какие средства, не работает, собирает вокруг себя молодежь. До сих пор не наказан вор в законе Карапетян по кличке Карпет, ни милиция ни КГБЮ не предпринимает против него никаких мер. Проходят антисоветские митинги, нам, честным гражданам по ночам опасно выходить на улицу, а в центре – опасно и днем. Такая ситуация не может быть терпимой, но наши неоднократные представления на проштрафившихся работников клались руководством комитета под сукно.

Анатолий Иванович! Зная вас как честного и принципиального коммуниста, беззаветно преданного делу Ленина, обращаемся к вам как к последней инстанции и просим навести порядок в нашей солнечной Армении, коммунистический порядок, чтобы людям было не страшно ходить по улице.

И.о. председателя Комитета народного контроля Армянской ССР
Караян С.А.

На самом деле – это был еще один ход Гейдара Алиева – хотя описанные перегибы, условно имели место. Он предвидел возможные осложнения в деле с Арменией – и одной простой и в общем то незначительной бумажкой подстраховал себя.

Все очень просто. К любому начальнику – приходят на стол тысячи таких бумажек. Тысячи. Десятки в день – это точно. Как минимум в половине – содержится такой бред, что просто не хочется читать. От них отпихиваешься, спихиваешь на подчиненных и идешь дальше.

Вот только когда происходит то, что произошло в аэропорту Звартноц – такая простая, в общем-то бумажка становится в умелых руках опаснее динамита. Потому что все, кто от нее отмахнулся, наложил небрежную резолюцию, получается «утратили бдительность» и «не приняли должных мер». А учитывая тяжесть произошедшего сами понимаете, к чему это ведет. К оргвыводам.

Хуже того – Громыко точно вспомнил, что Алиев еще и усугубил ситуацию. Он откуда-то поднял эту бумажку и предложил вынести ее на рассмотрение очередного заседания Политбюро ЦК, на котором должен был слушаться большой вопрос по Армении с вызовом Демирчяна. Скажите, положи руку на сердце – что бы вы сделали с такой бумажкой? По бюрократическим меркам не особо грамотно, факты сомнительные, сильно напоминает донос или сведение счетов. К тому же – направлено получается через голову непосредственного начальства, что уже наглость. Подписано и.о. – значит, начальник или заболел или в отпуске, а зам что хочет то и творит. И такое выносит на заседание Политбюро? Смеетесь?

Алиев настаивал и заслужил гневную отповедь Соломенцева – мол, не мешало бы вам, Гейдар Алиевич проявлять больше ленинской принципиальности в вопросе об Армении, а не идти на поводу у всякой националистической шушеры, не желающей работать и нагнетающей обстановку в республике. А теперь – все оказались в...

Жопе.

– И что теперь делать?

Громыко вздрогнул, когда понял, что сказал это вслух.

– Думаю, центральный аппарат уже направил в Армению опытных специалистов из особой инспекции КГБ, которые на месте... окажут помощь сотрудникам в этой и остальных ситуациях. Заодно пойдем, кто есть кто.

Заседание не клеилось. Бардак бардаком. Ни повестки, ни Генерального секретаря. Лучше бы не собирались совсем.

Открылась дверь. Вошел маршал Соколов, усталый, но по лицу видно – пронесло. На этот раз – пронесло.

– Американцы не поднимают заправщики! – с порога сказал он.

– Что это значит?

– Они держат в воздухе бомбардировщики, но должны их заправлять. Как конвейер, один заправщик уходит, другой подходит ему на смену. Только что донесла космическая разведка – база в Туле пропустила срок подъема своих машин. Значит – им ничего не остается, как сажать свои самолеты. Подлодки, конечно, останутся – но они всегда есть.

– А по Армении? – угрюмо спросил Громыко.

– Местные части по тревоге уже подняли, сейчас в Ереване садятся десантники – уверенно сказал Соколов – наведем порядок.

– Поздно! – вдруг истерически закричал Громыко – поздно, Сергей Леонидович! Наводите порядок, когда аэропорт целый взорвали! Бардак! Надо было с самого начала туда десантников! Чтобы они всю эту шушери к ногтю!

Алиев и Соколов едва заметно переглянулись. На Политбюро, посвященном Армении – Громыко говорил совсем другое.

Так – Андрей Андреевич Громыко – из скептически настроенного голубя по отношению к Армении и проблеме Карабаха – за одну минуту превратился в оголтелого ястреба.

Вашингтон, округ Колумбия. ОТЕЛЬ «Хей-Адамс». Вечер 11 сентября 1988 года

Директор АНБ генерал Уильям Одом выбрался из Белого дома уже под вечер, когда стемнело. Произошедшее – смертельно напугало его. Ни президент Рейган, ни министр обороны Рамсфельд не могли представить – насколько был напуган Одом, бывший военный атташе посольства США в Москве...

Положенный ему по штату бронированный Кадиллак – он сменил на Шевроле Каприс Брогэм в одном из правительственных гаражей Вашингтона. Их охраны – он оставил при себе только Мэтью. Мэтью, бывший охранник посольства США в Москве – был предан генералу Одому как никто по причинам, о которых знали только они двое...

Мэтью – остановил Каприс около отеля Хэй Адамс. Это было «прикормленное место» – близко и Белый Дом и Капитолий. В баре отеля, называвшемся Off the record было не протолкнуться от влиятельных персон, захавших выпить стаканчик перед тем, как отправиться домой в Джорджтаун. Черные лимузины мокли под накрапывающим дождем.

– Сэр? – вопросительно спросил Мэтью.

Генерал Одом вырвал листок из записной книжки. Лево́й рукой черкнул несколько слов.

– Иди, передай нашему армянскому другу...

Мэтью взял листок и вышел. Генерал Одом остался в машине, перебирать в голове события и информацию последних дней. Он должен был понять, насколько это все угрожает ему лично...

Мэтью появился через несколько минут. Сел в машину.

– Передал?

– Да.

– С кем он?

– С Трейси.

Генерал невнятно пробурчал ругательство. Что не говори – а этих парней нельзя недооценивать. Сейчас они тебе улыбаются – но стоит только отвернуться и они перережут тебе глотку.

Минут через двадцать – генерал уже начал психовать – из отеля вышел чуть пошатывающийся мужчина средних лет. Черный костюм, длиннее обычного, выющиеся, седые волосы... Привратник у отеля бросился помочь – но он раздраженно отстранил его, осматриваясь.

Мэтью мигнул фарами – и человек направился к их машине...

* * *

Черный Шевроле Каприс остановился на стоянке, принадлежащей Гольф-клубу в Арлингтоне – сейчас, в такое позднее время, да еще в дождь здесь никого не было. Оба человека, сидевших на заднем сидении Шевроле – были членами этого клуба, клуба, где играет сам Президент и сильные мира сего. Членский билет этого клуба – неотъемлемый атрибут вашингтонской элиты...

Двое, под накрапывающим дождем – неспешно пошли вдоль высаженного ряда деревьев, темных и страшных в темноте. С Потомака – дул несильный, но холодный и раздражающий ветер.

– Что происходит? – резко спросил Одом – вам не кажется, что это переходит всякие границы?

– О чем вы, друг мой...

Человек с седыми, вьющимися волосами буквально излучал дружелюбие – но генерал Одом знал, насколько опасно ему доверяться, этому показному дружелюбию. С семьдесят четвертого, с тех пор, как он вернулся из Москвы – они присосались к нему. Не в последнюю очередь именно их влиянием – он стал тем, кем был сейчас. Не исключено, что дьявол явился за товаром...

– Я о неких перечислениях. Отправитель – солидная адвокатская контора, посредник – банк Морган Чейз. Два перевода по одному миллиону долларов каждый. Получатель – экспортно-импортная компания в Испании. Продолжать?

– Не надо. Об этом не стоит беспокоиться...

Генерал Одом схватил собеседника за плечо, развернул к себе. Ветер колыхал пирамидальные тополя, скопившиеся на листьях капли дождя летели на них...

– А я все-таки беспокоюсь друзья мои. Потому что вслед за вами – на дно могу пойти и я – а мне этого совсем не хочется. Вы думаете, никто не догадывается, что экспорт и импорт масла из Испании прикрывает деятельность АСАЛА¹⁴?

Седой пожал плечами.

– Все так делают. В Бостоне в какую кафешку не зайдешь – обнаружишь до тошноты дружелюбного парня с ирландским акцентом, который собирает деньги – о, всего лишь для помощи бедным ирландцам, верно? И никого это не интересует, все делают вид, что все нормально. Подумаешь, два миллиона.

– Это нормально до тех пор, пока американские граждане не стали целями для ваших армянских отморозков!

– Но мы ничего не делаем! Тем более здесь! Мы уважаем закон...

Генерал Одом с трудом подавил желание дать этому прощелыге, представляющему «Трайпл-Эй», но не Американскую Автомобильную Ассоциацию, а Армянскую Ассамблею Америки – в морду. Чтобы с копыт...

– Несколько часов назад в аэропорту Звартноц произошел взрыв. Такой силы, что его зафиксировали турецкие станции слежения. В этот момент – в аэропорту был Борт номер один. Только не делайте удивленное лицо.

– Но мне и в самом деле ничего не известно. Какой ужас...

– Перестаньте... Вопрос даже не в том, виноваты вы или нет. А в том, кого решат назвать виноватым. В Белом Доме на этот счет есть серьезные сомнения, скажу я вам...

– Это могли быть русские. Вы не рассматриваете так версию?

– Рассматриваем. Вместе с другими. Но я хотел бы вас предупредить вот о чем. В Вашингтоне могут многое терпеть. Но не терроризм. Мы не можем прихлопнуть этого ублюдка Каддафи и добраться до шейха Иссы.¹⁵ Но вот здесь, в Вашингтоне...

– Повторяю еще раз – нам не в чем себя винить. Мы не видим за собой вины.

Одом раздраженно махнул рукой.

– Как считаете...

– Генерал! – позвал человек с седыми вьющимися волосами... – раз уж в этом дело, нельзя ли изъять файл с этими двумя миллионами из баз данных? Может быть, потерять, или что-то в этом роде. Спасибо!

Ничего не ответив, генерал сел в машину. А человек с длинными седыми волосами, финансовый кудесник и один из лидеров армянской общины Вашингтона – побрел к зданию клуба, чтобы оттуда позвонить и вызвать такси. Он не сомневался в том, что генерал уберет данные о переводе из баз данных. Не сомневался он и в том, что делать дальше...

¹⁴ Армянская секретная армия освобождения. Террористическая организация, создана в Бейруте.

¹⁵ На тот момент – лидер Хезбаллы.

Комитет государственной безопасности СССР

**Секретно
Шифром КГБ**

Двести двенадцатому¹⁶

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ

В дополнение к номеру 1118-2 сообщая сведения об подрывной активности националистических организаций армян на территории НКАО и прилегающих областей.

Начиная с 1986 года на территории НКАО фиксируется активность подрывных организаций националистического типа. Наиболее опасной является организация Крунк (Журавль), объединяющая ненадежные элементы как в самой НКАО, так и на территории Армянской СССР. Согласно полученной отделом КГБ по г. Степанакерту информации, организация Крунк создана как организация, имеющая политическое и боевое крыло (боевка). В политическое крыло привлекаются лица армянской национальности, в том числе известные в республике общественные деятели, деятели культуры, искусства, руководящий состав промышленных предприятий. Достоверно установлено, что отделение Крунка имеется в г. Москва, не исключено наличие отделений и в других крупных городах СССР. Вербовка в Крунк осуществляется по идеологическим, националистическим мотивам, а так же на почве недовольства трудностями. Цель политической организации Крунк – организация антиправительственных выступлений, общая дестабилизация обстановки, давление на партийные и советские органы с целью принятия выгодных националистическим кругам решений, инфильтрация в партийные и советские органы идеологически близких лиц, создание механизма круговой поруки для использования в том числе и в криминальных целях (дача и получение взяток, спекуляция).

Боевое крыло организации Крунк построено по типу небольших автономных групп, действующих изолированно. Лидерами указанных групп являются лица с уголовным прошлым, лица, имеющие радикально-националистические, антисоветские установки. По оперативным данным часть боевых групп возглавляют лица, незаконно освобожденные из мест заключения в Армянской ССР и переброшенные в НКАО с целью дестабилизации обстановки. На данный момент – боевой организации Крунк поставлена задача на накопление сил, а так же приобретение огнестрельного оружия.

¹⁶ Оперативные номера, которые были у всех высокопоставленных сотрудников КГБ. Двести двенадцатый – Председатель КГБ СССР К.М. Багиров. Пятьсот семьдесят пятый – председатель УКГБ Азербайджанской ССР И.И. Гореловский. Для справки, самый знаменитый номер в этом списке – сто семнадцатый, Ю.В. Андропов.

О складывающейся ситуации неоднократно (№ 511-3 от 8.5.86, 815-3 от 2.2.87 и др.) доносилось руководству КГБ СССР для принятия мер. Никаких действий с целью оздоровления обстановки принято не было.

Пятьсот семьдесят пятый

Месяцем ранее. СССР, Москва. 29 июля 1988 года

В Москве было позднее бабье лето.

Самое настоящее, какое бывает только на Руси. Теплое и тихое, с начинающими желтеть листьями, без дождей...

Осень...

В одном из подмосковных санаториев – тем самым, где всегда есть места для своих, тех, кому не светит получить разрешение отдохнуть на «Солнечном берегу» в почти своей Болгарии или даже в Крыму – долечивался человек. Солдат. То, что это солдат многие понимали, как понимали и то, откуда он вернулся. Иногда он просыпался с криком по ночам, все время молчал, держался на особенку от всех. Он выглядел лет на тридцать – в то время, как его глаза могли принадлежать пятидесятилетнему старику. В начавших отрастать волосах – просвечивала седина...

Этот парень лечился на совесть. Не секрет ни для кого, что мужчины не любят и не умеют лечиться, для них само пребывание в больнице – проявление слабости. Они говорят, что ничего не болит, когда на самом деле болит, норовят увильнуть от процедур, нарушить режим и тому подобное. Но этот... нет, этот лечился на совесть. Когда ему прописывали те или иные процедуры – он шел и делал их. Когда наставляла пора делать лечебную физкультуру – он делал больше, чем требовали врачи, терзая свое тело. Когда пациенты собирались поиграть в шахматы – причем не бывало случая, чтобы у кого-нибудь чего-нибудь не оказалось – он никогда не ходил туда. Майоры и полковники, лечившиеся здесь – сторонились его, тридцатилетнего старшего лейтенанта Советской армии с сединой в волосах. Здесь в основном лечились аналитики, штабные работники – и для благополучия обеих сторон лучше бы им было не встречаться с теми, кто исполняет их приказы. Точнее – с тем.

Брешь в стене, которой этот человек окружил себя, удалось пробить женщине. Ее звали Катя, у нее за плечами был неудачный брак и ребенок – муж просто бросил ее потому, что его мама настояла так сделать. У них в семье – мама была главная... пока существовала семья. С дочкой, она ютилась в Подмоскowie, жилье обещали дать только к следующей пятилетке. Подруга – по большому благу устроила ее сюда – как она сказала, чтобы устроила себе нормально жизнь. Это было что-то вроде «проституции по-советски», хотя по сравнению с тем, что творилось в западных странах все это походило на детский утренник. Просто в таких вот местах – мужики бывают одни и надолго, супруг сюда не пускают – потому что это считается режимной территорией. От майора до генерала, в основном до сорока лет – значит, ничего еще, в самом соку мужчинки. Многие либо в разводе, либо супружеская жизнь опостылела до чертиков... все дело в том, что «лейтенантши» то они одни, а вот как становятся «генеральшами»... тут куда хочешь беги. Халатик на голое тело и вперед. Администрация санатория это негласно поощряла – или, во всяком случае, закрывала глаза. Ну нет в Советском союзе проституток! Это во Французском иностранном легионе дамы вполне официально в штате состоят, звания получают... как раз для этого. А в Советском союзе так нельзя, тут просто за то, что кого-то когда то с кем то видели, и супруга написала куда надо – вызовут на партком, да так вмандюрат! Вот и приходится выкручиваться.

Катя с самого начала «не вписывалась». Родом из Владимирской области, из деревни, приехавшая не «покорять Москву», а учиться здесь на врача – она просто не могла вести себя так, как вел себя основной континент... эти то не стеснялись. Среди своих она была белой вороной, и когда девчонки за чаем начинали обсуждать, кто с кем, где и как – она готова была сквозь землю провалиться. Ей и кличку дали «честная».

Этот парень – а она его принимала – тоже был белой вороной. Тридцати лет – а в глазах кошмар и седина в волосах – ей просто жаль него стало. Заглянула в личное дело. Никаких

данных, нет даже номера части. Дураков не было, контингент был специфическим, тем более что ему пластику назначили – немного сменили лицо и убрали все шрамы, какие были. Простым солдатам такого не делают. Значит – спецназ, готовится к работе за рубежом.

У подружки она попросила немного поменять закрепление – тут за каждым пациентом была закреплена медсестра. Та ехидно ухмыльнулась, но сделала.

Сначала они вообще ни о чем не разговаривали. Просто подолгу сидели вместе. Потом – она все же сумела разговорить его. Он оказался москвичом, образованным парнем, свободно говорившим по-английски – когда он немного отошел, то даже по памяти читал ей Шекспира. Дочь учительницы английского языка и главного инженера завода, интеллигентная девочка – Катя не могла понять, как этого парня занесло в кровавый афганский кошмар. Никаких разговоров на эту тему он не поддерживал – замыкался к себе. Психиатр – а здесь психиатр работала под видом старшей медсестры – им не занималась, значит, психика в порядке. Хотя... кто это может знать...

Она была с ним и тогда, когда на подъездной дорожке к главному зданию появилась новенькая, черная, с квадратными фарами Волга. Они медленно шли по усыпанной листвою дорожке и говорили о Шарле Бодлере. И по тому, как он напрягся – как хищник перед прыжком, она поняла – вот и все. Больше – ничего не будет.

– Это за тобой? – пролепетала она.

– Да – ответил он – это – за мной...

И в его голосе – была звенящая ненависть...

– Ты можешь не ходить? – задала второй, еще более глупый вопрос она.

А он только улыбнулся ей.

– Пойдем... Холодно что-то сегодня...

* * *

Коробочка – лежала на журнальном столике. Маленькая такая – коробочка...

– Смотреть будешь? – спросил полковник Цагоев, командир Скворцова по Афганистану и по отряду особого назначения...

Скворцов не притронулся к коробке.

– Шило – как то равнодушно сказал он – ему что?

– За Отвагу отвалили – сказал Цагоев.

– Здорово...

– Ну, вот что, друг мой... – Цагоев заговорил прямо и жестко – тут не детский сад, б... Ты что – справедливости какой что-ли ищешь? Во!

Он показал – чисто по-русски – фигуру из трех пальцев.

– Нету ни хрена ни какой справедливости. Мы кровь льем – свою, чужую – неважно. А они наверху – жрут в три глотки, в спецраспределителях отовариваются, по загранкам летают, комсомолок трахают. Мерседесы покупают. И насрать им на все. На-срать! На все! А нам они – время от времени медальку кинут – иди, служи. Ты, думаешь, я им служу, а? На, посмотри...

Цагоев закатал рукав.

– Смотри, смотри... Знаешь, что это? Не знаешь. Как только я от тебя в Кандагаре вышел – меня шокером и в Баграм. Центр дознания, мать их устроили там, как в Чили – кагэбешники сраные! Пытались понять – куда информация ушла. Сказал бы я про тебя – тебя бы в двенадцать часов слили! Мать твою!

– Спасибо... – сказал Скворцов.

– Да насрать мне на твое спасибо! Ты думаешь, я им служу, этим козлам? Да я бы их собственноручно пошел бы и кончил на полигоне, дай кто такой приказ. Я родине, мать твою служу! Горам своим служу! Роду своему служу! Этому городу служу! Ты хоть прикидываешь,

что тут будет, как духи сюда доберутся? Помнишь, карты изымали? Весь Союз зеленый! Вот чтобы этого не было – я и служу!

Скворцов ничего не сказал.

– Хочешь знать, что тут будет? На, глянь.

На поверхность стола – шлепнулись, разлетевшись снимки. Скворцов глянул сначала мельком – потом заинтересовался, взял в руки.

– Где это?

– Зварнотц, Армения. Американского президента взорвали, так его мать! Заправщик с бомбой – прямо на самолет вышел!

– Жив?

– Куда там. Пепла не осталось... тварь.

– Я про американца... этого.

– А это... Жив... Его переправляли в Турцию – шестнадцать истребителей сопровождения. Восемь ихних, восемь наших. В Армении сейчас десантники... семнадцать убитых уже.

– Кого – убитых? – не понял Скворцов.

– Десантников... соображай – быстрее. Завтра – второй Афган у нас под ж... будет. Там и в Средней Азии. А ты, б... обиделся.

Скворцов взял коробочку, открыл ее. Тускло сверкнула красными, матовыми гранями звезда. Он положил ее на ладонь, сжал до боли – в Афганистане это называлось «крещение кровью».

– Приказывайте...

* * *

Домой он даже не заехал. Неприметная, гражданская одежда, чемоданчик в руках – с этим он вышел к электричке. Сел, заплатил за билет. Доехал до Ярославского, растворился в людской толчее. Еще один человек среднего возраста, без особых примет.

Он давно не на «трех вокзалах» – и то, что он увидел, ему не понравилось. Кроме обычной вокзальной толчеи – люди у касс, у киосков с журналами и нехитрой снедью – были и другие люди. Джинса, черные очки – примерно такой прикид все деда старались собрать перед отбытием из Афгана. Иногда в руках – ключи от машины, что они здесь делают в разгар рабочего дня – непонятно, но явно не работают. Какие-то группки, быстро собирающиеся и столь же быстро распадающиеся, толстые, золотозубые молодцы, цыгане. Торговля – где-то из-под полы, где-то открыто, кто-то что-то меряет прямо из баула. Стенд с книгами – он немного задержался, потому что читать любил... когда-то любил. Как он понял – мужик торговал дефицитными книгами, но официально – выдавал для прочтения, взамен брал денежный залог.

Отодвинув таксиста, назойливо предлагавшего свои услуги – он вышел на площадь. Решил поехать на трамвае.

И снова – толчея, суета, шум. Много машин, таксисты и бомбилы. Все это чем-то напоминало Кабул и потому было неприятно. Рядом с ним – громко обсуждали, где должны будут в ближайшее время выбросить дефицит.

Домой он заезжать не стал. Письма он писал – а мать сразу поймет, что он был ранен. Только этого и не хватало...

С пересадкой – он поехал до нужного места. Советский Пентагон, здание Десятого главного управления генерального штаба. В СССР очень любили клеймить позором империалистов, отправлявших наемников в разные страны мира – но вся разница между нами и ими заключалась только в том, что они брали деньги за то, что мы делали бесплатно. Хотя не всегда бесплатно – у Каддафи была нефть, и он хорошо платил. Советский союз имел своих наблюдателей и советников в... восьмидесяти что ли странах мира. И всеми ими – отправкой, дого-

воренностями с местными, получением денег (или заверений в вечной дружбе) занималось Десятое главное управление Министерства обороны СССР.

В заграничку – Николай отправлялся впервые. В Афгане он был – но туда попадали не так, сначала плацкартный вагон и сине-зеленые, едва стоящие на ногах призывники, потом учебка в Чирчике, где уже прошедшие Афган сержанты и прапоры быстро выбивали дурь десантными полусапогами. Потом – вертолет – и здравствуй, Афган, страна чудес¹⁷. А тут – вроде как в цивилизующую заграничку, да еще таким молодым. Обычно – офицерье годам к сорока отправлялось. За год командировки можно было накопить на кооперативную квартиру (чеками¹⁸).

В первом же кабинете его тормознули – нужен был комсомольский билет, а его как на грех не было. Пока искали – муржили два часа. Наконец Николай, отчаявшись, дал телефон, который ему сообщили «на самый крайний». Через тридцать минут – его подняли на этаж выше – начальство решило само посмотреть на «человека со связями».

– Лет то сколько? – спросил коренастый, пожилой полковник, записывая что-то в гроссбухе аккуратным, мелким почерком.

– Двадцать три...

Полковник присвистнул.

– Однако...

– Что-то не так, товарищ полковник? – вежливо спросил Николай. Отправляя его сюда, в Балашихе дали цэ-у вести себя максимально вежливо и не привлекать внимания.

– Да как то...

Полковник коротко взглянул на Николая.

– Оттуда?

– Да.

– Понятное дело. У меня сын там был...

– Жив?

– Да жив... – полковник вздохнул и продолжил – сидит...

– Как сидит?

– Как-как... В ресторане цапнулись с какими то... – полковник сделал неопределенный жест рукой – те бутылку разбили. Мой – двоих, голыми руками. Насмерть. Такой же рейнджер как ты...

– Звать как?

Полковник посмотрел на Николая.

– Да чего там... Все по закону...

– Товарищ полковник. Звать – как?

– Владимиром звать. Щеглов фамилия...

Николай сделал про себя заметку – спросить. Он немного времени пробыл в Москве... сначала, когда он шатался... после этого, в общем. Сейчас – немного дали времени, совсем немного. Но и того, что он видел – было достаточно. Москва гнила на глазах... очереди у магазинов... какие-то праздношатающиеся... таксисты... шпана всякая. У каждого магазина спекулянты, у любого «соки-воды», в которых почему-то водку продают – тоже толкуются, водка теперь есть, дорогая правда, но самогон гнать не перестали. Все поползло... как после долгой зимы, когда мокрый снег превращается в кашу и начинает проступать грязь, которая под ним скрывалась всю долгую зиму. Ему было противно... просто физически противно наблюдать такое. В Афганистане – смерть поджидала тебя на каждом шагу... но в то же время там были люди, готовые отдать за тебя жизнь. Сразу – не раздумывая, не сомневаясь. А тут... какая-

¹⁷ Афганистан – страна чудес. Зашел в кишлак и там исчез.

¹⁸ Чеки Внешпосылторга. Квизивалюта, существовавшая в СССР в наличном и безналичном виде, на эти Чеки можно было отовариваться в валютных магазинах Березка.

то мерзкая суета. И если братишка попал – его долг вытащить. Тем более, что ментов вон, повыпускали, дела пачками пересматривают, в санатории только об этом и говорили. Пусть и братишку выпустят... нельзя так.

– Куда меня? – спросил Николай, чтобы заполнить паузу.

– А ты что, рейнджер, не знаешь? Не довели, что ли?

– Сказали – на Восток куда-то.

– На Восток... Восток – он разный бывает, юноша. Я вот крайний раз в Йемен катался... срач такой, что и не выскажешь. А тебе сходу повезло – Дамаск. Считай, африканский Париж. Туда чтобы попасть такая очередь, я тебе скажу, стоит... Так что в двадцать три года... Хотя...

Полковник посуровел лицом.

– Не один ты туда едешь. Так... здесь, значит расписывайся. Твой пакет документов. Потеряешь – не знаю даже, что и будет.

Николай вывернул пакет на стол. Билет на рейс Аэрофлота... завтра. Синий служебный паспорт, – который выдавался ему как специалисту, командированному с целью мелиорации земель на ближнем Востоке. Прикрепительный талон в физкультурную организацию – за границей комсомольских не было...

– Положено комсомольский билет сдавать, да ладно, возьму грех на душу – сказал полковник – езжай, рейнджер. И возвращайся...

* * *

Отца дома не было. Болел... лечился. Николай дал себе зарок, что съездит и проведает – но знал, что сдержать его не сможет. Да и незачем... обоим душу то рвать.

Мать... рано поседевшая, нервно перебирающая в руках недоконченное шитье – молча собрала на стол. Села напротив. Николай ел жадно... про такое говорят – смотри ложку не проглоти. Домашней стряпни он не видел несколько месяцев... хотя такие же макароны по-флотски, как и в столовке части.

– Все нормально – сказал он матери, когда тарелка опустела.

– Положить еще?

– Да не, мам, сыт я... Я ненадолго...

– Куда? – только и спросила мать – опять...

– Да не... туда больше не ногой. Дамаск, мам. Это вообще африканский Париж, цивилизованная страна. Там и воевать то не придется. Буду местным товарищам... опыт так сказать передавать. Там никаких душманов, ничего нет.

Мать резко отставила табуретку так, что она грохнулась об пол. Вышла из кухни...

Николай налил себе чая. Не выдержал, пошел следом. Мать тихо плакала, сжавшись в кресле.

– Ну что ты, мам... – он не знал, что еще сказать и что сделать – там нет войны. Зато там чеками платят. Вернусь, кооператив куплю. Семей обзаведусь...

– Будь прокляты эти чеки... – сказала мать, и тут опомнилась, схватила за руку – прости, Господи, дуру старую... Язык как помело. Ты главное возвращайся. И вперед не лезь... найдут, кого послать. Главное – никуда не ввязывайся, обещаешь?

– Обещаю, мам. Обещаю...

Но мать почему то снова заплакала...

Москва, СССР. Бутово. 12 сентября 1988 года

*На столе лежит молодчик
Тускло свечи горят
А это был убит налетчик
За него – отомстят...*

Народная воровская песня

Две машины – новенькая Лада-восьмерка и старый, с просевшими рессорами Иж-пирожок, маленький фургон, стояли во дворе самого обычно панельного дома – девятиэтажки, где-то на окраине Москвы. Дом был самым обыкновенным – высоким, в меру обшарпанным, с полощущимся на веревках выстиранным бельем и разномастными скворечниками самодельно застекленных балконов. Был рабочий день, точнее – день то к концу шел, но время было самое законное, рабочее, пяти часов еще не было. Это был спальный район, один из многих, которых построили при «непотопляемом бровеносце» и люди ездили на работу за несколько километров. Поэтому – сейчас во дворе была только компания старичков, азартно шлепающих костяшками домино по покосившемуся столу, да пара мамаш, важно наматывающих круги с колясками вокруг дома. Да эти две машины, стоящие около одного из подъездов и приехавшие непонятно к кому...

В машинах этих – было семь человек. Самых разных внешне, но кое-что их объединяло, что понятно было только наметанному глазу. Нарочитая небрежность в одежде, некая крученая театральность жестов, нервная, блатная дерганость, порывистость, постоянная готовность к рывку, И, конечно, партаки¹⁹... Под замызганными пиджаками и моднявыми джинсовыми куртками не видно, но пальцы, пальцы... «Отбыл срок звонком», «Отбыл срок за грабеж» и много чего еще можно было узнать, едва взглянув на руки этих людей. Но за руки в Советском союзе не сажают, не так ли, товарищи...

– Время... – сказал один из блатных, сидящий на правом переднем сидении чернявый блатарь лет тридцати. Со своей спадающей на глаза челкой и клетчатым пиджачком он работал под какого-то актера...

– Нишкни, Муха... – раздалось уверенное, с заднего сидения – не стучи копытами...

Муха, в ином случае уже подорвавшийся бы – не повел и ухом. Более того – он стерпел бы любое оскорбление и даже почти любое издевательство от развалившегося королем на заднем сидении можной «восьмерки» сухого, среднего роста очкарика. Муха был стремящимся²⁰ – отмотал всего один срок, и то по малолетке, но по серьезной статье – групповой разбой и тяжкие телесные, повлекшие смерть, целой компанией до смерти запинали мужика и забрали получку. А вот тот, кто сидел на заднем сидении один – такие как он, не могут терпеть соседей – уже носил погоны на плечах²¹...

* * *

– Рыба!

¹⁹ Татуировки.

²⁰ Тот, кто не признан блатным – но живет по блатным понятиям и стремится им стать.

²¹ Носить погоны (эполеты) – быть вором в законе.

Выигравший дядек – лет шестьдесят, с неопрятной седой щетиной – победно посмотрел на соседей и партнеров по игре...

– Ну, ты и дашь, Виталич...

– А то...

– Вы его лапсердак²² потрясите, юноша. Там небось – много чего припрятано...

– Виталий Семенович...

– Я шестьдесят три года как Виталий Семенович... – сказал лысоватый крепкий старик, выкладывающий на стол монету в пятнадцать копеек (играли по мелочи) – в машинах, у четвертого, кто?

Один из стариков надел старые, с замотанной синей изолентой дужкой очки, подслеповато всмотрелся.

– К Маринке, наверное. С третьего. У... блядища, кобели так и таскаются.

– Может, вызвать? Пускай проверят...

– Да ну... Связываться... Давай, мешай... а ты, Виталич, в стороне сиди. У тебя руки...

– Золотые...

– Угу. Того самого цвета.

А один из сидящих за столом мужчиков – он в этом дворе был всего чуть больше часа, но в компашку доминошников вписался как родной – подумал, что не все зависит от милиции. Хают милицию, хают... кому только не лень. А вот и в самом деле – оторвать задницу от скамейки, пойти и позвонить... нет. А ведь еще лет десять назад – пошли бы и позвонили. И в отделении... не отфутболили бы, как сейчас это бывает... приходится даже телефоны выборочно прослушивать и сверять с записями в журнале регистрации, чтобы выяснить сколько не зарегистрировали – а прислали бы помогайку²³, да проверили бы документы. Вот и спалилась бы банда. Но нет – не сходят и не позвонят, как будто не в своей стране живут. А потом – жалуются, что преступность выше крыши, на улицу вечером не выйти.

Правда, виноваты в этом обе стороны. Люди стали другими, государство стало другим. И ничего с этим не поделаешь...

– Ходи... – кто-то ткнул его локтем в бок.

Он сходил.

* * *

Веселая компашка пацанов – вынырнула из подворотни, помчалась по двору, размахивая портфелями и весело топая по лужам. Это был их двор, их город, их страна – и все, что было перед ними в качестве проблем – это годовая контроха по русскому. Только и всего...

– Глянь! Витек! Восьмерка!

В те времена – даже новая модель Ваза привлекала внимание, что уж говорить об иномарке типа Тойоты, одно появление такой машины во дворе было настоящим событием, из соседних дворов смотреть сбегались. Мигом забыв проблемы с предстоящей контрохой – пацаны заворожено уставились на рублено-обтекаемое чудо советского автопрома.

– Восьмера...

– А у меня такая же будет...

– Врешь!

– Не вру! Брат из Афганистана вернется – ему положена!

– Держи карман шире!

– Смотрите, на стекле чего написано!

²² Пиджак (не только блатное, но и еврейское)

²³ ПМГ – патрульная милиционная группа.

Хлопнула дверь, с водительского сидения выбрался водитель восьмерки. Нагловатого вида, джинсы, кожан – похож на таксиста нового поколения, поднимающего три зарплаты на леваче и прирабатывающего продажей водки, а кое-где – уже и наркоты...

– А ну, сдриснули – мухой! Черти!

Пацанам второго слова было не надо – они бросились бежать. Не врассыпную, но бросились. Несмотря на то, что они росли в своем городе, в своем дворе, в своей стране – они знали, что бывает – по всякому. В одиннадцать – двенадцать лет – они уже слушали страшноватые рассказы про то, как на соседнем районе недавно убили паренька на три года старше их – двое взяли его, уже избитого, за руки – за ноги и били об перекладину ворот на поле за школой. Они знали, что так бывает и тоже ... и чувствовали, когда надо бежать без оглядки. А в этом водиле в кожане – они чувствовали злую, наглую волю, которая может переехать их и забыть об этом через пять минут. От таких – надо было бежать...

* * *

Топая новыми, только что купленными за полтинник американскими кроссовками по грязным лужам и расплывшимся от сырости клумбам, во двор сбежал маленький, похожий на подростка человек. Это тоже был стремящийся... их хорошей семьи, но связавшийся с плохой компанией. Звали его Вадим, и уголовники его использовали там, где нужен был именно такой, похожий на нормального, без единой чернильной точки под кожей. Ничего серьезного у него за душой пока что не было – так, хвосты матерым подносил...

Вадим подбежал к восьмере, сунулся внутрь.

– Там!

– Видел? – растягивая по-блатному слова спросил сидевший на правом-переднем.

– Точняк, отвечаю!

– Самого Кима видел?

– Не, но тачка его – точняк там. Тойота, красная, со двора стоит. Шикарная лайба, точняк его, без базара...

Вадим был совсем молодым, и лупил известные ему блатные слова в дело и не в дело...

Сидевший на правом-переднем *ухарь* – небрежным жестом потрепал его по плечу.

– Теперь сдристни отсюда, мухой. Вечерком брякну...

Пацан в кроссовках за полтинник, которые купил ему в подарок отец – чиновник Внешторга – побежал дальше, во весь опор убегая от срока за вымогательство, а возможно – и за убийство. Его время еще не пришло...

– Муха...

– Пацан правильный – задумчиво сказал Муха – из мажоров, но правильный. Стремится.

– Отвечаешь. Поехали...

Восьмерка резко, с пробуксовкой тронулась с места, следом – отставая, покатились и *пирожок*, в котором хорошо было вывозить людей в лес.

* * *

Пролетев поперек дороги под яростный гудок желтой, таксистской волжаны – восьмерка резко ввалилась во двор, одну из стен которого составляли зады нужной стекляшки. Зады были самые обыкновенные: ржавая сетка – рабица на полусгнивших слегах, валяющаяся тут и зимой и летом никому не нужная пустая тара, размешанная сапогами грузчиков грязь, два ободранных мусорных контейнера, полных с верхом. Дальше – эстакада, как раз по высоте кузова Зил-130, рабочей лошади советской торговли. На ней, сидя на корточках курят двое работяг-грузчиков в засаленных, черных телогрейках и с пропитыми лицами...

Восьмерка тормознула прямо перед мордой Тойоты – на грани фолла, едва не боднув. Водитель и пассажир с правого-переднего выскочили из машины одновременно, оставив двери широко открытыми. Водила восьмерки резко, без рук – запрыгнул на эстакаду.

– Ты куда, мужик! Сюда нельзя!

– Ща, отец... – невнятно ответит тот, и сделал короткое движение рукой.

Нанявшийся на день бомжара осел, хватая ртом воздух, как вытасненная из воды рыба.

– Ты чего...

Второго успокоили просто – пассажир с правого переднего сбросил его с эстакады пинком, а водитель – приглубил завернутой в газету арматуриной – по голове. Потом – перебрал арматуру в другую руку...

Очкастый – ногой подвинул ящик и взобрался на эстакаду как по ступеньке. Законному – не пристало прыгать как мартышке, за него и гладиаторы попрыгают.

Тем временем пассажир с правого-переднего – аккуратно открыл приоткрытый задний ход в магазин. Шагнул внутрь.

Внутри – тоже было все то же самое, как и в обычном советском магазине. Проход доверху заставлен пустой тарой, в основном деревянными ящиками и гнутыми из проволоки – под молочное, которое продавалось в бутылках²⁴. Надо бы отправить обратно на комбинат – да грузить лень, однако...

Поворот, тускло светит висящая под самым потолком лампочка, выкрашенная зачем-то краской. Еще поворот.

Кореец – Коган, телохранитель Кима, маленький, и верткий, со сморщенным в кулачок лицом – подхватился с перевернутого ящика, но бандит с правого-переднего его опередил. Резко махнул рукой – и не успевший принять боевую стойку кореец так и повалился на грязный бетонный пол. Гладкий, тускло поблескивающий шарик весом чуть ли не в полкилограмма – от большого подшипника, удобно запястья тренировать – катился к ногам хозяина...

Бандит почтительно посторонился, пропуская к двери Вора.

* * *

Небритый, заросший щетиной дядек, держа в потном кулаке пару мятых купюр – вывернулся из подворотни, шаркающим, нетвердым шагом направился к стекляшке. У стекляшки такого оживления, как в старые добрые времена не было – беленькая стояла свободно, только не укупишь – двадцать пять рубликов изволь – выложь, четвертной. Хуже, чем у таксистов в свое время, те и за два чирика отдавали. Кто хочет подешевле – тому к тете Маше, что в фабричном доме проживает – ей с деревни везут, бидонами, она разливает и продает. Чирик за четверть мутной, воняющей сивухой, щедро одобренной для крепости димедролом бурды – от которой можно и копыта откинуть. А если пройти подальше и спросить Вазгена в чебуречной – то за тот же чирик, можно достать четверть относительно чистого, разбавленного водой, воняющего жженой резиной спирта. Вазген – молодец, он контакты с летчиками в какой-то части установил, там спирт зачем-то в самолеты заливают... а потом сливают. И по идее – в канаву выливают. Но многие к Вазгену опасаются идти, мало ли с чем там этот спирт после самолета, еще верней коньки отбросишь, чем от самогона тети Маши. Но идут – трубы если горят, так тут и лосьон полетит...

Вот такой вот расклад... невеселый. Ну негде рабочему человеку выпить, негде. Хоть еще раз революцию устраивай...

²⁴ Эх, времена были... Молоко – как с росой было. А сейчас пьешь – на языке как пыль мелкая от сухого молока водой разведенного.

Ошивающиеся около Ижа – пирожка двое мутных, фиксатых личностей со всепонимающими улыбочками и руками в карманах – обратили внимание на упорно борющегося со штормом забулдыгу, только когда он подвалил к самому магазину. Возможно, если бы он не споткнулся на первой же ступеньке, не выругался в голос, руками нащупывая точку опоры на заплыванном бетоне – они и не обратили бы на него никакого внимания. Обращать внимание на пропойного алкоголика не то, что впадлу... это просто глупо, точно так же как обращать внимание на пробежавшую мимо бродячую, лохматую собаку. Но алкоголик попал в поле зрения стоявших на стреме блатных – и один решил покуражиться. Просто так – блатным не нужен какой-то повод, чтобы унижить человека слабее себя... это называется «крутануться на кураже», показать свою власть, жесткость, крутость, что мол мы из крепкого теста сделаны...

– Слышь!

– А?

– Синяк прется. Сделай его!

– А чо...

– Через плечо! Пшел!

Среди блатных, да и не только, наверное, среди блатных – в компании из двух человек один будет главным, а второй будет ему подчиняться. Поэтому – главный захотел «сделать» в общем то безобидного на вид пропойцу, но не сам – отправил шестерку. И спектакль бесплатный посмотреть и свое самолюбие потешить – я приказал, а он подчинился.

Хлябающей, разболтанной походкой – молодой блатной догнал синяка как раз на ступеньках. Легко, в один прыг преодолев сразу две – оказался рядом.

– Слышь, ты! Чудила с Нижнего Тагила! Чо потерял здесь?

Алкоголик что-то замычал, ему удалось, наконец, принять вертикальные положение бренного тела. Несло от него как от винокуренной бочки.

– Это... я... чо...

– Через плечо! А ну – пшел отсюда! Давай, давай...

– Это... ты чего... сынок...

– Ать... батя нашелся. Давай, давай... у... ай...

Батя – неспешно поковылял обратно, как раз мимо фургона – не въехал, доходяга дохлый. Второй блатной, главный из двух – напрягся, чтобы отоварить доходягу с ноги, как только он пойдет мимо.

Ни один из бандитов даже не понял, что произошло. Полетевшую было ногу что-то как подкрутило и придало дополнительное ускорение – не ожидавший этого бандит потеряло равновесие и, взмахнув руками упал, ударившись головой о заднюю дверцу пирожка. Второй бандит, так и не поняв, что произошло – открыл рот, но сказать ничего не успел: доходяга уже стоял перед ним. Закрыться блатной – несмотря на то, что в качалку ходил и по виду Брюса Ли смотрел – тоже не успел: первый удар пришелся в кадык, второй, с левой руки – в солнышко. Но пробил так, что он опустился прямо во всю грязь, прямо как был, в шикарной, серой ГДРовской кожаной куртке. Отряд не заметил потери бойца...

С неожиданной силой – доходяга подхватил его и бросил за фургончик, чтобы не видно было от входа. Хромированными наручниками проворно сковал левую руку одного блатного с правой рукой другого, пропустив цепь наручников через крепление заднего бампера: самого бампера не было, а крепление было очень удобным, как специально сделанным для таких целей. Затем – достал маленькую, с ладонь рацию – на пятьсот метров всего бьет, но больше и не надо. Выдвинул длинную, блестящую антенну.

– Два нуля!

* * *

Ким был на месте. И директор гастронома – тоже, по странному стечению обстоятельств, кореец по папе – тоже был на месте. Считали выручку...

– Деловым людям...

Законник сделал какое-то движение рукой, отдаленно напоминающее, как мушкетеры приветствовали друг друга, подметая перьями на шляпах мостовую...

– Тебе чего?! – удивился Ким.

– Да вот... Зашел спросить – кто крышу тебе, такому красивому делает. Почему на общие дела не башляешь. Вижу – удачно зашел – вор кивнул на открытый кейс, полный купюр самого разного достоинства, перехваченных резинками.

– Я собирался...

– Собирался, собирался... Три птички сидели на заборе, две собрались улететь – сколько осталось? Штраф на тебя, натикал, деловой. Да и я... за беспокойство возьму. А беспокоить я тебя часто буду...

* * *

Времени не было – бросив рацию, чтобы освободить руку (ох, взь...т за это...) доходяга обогнул торец дома, чуть не поскользнулся на грязи, выскочил во двор.

Водила – подорвался моментально, перекрыл дорогу, размахиваясь газетным свертком в руке. Смешно – но оснований для применения оружия не было...

* * *

Красно-желтый, с надписью «Мосгорэлектросеть» полноприводный КамАЗ 43118 – медведем проехался через газон, чуть ли не через пустую по причине рабочего дня и спального района остановку, едва не вызвав сердечный приступ у бабушки – божьего одуванчика. Если присмотреться – у КамАЗа были подозрительно мутноватые стекла и несколько нарушенные пропорции кабины. Но присматриваться было некому и некогда – сзади открылись широкие распашные дверцы, грохнули об асфальт десантные полуботинки. На выскочивших из кузова рослых, плечистых бойцах была серо-сине-черная форма «серый волк», черные бронежилеты, белые, похожие на новые мотоциклетные каски шлемы с прозрачным забралом. Короткоствольные автоматы в руках и надпись большими буквами ОМОН спереди и сзади на бронежилетах.

Слаженно – ОМОНовцы ринулись в разные стороны, двое – блокировать движение на тротуаре, чтобы не допустить посторонних лиц. Остальные – к хлябающим на сильной пружине дверям стеклашки.

* * *

Иваньков не был бы законником, если бы не был готов – ко всему и всегда. Услышав подозрительный звук, едва слышный здесь, в директорском кабинете – это был топот ног – он моментально все понял...

Выскочил в коридор, ломанулся лосем, не забыв крикнуть – «делай!». Его гладиатор – ему по жизни обязан, должен спасти, дать хотя бы несколько секунд. В любом случае на зоне подогреют, а если сдаст – на перо поставят...

Рука – машинально, на бегу хватанула штабель ящиков у стены, те стали падать, перекрывая проход. Только бы успеть...

Только бы успеть...

* * *

Милиционер – пропустил свистнувший газетный сверток над собой, неожиданно ловко пригнулся. Сумел еще врезать водиле поддых, из неудобного положения – но тот только зашипел, самортизировал прессом удар. Замахнулся снова.

Во дворик – влетела новенькая семерка, тормознула, водитель мгновенно оценил ситуацию, толкнул коленом дверь...

– Бах!

Водитель с железной трубой – взвыл, хватаясь за простреленное плечо. Газетный сверток глухо стукнулся об асфальт...

* * *

С пинка проскочив дверь – вор услышал выстрел – обложили! Справа – столпотворение машин, Гюрзач, молодец, схватился с кем-то. Не забуду...

Бежать...

* * *

Поняв, кто выскочил через заднюю дверь магазина – доходяга извернулся и выхватил невесть откуда массивный Стечкин.

– Иваньков – стоять!

Вор подорвался – с ходу, скакнув в сторону как лось. Грамотно подорвался, прыгнул в сторону подельников, прикрылся ими. До свободы было метров тридцать, там проходняк – можно уйти, ищи ветра в поле.

Ствол АПС в твердой как гранит руке указывал на бегущего вора.

Бах! Бах! Бах! Бах!

Убегающий вор споткнулся – и растянулся с размаху на земле, упав лицом в развезенную ногами грязь.

– Атас!

С треском проломившись через дверь, подминая пол собой остатки ни в чем не повинной тары – на эстакаду, держа автомат перед собой, носорогом выломился здоровенный ОМОНовец. За ним – тяжело топал другой...

– На землю! Буду стрелять!

– Свои! МУР!

Несмотря на этот окрик – доходяга послушно лег в самую грязь, рядом с завывающим белугой водилой с простреленным плечом. Молодой, из семерки – бросать оружие не спешил, просто поднял руки, держа в одной из них пистолет за спусковую скобу, чтобы было видно.

– Витек! – вдруг присмотревшись, крикнул он – будь здоров, пехтура! Ты чего в братана целишься?

ОМОНовец присмотрелся.

– Санек... Ты что ли?

– Я...

– Вот ё-мое. Отбой, свои. Братуха мой, по Афгану.

Автоматы опустились.

Дамаск, Сирия. 01 августа 1988 года

Николай летел в Сирию обычным, рейсовым самолетом Аэрофлота. На этом направлении ходил не доходяга сто пятьдесят четвертый, с пыточными креслами и ненавязчиво-советским сервисом – а красавец шестьдесят второй, самолет для дальних рейсов. Но впечатление сразу ломалось, как только оказывался внутри самолета. Видимо, этот Ил был списан с рейсов в кап-страны и брошен на перевозки в страны третьего мира. Пластмассовый столик в кресле впереди был непоправимо сломан, на обивке кресел были подозрительные пятна, а стойкий запах блевотины в салоне невозможно было вытравить даже массированным применением чистящего средства.

Николай летел один, не в группе – и моментально выделил три категории пассажиров. Первая – самая малочисленная – обычные граждане, гражданские, летящие в Сирию по своим делам. Они отличались явно не военными повадками и большим количеством сумок, какие они рассовывали по отсекам над креслами. Вторая категория – побольше – это братья наши меньшие, Николай окрестил их «духи». Как он будет работать с ними, он не знал, с Афгана у него сложился острый комплекс подозрительности к тем, у кого есть борода и кожа темнее обычной. Хотя он понимал, что Сирия не Афганистан, и вроде как социалистическая страна – подделать он с собой ничего не мог. Хотя эти... на духов они мало были похожи... или усаые или чисто выбритые, оливковая кожа скупые, экономные движения. Институт дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Военно-Дипломатическая академия и другие тому подобные заведения. Возвращаются... мелиорировать, в общем. Третья, самая многочисленная категория – советские, едущие по контракту. Настоящему, гражданскому и такие же как он, мелиораторы. Эти отличались чересчур громкими голосам и позвякивающими сумками. Как только самолет взлетел – они, разбившись на группки, и не обращая внимания на стюардесс, начали дегустировать, прикладываться и иными способами выражать приязнь богу виноделия Бахусу. Николай заметил, как на них смотрел сидевший неподалеку сириец – и ему стало мерзко и стыдно за своих. Ни к какой из компаний он не присоединился.

Шестьдесят второй летел без промежуточных посадок. Когда объявили по связи о том, что они пересекли границу СССР – веселые компании под приветственные крики налегли на водку еще сильнее, хотя многим уже было «под горлышко». Кто-то уже пугал унитаза, кто-то издевательски пел советский гимн пьяным голосом... вот тогда то все и произошло.

Стюардессы старались ни во что не вмешиваться и вообще показываться как можно меньше. Но одной – все же пришлось пройти в хвост салона... и какой-то жлоб схватил ее за руку. Это произошло всего в трех креслах от того ряда сидений, где сидел Николай.

– Девушка...

Николай бил вполсилы – но этого хватило, даже с лихвой. Первым – плюхнулся в кресло, зашипев от боли, любвеобильный грузин... костяшка пальцев попала по позвонку... наверняка до врача дело дойдет по прилету. Вторым – схватившись за глаз, заголосил еще один... этот удар и вовсе был вполсилы, даже в четверть – правильно выполненный, он приводил к гарантированной инвалидности. Николай подтолкнул девушку в сторону, чтобы не мешала ему, и спокойно, как он научился еще в старших классах, выдал.

– Сидеть тихо, жлобье. В пол втопчу.

Расчет был простой – жлобье обычно трусливо и сейчас мысленно подсчитывает, сколько чеков удастся накосить в очередной заграничке. К силовому противостоянию оно не готово, даже по принципу «все на одного». Вылететь можно легко и просто, за драку в самолете – так и вовсе запросто. Чеки покажутся дороже чести...

Один из алкашей пытался выступать – но его дернули за руку, и он заткнулся. Грузин полулежал в кресле и тяжело дышал, второй держался за глаз. Николай повернулся к девушке,

отметив, что она настоящая красавица. Волосы стрижкой каре, что он не любил – а все остальное – очень даже...

– Приношу извинения за этих... – сказал Николай.

– Да ничего... – девушка попыталась улыбнуться – уже привыкла... Меня Марина зовут.

– Николай.

Возвращаясь в кресло, Николай поймал одобрительный взгляд сирийца. До чего же все распоясались...

* * *

Садись в гражданском аэропорту Дамаска, Дамаск – Интернэшнл, Вопреки ожиданиям, этот аэропорт не был назван в «отца нации», или кого-то еще. Кроме Дамаск – международный у него не было никакого названия. Садись под аккомпанемент мата и утробных звуков, с которыми перепившие специалисты приходили в себя – кто успел в туалет, тот блевал в туалете, кому не повезло – в гигиенический пакет. Благо выдали проездные, а как снова в стране разрешили пьянство – так понеслась, родимая по кочкам. Бутылка Московской, с зеленой этикеткой двадцать рублей – но для отъезжающего в командировку специалиста не деньги.

Выглянув в иллюминатор при посадке – Николай увидел развернутые по боевому, вращающиеся антенны советских радарных систем и накрытые маскировочными сетями позиции ПВО, явно не пустые. Совсем весело. Главный аэропорт страны постоянно прикрывают системы ПВО – хотя... Израиль совсем же рядом, он помнил карту.

И все равно – весело.

Трап был советским. Как и аэропортовская скотовозка – прицеп для пассажиров с тягачом в виде советского Зил-130. Как и не уезжал никуда...

Проблемы начались в аэропорту – Николай вдруг понял две вещи. Первая – он летит один. Вторая – его никто не встречает. С его знанием арабского – почти катастрофа. Он выжил бы в Афганистане, в Пакистане, в Иране с его знанием пушту и дари, который почти то же самое, что и фарси. Мог он говорить и на урду, но вот на арабском... Если только он заговорит на фарси, его могут принять за шпиона. На Востоке, вне зависимости от ориентации, проамериканской или просоветской, к людям, говорящим на фарси относились очень настороженно. Иран... и шииты. И те и другие доверия не внушали, плели козни и интриги – и началось это не в семьдесят девятом²⁵, а несколькими сотнями лет раньше. Так что если надо найти шпиона – говорящий на фарси парень подойдет как нельзя лучше....

Приехал, называется...

Валюта у него была. Больше он опасался таможни – как все это будет воспринято. Хотя... как потом оказалось, местная таможня далеко не самое опасное, что может поджидать советского командированного. Свои – страшнее...

– Эй...

Он резко обернулся. Руки автоматически заняли исходное – одна прикрыла живот, другая...

Марина. Аэрофлотовские форменные блузка, юбка – хоть на картинку...

– Ты в Дамаск?

Николай осмотрелся по сторонам.

– Ну... да, в общем.

– Если хочешь, у нас место есть.

Николай раздумывал недолго. Если местные на него... положили, то и он в полном праве на них положить. Опоздали – пусть ищут.

²⁵ В Иране в семьдесят девятом произошла исламская революция

– Буду благодарен.
Марина засмеялась.
– Поехали...

* * *

С шутками, с прибаутками втиснулись в почти новый аэропортовский РАФик. Насчет места – Марина видимо немного преувеличила – места не было, но девушки потеснились. Машина стояла у здания карго-терминала, в закрытой зоне, оттуда – они поехали к воротам. Страх ворот, солдат с автоматом выпустил их не досматривая. Николай вдруг подумал, что не стоило бы рисовать аэрофлотовские значки на машине, для моджахедов – великолепная цель, украсть и потом шантажировать. Одернул себя – какие моджахеды. Видимо... это навсегда останется с ним...

Когда выезжали на дорогу – мельком увидел две Волги и РАФ, в него, кажется, грузили грузина, которого он пришиб в самолете. Николай еще не знал, какими неприятностями это для него обернется...

Пошла разматываться под колесами отличное гладкое как кованая сталь шоссе. По обочинам – какие-то здания, фруктовые и оливковые сады. Везде – ощущение достатка и богатства, следов войны нет совсем – хотя война здесь была всего несколько лет назад. Отличные, многоуровневые дорожные развязки. Среди машин – много советских, грузовики так большинство советские – хотя встречаются всякие. Машины в основном белые, но оно и понятно – жара, солнце.

Возможно, Марина того и не хотела, просто хотела помочь парню, вступившему за нее в самолете – но остальные стюардессы более старшие и опытные – поняли все правильно. Они с Мариной оказались на соседних сидениях, а стюардессы стараясь на них не смотреть, балагурили о чем то о своем...

– Вы москвич? – вдруг спросила Марина.
– Москвич...
– Странно... не похожи?
– А на кого я похож? – с неожиданной злостью в голосе спросил Николай.

Он уже знал все это. Интернационалисты – в мирных советских городах успехом не пользовались. Если какая-то девушка и рисковала завести отношения – родители были категорически против, шипели – вот смотри, этот интернационалист как-нибудь ночью всю семью вырежет. Афганистан многих сломал... многое выявил в больном, безусловно больном советском обществе. И если отцы, возвращались с Великой Отечественной находили свою судьбу даже без рук без ног, то вернувшиеся из Афгана пацаны находили где страх, а где хамство. Я тебя туда не посылал, мать твою!

Вот и шли они – по жизни. Кто спивался, кто садился. А кто – как Николай – нес войну на другую землю, нес ее в себе...

– Ну... – Марина растерялась от звеневшей в голосе злости – ты как будто с юга...

Николай скосил взгляд на нее, увидел просто красивую девушку. Такую красивую, какой у него и не было никогда...

– Извини... – сказал он – но я и в самом деле москвич. Просто я... оттуда, в общем. Как говорят – из-за речки. Понимаешь?

Теперь – как-то странно посмотрела на него Марина. РАФик уже въезжал в Дамаск, по обочинам мелькали заборы дорогих домов, они пролетали одну развязку за другой, не снижая скорости...

– Понимаю... – сказала она – а где ты учился?
Николай назвал школу.

– Правда? А я в соседней... – школу назвала она.

И они... как то разом оттаяли оба, не сговариваясь – заговорили о своем, о том, о чем могут говорить парень с девушкой, из одного большого города, из одного района вдали от дома. Они вспоминали кинотеатр у них в районе, упомянули танцы и еще что-то. И почти не заметили – как РАФик остановился у отеля, в котором Аэрофлот постоянно держал номера для экипажей на пересменке...

– Ну? – сказали они одновременно, когда вылезли из машины и посмотрели друг на друга.

Неловкое молчание. Николай не знал, что говорить и что делать – в центре Дамаска, чужого города и чужой страны – и точно так же, не знала что делать она.

– Я тебе спасибо не сказала... – прервала молчание Марина.

И поцеловала его. По детски в щеку. А потом – подняла сумку и пошла к отелю. А он – остался стоять, как последний дурак...

Как последний дурак...

* * *

Здание аппарата Главного военного советника в Сирии находилось в большой белой вилле, расположенной в конце улицы Аль-Джаля, он стоит ближе к горе Касьон на возвышенности и окружен забором. Вилла такая большая, что это едва ли не дворец – и здесь расположены далеко не все службы. В стране находилось до десяти тысяч советских военных советников и технических специалистов обеспечивающих эксплуатацию, обучение экипажей и расчетов, ремонт советской военной техники, покупателем которой Сирия была. Война восемьдесят второго года, закончившаяся поражением Израиля в Ливане²⁶ убедила сирийских военных в превосходстве советской военной техники и теперь – Сирия была едва ли не самым надежным советским оплотом на Ближнем Востоке...

От гостиницы – Николай взял такси. Первый же таксист – довольно сносно владел русским языком. Как потом оказалось – русский здесь учили в школах.

Просто так – пройти в здание ГВС не удалось. На воротах стоял проверяющий, в нелепом здесь черном костюме – двойке, но с автоматом АКМС, он долго проверял документы Николая, но отказывался пустить его внутрь, подозревая в чем-то нехорошем. Потом Николай узнал, в чем проблема. Советских специалистов, отправляя за границу, обряжали в одинаковые гдээровские костюмы, купленные оптом, иногда даже одинакового цвета – чем облегчали работу сотрудникам ЦРУ. На этом фоне Николай с его «фирменной джинсой», купленной у спекулянтов еще до армии – и впрямь выглядел иностранным шпионом, который за чем то пытается проникнуть в здание аппарата ГВС. Потеряв терпение, Николай нецензурно обложил бдительного стража ворот – и это послужило последним доказательством – свой. В языковых школах в США – мату не учат.

Страж ворот позвонил куда-то, пришлось прождать еще десять минут. Потом – вниз, к воротам спустился невысокий, худощавый человек лет сорока в штатском, довольно приличном костюме. Он взял синий паспорт Николая, пролистал, присвистнул.

– Ты откуда, парень?

– На такси приехал! – зло огрызнулся Николай. Он был зол, голоден, он устал и еще ему казалось, что он только что что-то упустил. Поэтому – настроение у него было премерзким...

– Вот ё-мое...

– Ты давай,пусти меня, дядя... пока сам не зашел.

²⁶ Про это не любят говорить, ни один израильтянин это не признает – но Израиль в Ливане потерпел поражение. Взять Бейрут не удалось, зачистить террористические лагеря на севере страны – тоже, на большей части ливанской территории осталась сирийская армия. Командовавший западным направлением генерал Иекутиэль Адам – погиб у крепости Бофор

– Да ты не выступай... – устало сказал охранник – сейчас позвоню, пришлют за тобой, кого надо, там и разбирайтесь. Мне оно больно надо, на себя ответственность брать. Может ты террорист какой, либо там кто...

И тут – я вас туда не посылал. Гады...

Охранник пошел звонить, а Николай так и остался переминыться у забора. Через минут пятнадцать – спустившийся низенький полковник²⁷ пригласил его следовать за ним.

Вещи у него так и не досмотрели. Они поднялись на второй этаж, было чисто, работали кондиционеры, хотя обстановка была бедненькой. Как потом узнал Николай – чисто было оттого, что мыли жены офицеров, за места уборщиц, подавальщиц, поварих шла настоящая драка, потому что за них тоже полагались чеки, а работать на сирийцев было нельзя.

Кабинет был небольшой, какой-то странной формы, угловой. Стол, стулья, сейф, портрет Соломенцева, вся такая парафеналия. Кондиционер громогласно жаловался на свою судьбу, но все же наполнял помещение какой-никакой прохладой...

– Ты откуда, друг мой любезный? – спросил полковник – документы давай...

Сдерживая гнев, Николай протянул документы.

– Ага... по десятой линии...

– Да.

– А что... без назначения?

Николай пожал плечами.

– Что дали.

– Ты кто по ВУС у нас?

– Сто семь восемьсот сорок семь²⁸.

Полковник моментально посерьезнел.

– Ого! Оттуда что ли?

– Это откуда?

Полковник вздохнул.

– Ты мне характер свой тут не показывай, рэмбо. Я два года в Кандагаре отпахал, повозил вашего брата.

Вертолетчик, видать. Николай потеплел душой: братишка. Категория «братишка» появилась совсем недавно, это были те, кто отслужил в Афганистане. Озлобленные, опаленные войной, часто брошенные женщинами, отвергнутые обществом, они не доверяли никому и ничему. Только своим, тем, кто был рядом, когда они умирали. А вертолетчик – для спецназа категория особая, зачастую от вертолетчиков зависело – обойдутся малой кровью или погибнет вся группа.

– Извините, товарищ полковник...

– Да чего там... – полковник достал какой-то grossбух – приехал, так приехал. Добро пожаловать. Видимо, направление на тебя спецсвязью придет.

– Может быть...

– Гэвеза нет сейчас... и завтра не будет, поэтому, представлять тебя пока некому. И начфин уже уехал. Давай так, я тебя приму, с чем надо ознакомлю, завтра аттестат в финчасть сдашь. И смотри, чтобы не нагрели – а то желающие за день твои чеки в карман положить тут найдутся! Ты уже заселился?

– Никак нет, тащ полковник.

– Поедешь со мной. Места есть, заселим, а потом уже порешаем, честь по чести. Хоп?

²⁷ Офицеров в загранке было полно, иногда майорские должности генералы занимали. Все дело в том, что платили чеками, для военных это было что-то вроде официального калыма. Курсы чека были очень разными, обычный в Москве 5-7 рублей за чек.

²⁸ Старший разведчик частей спецназ.

– Хоп,²⁹ – повеселел Николай – тащ, полковник, а гэвээс где? На израильской границе? Полковник скривился.

– На какой израильской?.. На какой к чертям собачьим израильской? На иракской он границе, вот где. И сдастся – не просто так тебя прислали. Скорее всего – в Дамаске ты жить не будешь. Хотя кто знает. Ладно... на, читай. Вот это и вот это...

Пока полковник писал, Николай начал читать. Первый приказ – произвел на него неизгладимое впечатление, назывался он «О нормах и правилах поведения советских военных специалистов и членов их семей в Сирийской Арабской Республике». По-видимому, это было какой-то нездоровой традицией... любое начальство считало необходимым что-либо запретить... начальство менялось, список запретов рос – и в конечном итоге превратился в три листа убористого шрифта. Все было очень просто... в СССР начальство отвечало за каждого подчиненного... вышел, например, после двадцати двух нуль-нуль из дома – куда, спрашивается. Наверняка, либо бухнуть либо догнаться. Нарвался на бандитов, которых тут полно, поскольку Ливан рядом со всеми его эксцессами, зарезали, или просто подрался с местными, в полицию попал. Дальше – комиссия из Москвы, оргвыводы – не обеспечил... допустил... в результате чего... И – прощай, чековая командировка, здравствуй, Москва. Поэтому – начальство яростно стремилось прикрыть свою задницу на любой возможный случай, рождая такие вот приказы...

Интересно... а где в Дамаске... да и вообще в Сирии можно купаться? На голанских высотах, что ли... там кажется озеро какое-то есть или водохранилище. Еще речка через город течет, как он успел заметить... грязная.

– Тащ полковник... а что тут купаться где-то можно?

Полковник отложил ручку.

– Ты напрасно шутишь с этим, рэмбо. Влетишь в историю – охнуть не успеешь, как в самолете на Москву окажешься... Тебе как своему говорю – на такие места как твои, по пять тридцати пяти – сорокалетних майоров – подполковников претендуют. У всех друзья... что тут, что в десятке... я вижу, ты тут не из-за чеков, но им на это плевать. Так что топить тебя будут по черному, понял? И с этим не шути. Если бухаешь – завязывай. Иностранную музыку любишь – завязывай. Если по ночам любишь гулять – завязывай. Баб любишь – завязывай... узлом, тут моссадовки могут быть, провокацию сделают, потом вовек от говна не отмоешься. И уже никуда не поедешь. Ушки на макушке, а все что шевелится – на мушку. Хоп?

– Хоп...

Подлежит возврату в течение трех дней

**ЦК КПСС (Общий отдел, Первый сектор)
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!**

**Коммунистическая партия Советского союза
Центральный Комитет**

**Совершенно секретно
Особая папка**

№ П129

Выписка из решения Политбюро ЦК КПСС от 29 июня 1988 года

²⁹ Слово из Ташкента, типично местный слэнг. Обозначает – договорились. Из Афгана летели через Ташкент, там и подхватывали.

О дальнейших мерах по укреплению позиций СССР на Ближнем Востоке

1. Согласиться с мерами, предложенными в записке за подписью т.т. Громыко А.А., Соколова С.М., Багирова К.М.

2. КГБ СССР (Багиров К.М.) обеспечить неофициальный канал связи с правительством Израиля, используя оперативные возможности КГБ СССР

Секретарь ЦК

Кипр, Лимассол. 04 августа 1988 года

Огромный, больше похожий на круизный лайнер паром – ошвартовывался в порту Лимассол, второму по величине города Кипра, маленького островного государства со сложной судьбой. Занимающий стратегическое положение в Средиземном море, он получил независимость от англичан в шестидесятом году и сразу же стал ареной для столкновений христианской и мусульманской общин, живущих на острове. В семьдесят четвертом году – войну удалось прекратить, но остров оказался разделен на две половины, греческую и турецкую. Турецкую часть Кипра не признало ни одно государство мира, кроме самой Турции. Греческий Кипр был признан всеми и являлся одним из лучших курортов на Средиземноморье. Одним из первым – молодую республику признал и оказал ей помощь Советский Союз, киприоты помнили это и были благодарны...

Кипр был заповедником шпионов. Расположенный на перекрестке путей, ведущих в Африку, в Европу, на Ближний Восток, в мятежный Ливан, связанный паромным маршрутом с израильской Хайфой, он давно был местом встреч, а так же нейтральной территорией, на которой запрещались действия разведок друг против друга. Нейтральная территория использовалась всеми, так недавно на ней проходила тайная встреча между сирийцами и израильтянами...

Когда паром пришвартовался и на берег подали сходни – из чрева парома один за другим выкатились две новейших Пежо-605. Машины проседали подвеской под тяжестью брони, стекла были тонированы до черноты.

Прокатившись по набережной – машины обменялись сигналами со стоящей на одной из стоянок машиной – это был внедорожник ЛэндРовер, используемый британскими военными, у него были британские военные номера. Рядом находилась база королевских ВВС Акротири, активно используемая НАТО, одна из пяти баз по всему миру, с которых возможны полеты самолетов U2, шпионских самолетов, один из которых был сбит над Свердловском. Солдат НАТО и их транспорта в окрестностях было полно – хотя конкретно этот ЛэндРовер не принадлежал британской армии, по крайней мере сейчас. Если бы кто-то заинтересовался его происхождением, то узнал бы, что данная машина была выпущена на заводе в Солихалле в семьдесят первом году и поступила в распоряжение БАОР – Британской армии на Рейне, где служила до восемьдесят шестого, а потом была разобрана на запчасти. Как она оказалась на Кипре во вполне целом виде – по документам установить не смог бы никто. Впрочем, для технического отдела МОССАДа это не задача – так, разминка. Машина была переправлена сюда еще год назад с наказом менять номера на британские военные только на самый крайний случай. Сейчас – был именно такой случай.

От ЛэндРовера – перебежал и сел в Пежо сухой, с военной выправкой, средних лет человек – после чего машины снова тронулись...

– Привет, Йоси...

Йоси – так звали пассажира Лэндровера – глянул назад. Машина пристраивалась им в хвост, и в машине лежал пулемет и гранатомет, незаконно ввезенные из Ливана. Хватало оружия и в обоих Пежо – хотя все понимали, что это – случись недоброе – не поможет.

– Генерал...

Генерал Амнон Липкин – Шахак, начальник разведывательного управления АОИ, Армии обороны Израиля был направлен на Кипр для налаживания контактов с высокопоставленной советской делегацией, которая должна была появиться на Кипре с целью перед правительству Израиля некие предложения относительно ситуации на Западном берегу и в Секторе Газа. Не исключалась и провокация – однако аналитики МОССАДа отводили на вариант «провокация» не более двадцати пяти процентов. Поскольку предложение о встрече поступило от КГБ –

гражданской спецслужбы СССР – было бы разумно послать на встречу директора МОССАД. Но директором МОССАДа на тот момент был Нахум Адмони, и это был совсем не тот человек, которому стоило доверять такую встречу. Поэтому – премьер-министр Израиля Ицхак Шамир лично попросил генерала Липкина взять эту встречу на себя...

- Время... – сказал генерал. Йоси глянул на часы.
- Полчаса еще есть. Опережение графика.
- Остановимся где-нибудь по дороге. Здесь есть хорошие ресторанчики у дороги?
- Есть совсем рядом, я там постоянно бываю...
- Поехали...

* * *

Ресторанчик был совсем рядом с портом. Небольшой, как и все подобные заведения, семейный, со столами, выставленными на тротуар и чуть ли не на проезжую часть.

Генерал заказал фетаки – греческий соленый сыр, и лепешки. К ним принесли свежесжатый апельсиновый сок, даже не дожидаясь заказа. Все запивали свои заказы соком, а сок был из плодов, которые еще утром росли на деревьях...

За соседними столами – сдвинув вместе два стола, веселилась какая-то компания, мужчины и женщины, молодые. Генерал прислушался, опознал русский язык. Русских в Израиле было много, так что любой израильтянин мог разобрать, когда говорят по-русски.

- Русские? – тихо спросил генерал.
- Да, отдыхающие... Как разрешили – их тут пруд пруди³⁰...

Кипр – включили в список зарубежных курортов, куда разрешен выезд всем отдыхающим только в прошлом году. Но зато – советские отдыхающие уже в первый год наехали такими толпами, что возникла проблема нехватки номерного фонда. Даже в пиковый сезон – советские брали туры, что уж говорить о сезоне, считающемся «мертвым» – советские отдыхали и в него, когда туры стоили сущие копейки. Из Брюсселя смотрели на это с тревогой – слишком плохой пример. Включи в правительство представителей компартии – и получишь толпы непритязательных советских отдыхающих. Кто дальше? Италия, которая балансирует на грани коммунизма уже сорок лет, где до сих пор действуют Красные бригады? Турция, где полевание удалось предотвратить государственным переворотом. Может быть, Франция, которая уже давно нарушает условия КОКОМ и строит в СССР заводы по производству товаров народного потребления?

Принесли сыр. Сыр был домашним, вкусным, почти кибуцным. Как то некстати пришло в голову, что кибуц – почти тот же колхоз, как и в СССР. И Израилю тоже не помешают туристы, тем более что Израиль – единственная страна в средиземноморском бассейне, в которой пятая часть населения разговаривает по-русски.

Генерал с любопытством прислушивался к разговорам советских. Как сложно – увидеть врага в таких вот обычных людях. Которые просто сидят, отдыхают, радуются солнцу. И тем не менее – они враги. Они – граждане государства, которое хочет уничтожить Израиль – и об этом надо всегда помнить...

³⁰ Считалось, что при СССР нельзя было никуда выехать. На самом деле это было не так, по Европе, в Болгарию, в ГДР ездили почти свободно. Нельзя было выехать только невыездным. Еще была проблема закупить шмоток – вот это действительно была проблема, без подвязок в ВЭБ меняли только сорок долларов.

* * *

Полчаса под палящим солнцем – пролетели незаметно, израильтяне расселись по машинам, двинулись на восток, в сторону точки встречи, обозначенной советскими. Встреча в Лимассоле, как предлагали израильтяне – русских не устроила, потому что рядом, буквально на окраине города – начиналась британская база ВВС Акротири. Поразмыслив – израильтяне пришли к выводу, что у русских есть резон опасаться. Израильтяне хорошо помнили, кто такие англичане, и на что они способны. В конце концов – Израиль рождался на палестинской земле именно в сражениях с британскими колониальными войсками, и именно британцы – расстреливали и вешали бойцов Хаганы и Иргуна.

Дорога шла в горы – но горы невысокие. Террасами – высились поля с апельсинами, лимонами, то тут то там можно было видеть маленькие, смешные трактора на высоких шинах. Машин было немного, дорога была узкая, но чистая, то и дело попадались деревеньки и природоохранные заведенья у дороги, которых в самом Израиле давно не было из-за постоянной опасности террористического нападения. То тут то там – через зелень рощ мелькал белый лед мрамора или желтый похожи на топленое масло песчаник – история здесь была на каждом шагу. Наверное, так мог бы выглядеть Израиль, если бы не война, не прекращающаяся с одна тысяча девятьсот сорок седьмого года...

На одном из поворотов – машины свернули направо...

– Долго еще? – спросил генерал.

– Почти приехали...

Теперь дорога шла в гору. Бронированные, перетяжеленные машины едва двигались – а потом вообще встали...

Израильтяне вышли из машин. Телохранители – окружили начальника военной разведки Израиля живым щитом. Телохранитель в Израиле – одна из самых популярных профессий, многие подрабатывают телохранителями после армии, чтобы оплатить учебу в университете – точно так же, как в Нью-Йорке подрабатывают в МакДональдсе. Израильские телохранители – высоченные, голенастые, постоянно оглядывающиеся, смешно выглядящие из-за того, что они покупают мешковатые куртки и укорачивают рукава, так чтобы руки торчали из них, чтобы рукава не мешали быстро выхватить оружие – эти телохранители вероятно были лучшими в мире. Израиль – это Дикий Запад сегодня, израильский солдат может участвовать в реальной перестрелке сегодня, завтра, послезавтра... для этого вовсе не надо дожидаться войны. Опыт реальных боев, тщательно изучаемый, передаваемый – и является причиной того, что Израиль не проиграл ни одной войны, которую вел...

Водитель осмотрел дорогу, виновато встал перед генералом.

– Дальше не проехать. Двигатель не потащит.

– Йоси!

Йоси служил под началом генерала – и сейчас ему было стыдно. Конечно же, он провёл положенную рекогносцировку – но использовал свой армейский внедорожник, чтобы забраться на гору. Он просто не рассчитал.

– Ну ты и поц... – упрекнул генерал.

– Оружие брать? – поинтересовался один из телохранителей...

Генерал коротко кивнул. Советским – он не доверял ни на йоту...

* * *

Советская делегация – пробралась по этой дороге ненамного дальше их – хотя она арендовала две белые Нивы, как нельзя лучше подходящие для местных дорог из-за легкости,

неприхотливости и короткой колесной базы. Третьей машиной был большой Опель, отдыхающий сейчас в чахлой тени деревьев. Около него стояли двое – а выше по дороге еще двое, и явно телохранители. У них на вид не было оружия, совсем никакого – но в руках были атташе – кейсы и наверное, оружие было там. Остальных советских видно не было – но это не значит, что их не было вовсе. Теперь, когда сюда ходят целые паромы. Набитые туристами – русские могли ввести на остров целый парашютно-десантный полк и никто бы этого не заметил...

Генерал сделал знак оставаться на месте и медленно направился навстречу советским. Советских было двое, и один, тот кто пониже – был из КГБ, а другой – неизвестно откуда, может быть – военный или комиссар. Генерал понял это, потому что только идиот, ни разу не выезжавший в свободный мир мог одеть черный костюм и дешевый галстук в такую жару. Второй советский казался оловянным солдатиком, одушевленной функцией. Как и все советские – пока не пообвыкнут.

– Здравствуйте... – сказал генерал, вставая на середине дороги. Это слово он заучил специально, очень трудное.

– Можно по-английски – сказал тот, кто пониже и в белом тропическом костюме – я Леонов, а это Куприянов.

Леонов!

Генерал Аммон Липкин – Шахак как и все действующие разведчики старался быть в курсе новостей разведсообщества, пусть они и не касались его напрямую. Конечно же, он слышал о русском генерале Леонове, бывшем резиденте в Нью-Йорке.

Да, это он...

– Я представляю израильское правительство – сказал по-английски генерал Аммон Липкин – Шахак – и готов выслушать предложение советского правительства.

* * *

Настоящая встреча состоялась в нескольких десятках миль от того места, где держали раут директор израильской военной разведки и заместитель председателя КГБ СССР. Она состоялась на арендованной яхте, принадлежащей неизвестному анштальту, зарегистрированному в Лихтенштейне, самая яхта имела порт приписки Монако и сдавалась в чартер. Удивительно, но анштальт, а следовательно и яхта – принадлежала КПФ, коммунистической партии Франции, которая получала от Советского союза миллионы долларов помощи на революцию. Верней, когда-то получала – теперь отношения строились на гораздо более прагматичной основе. Яхта – приняла на борт с десятков пассажиров в Монако и вышла в Средиземное море. В назначенном квадрате, она вышла на связь, встав ровно посередине между израильским ракетным катером типа Эйлат, вышедшим из порта Хайфы с отрядом Шаетет-13 на борту и советским эсминцем, вышедшим примерно в это же самое время из сирийского порта Тартус. И от советского и от израильского корабля – с точностью минута в минуту отошли по две шлюпки, и с точностью минута в минуту они пришвартовались к роскошной яхте. Пассажиры одной из них высадились на яхту, две вторые шлюпки – отошли от яхты, сбросили боевых пловцов и принялись нести караульную службу. И там и там – на лодках были снайперы...

Израильскую сторону на этой встрече представлял легендарный Иссер Харель (Гальперин), второй директор МОССАДа и последующий советник всех премьер-министров по вопросам терроризма и разведки. Его называли «израильский Берия». Сейчас это был пожилой, неприметный, лысоватый старичок с пронзительным взглядом совсем не еврейских голубых глаз. Он не занимал официально никаких постов – но его звали «мемунех», то есть «ответственный за всё». Прибытие на встречу Иссера Гальперина означало, что Израиль придает встрече чрезвычайно важное значение. Вне всякого сомнения – санкцию на отправку Гальперина должен был дать лично премьер-министр страны.

Со стороны Советского союза – на встрече присутствовал тоже пожилой человек, выше Гальперина на голову, с мудрым и проницательным взглядом и длинными пальцами практикующего пианиста. Он сейчас «держал имидж» богатого дедушки, арендовавшего яхту, чтобы покататься по Средиземному морю – то есть надел белый костюм, соломенную шляпу и сейчас балагурил на хорошем английском, наливая гостю кофе на верхней палубе. Но Гальперин, хорошо чувствующий людей – ощущал исходящую от этого человека угрозу, точно так же, как метеочувствительные люди – чувствуют собирающуюся грозу. Гальперин был в курсе дел на своей бывшей родине и знал, что представляет из себя советская мафия. А этот человек – был представителем ее высшего эшелона, долларовым миллионером, держащим многочисленные подпольные цеха по всему югу страны, промышленным контрабандой. Хуже того – он был судьей до того, как стать начальником ПГУ КГБ СССР, советской внешней разведки. Гальперин – несмотря на свое искусство разведчика, все-таки оставался чиновником в глубине своей души. И от того, что он узнал о своем визави перед тем, как отправляться на встречу – ему реально стало не по себе. Так, человек, с которым он должен был встретиться – еще много лет назад, присутствуя на сходке уголовных авторитетов со всего Советского союза – а он тогда уже был уголовным судьей! – презрительно бросил: это вы что ли воры в законе? Нет, вы просто воры. А вот я – вор в законе. Потому что я здесь и вор, я здесь – и закон. Люди, которые рассказывали про это Гальперину, говорили, что после таких слов любой из уголовников – должен был убить. Но ни один не осмелился. Знал он и то, что точно так же, как его корни уходят в богатое витебское еврейство – точно так же корни этого человека уходят в роды древних правителей Азербайджана, шейхов. Именно поэтому никто не осмелился его убить тогда, на сходке у Нефтяных Камней. Разорвали бы местные...

Не нравилось Гальперину и то, что он узнал о действиях ПГУ за последнее время. Советская разведка во всем мире считалась эффективной – но бюрократизированной и малоопасной, потому что играла по правилам. Но вот в последнее время – мнение начало меняться. И кого в этом винить, если не бывшего судью, подписывающего смертные приговоры за то, в чем был виновен он сам?

– Хороший вид, не правда ли? – судья обвел рукой горизонт. Вода была настолько голубой, что это казалось невероятным...

– Бросьте, товарищ... – Гальперин с большим удовольствием выговорил это слово – если вы скажете, что позвали меня просто покататься на яхте – я вам не поверю. И если вы скажете, что намерены дружить с Израилем – я вам тоже не поверю. Давайте к делу...

Не зная, как подойти к делу – Гальперин намеренно обострял.

– У Израиля нет друзей – сказал судья – есть враги и те, кого вы используете.

Гальперин недовольно покачал головой.

– Ну, зачем же так. У нас есть друзья. Просто... если вы хотите быть другом Израиля, вы должны прийти и сами объявить себя нашим другом.

– Крестный отец?

Гальперин не смог скрыть своего удивления.

– Вы его смотрели?

– Конечно, смотрел – сказал судья – у нас даже есть специальный просмотрный зал для этого, прямо в Ясенево.

Бывший директор МОССАДа отпил глоток из своего бокала с ледяным чаем. Интересно, это намеренная подстава или просто его визави проговорился? Конечно, все знают про Ясенево, смысла нет скрывать. Но вот про просмотры западных фильмов... Слухи, конечно, доходили... кое-чем поделились американцы, им в свою очередь данные дали англичане, а англичанам – Олег Гордиевский. В Советском союзе нельзя смотреть западные фильмы, это называется моральное разложение. Но смотрят. И что хотел сказать ему этим его советский визави?

– Хороший фильм – нейтрально сказал Гальперин.

– Хороший – согласился судья – и знаете, он многому учит. Например если задействовать определенную сумму – люди которые ненавидят друг друга, расцелуются как братья...

– Ради Бога, не собираетесь ли вы купить меня? – воскликнул Гальперин и тут же понял, что переигрывает. Так можно усыпить бдительность кого угодно – но только не того, кто перед ним. Он будет бдительным всегда, он старый и мудрый человек с огромным опытом.

– Вовсе нет. Но полагаю, возможно купить Израиль.

Гальперин не поверил своим ушам.

– И чем же?

– В отношениях между государствами важны не деньги. Такая валюта как мир и дружба – вас устроит?

Гальперин не понял.

– Вы хотите признать нас?

– Ради Бога, это можно сделать прямо сейчас – тут Судья покривил душой, это не так просто было сделать – но что это изменит. Я говорю о стремлении к миру на Ближнем Востоке.

– Стремление. Стремиться можно до бесконечности – нажал Гальперин.

– А если я говорю про подписанный мирный договор с палестинцами?

Гальперин снова не понял.

– Вы – говорите?

– Конечно, нет. Советское правительство.

– Советское правительство готово подтвердить это официально?

– Нет.

Гальперин задумался. Если бы ответ был «да» – он заподозрил бы неладное. Но ответ был «нет» – точно такое же ответ дал бы и он, случись ему поменяться местами со своим визави.

– Тогда как будет организован... процесс.

– Очень просто. Кто-то из лидеров террористических групп согласится на наши условия. Кто-то – будет уничтожен. С вашей помощью, без вашей помощи – неважно. Лучше даже, если это будет без вашей...

– Что потребуется от Израиля? – решил перейти в плоскость конкретики Гальперин.

– В секторе Газа – автономия для палестинцев и эвакуация израильских поселений в течение разумного срока. Скажем... пятнадцать лет.

– Это невозможно – ответил Гальперин, немного подумав.

– Но почему? Вы ушли с Синая, эвакуировали поселения, которые начали создавать, и ничего с Израилем не случилось.

– Это была ошибка.

– Разве? А у вас был выбор?

Гальперин погрузился в тяжелые размышления. Выбора и в самом деле не было – надали Соединенные штаты Америки. Все мирные договоры – это результат давления. Хуже было вот что – этот проклятый советский судья – КГБшник мог знать, или по крайней мере догадываться о главной тайне войны семьдесят третьего года. Эта тайна³¹ – была взрывоопасна и сейчас, потому что она срывала покров с самой главной военной тайны Израиля – с той тайны, что Израиль тоже может проиграть...

– Вы предлагаете нам отдать наши реальные преимущества – территории, населенные нашими поселенцами, укрепленные нашими военными базами – в обмен на иллюзорное обещание мира. Не пойдет.

³¹ Не исключено, что речь идет о сговоре президента Египта Анвара Садата с руководством Израиля о войне, которую Египет должен был проиграть. Израилю это было нужно потому, что преждевременным и проигрышным выступлением Египет нарушал планы арабской коалиции государств по одновременному массированному удару по Израилю – удару, отразить который можно было только ядерным оружием, и после которого Израиль все равно перестал бы существовать. Многие военные догадывались о том, что Садат сдал их – и потому Садат был убит.

– Может пойти, потому что мир будет первым. Что вам мешает разорвать соглашение, если вы убедитесь в нашей нечестной игре?

Гальперин прикинул – да в общем то ничего.

– Статус Иерусалима?

– Израильский.

Гальперин не смог скрыть своего изумления.

– Израильский?

– Да, израильский. Город вы оставляете за собой.

Гальперин лихорадочно просчитывал варианты – оставление за собой Иерусалима заткнет много глоток критиканов. Хотя если разобраться – это более имиджевая уступка, чем реальная – никакой военной ценности город не имеет.

– Остальные территории на Западном берегу?

– По плану размежевания. Долгосрочному. Мы полагаем, что мир установить проще, чем вы думаете – и лет через двадцать нужда в размежевании и полностью отпадет.

– Голанские высоты?

– Израильские.

А вот это было уже серьезно. Это стратегический укрепленный район. Кто им владеет – тот и в безопасности, другой же – всегда будет в опасности. Дамаск – от высот совсем рядом, его даже можно достать американскими дальнебойным орудиями. Если районом будет владеть Сирия – Израиль будет в постоянной опасности. Если Израиль – в постоянной опасности будет Сирия. В этой ситуации – ни одна сторона не могла уступить.

– Асад никогда не пойдет на это.

– Асад пойдет на это. При определенных условиях. Прописанный вопрос пользования водой и наличие гарантий безопасности.

– Каких именно гарантий безопасности?

– Две дивизии, расквартированные в районе Дамаска. Советская дивизия ВДВ и дивизия войск ООН, состоящая преимущественно из войск стран третьего мира, движения неприсоединения и стран Восточной Европы. Эти дивизии будут служить гарантом и вам и нам.

Гальперину на какое-то мгновение стало легче. Он даже погрозил советскому представителю пальцем.

– Решили усилить ваших клиентов, которые ни черта не могут?

Советский представитель холодно посмотрел на бывшего витебчанина.

– Полагаю, вы переоцениваете силы и возможности вашей страны, товарищ Гальперин. Вы можете мне не верить, но Израиль на нашей карте – всего лишь небольшая страна на Востоке, и не более того. Ранее – мы уделяли вам намного больше внимания, чем требовалось и причины этого – были ложно понимаемые максимы нашей идеологии. Советский Союз не имеет никакого интереса в Израиле, равно как и в уничтожении Израиля. Дивизии – должны будут гарантировать выполнение соглашения в равной степени, как для вас, так и для нас...

* * *

– Что, прямо так и сказал?

– Слово в слово... «Дивизии – должны будут гарантировать выполнение соглашения в равной степени, как для вас, так и для нас...»

Премьер-министр Израиля Шимон Перес, он же Шимон Езерницкий – вскочил со своего стула, установленного в небольшом бункере под канцелярией премьер-министра. Бункер был выкопан на случай войны – но им пользовались и в мирное время, для заседаний кабинета в узком составе.

– Это невозможно. Это провокация.

– Мне так не показалось – отрицательно качнул головой Иссер Харрель.

– Тогда что они хотят? Во имя всего святого, что они хотят?

– Они оставляют нам Иерусалим и Голанские высоты.

– Это вилами на воде писано!

– Мне так не показалось – снова возразил Харрель.

– Но почему они занимают другую позицию по Сектору Газа?

Харрель пожал плечами.

– Причины могут быть разными. Напри мер – вопрос Иерусалима и Голанских высот больше частью зависит от Сирии и, это государство и с ним можно договориться. Вопрос сектора Газа – зависит от палестинских боевиков, а с ними договориться невозможно. Даже если договориться с кем-то – его убьют и процесс придется начинать заново.

– Да, ты прав. А Ливан?

– По факту остается размежеванным. Южный Ливан остается наш, северный – отходит Сирии и она наводит там порядок.

– Там невозможно навести порядок.

Харель пожал плечами.

– С советскими парашютистами – может быть и можно.

Премьер резко остановился.

– Что ты сказал? Только что?

– Ливан. С советскими парашютистами – может быть, и можно навести там порядок.

– Черт...

– Извини...

– Нет, не извиняйся. Ты прав! Ах, сукины дети...

– О чем ты? – не понял Харрель.

– Доктрина Картера! Они нашли, как обойти ее. Доктрина Картера гласит, что Соединенные штаты Америки автоматически вступают в войну, если Советский Союз начнет продвижение на Ближнем Востоке! Они принял эту доктрину, когда СССР вторгся в Афганистан. Они создали силы быстрого реагирования для Саудовской Аравии. Теперь – русские нашли, как обойти это соглашение. Американцы не смогут воспользоваться доктриной Картера, если русские найдут мирное решение для Ближнего Востока и введут сюда свои войска для защиты мирного процесса. Американцы просто ничего не смогут сделать, иначе они будут выглядеть противниками мира им лжецами. Сукины дети! Проклятье.

– Да, лихо – оценил Харрель – я не додумался.

– Что они еще сказали? Выезд для евреев.

– Нет. Но они сказали...

– Что?

– Что вопрос сотрудничества может быть решен. Не только Америка может стать другом Израйля, если Израйль найдет правильную геополитическую линию. Они сказали, что в Израйле политический строй во многом напоминает развитой социализм и это делает наши страны родственными друг другу.

– Сукины дети...

– Сообщим американцам? – спросил Харель.

Премьер сел за стол. Вытер вспотевший лоб.

– Ни за что! Мы ничего им не скажем!

Это было неожиданностью.

– Но это союзники...

– Перестань. Ты, руководитель разведки это говоришь...

Теперь – вспотел уже Харрель. Он понимал, что нет друзей и нет врагов, а есть только интересы – но понимал он и то, что стоит Америке публично. Даже намеком отказаться от

поддержки Израиля – и Израиля не станет. Его просто сметут с лица земли. В каждой из войн, которые они вели – они выстояли лишь благодаря быстрому восполнению техники за счет ресурсов НАТО. Если такого восполнения не будет – Израилю конец. Просто по законам математики.

– Это опасная игра.

– Не опаснее чем раньше. Ты встретишься с Адмони...

– Этим сукиным сыном? Да ни за что.

– Ты встретишься с Адмони завтра же – настойчиво продолжил премьер-министр Израиля и скажешь ему вот что...

Дамаск, Сирия. 03 августа 1988 года

Полковник не соврал – взял с собой, вместе на такси они спустились в город, доехали до небольшой гостиницы для советских специалистов, уютной и чистенькой. Пока ехали – Николай смотрел во все глаза на непривычный для любого русского город. В его понимании город – ряды многоэтажных коробок, больницы, школы, остановки... в любом советском городе принадлежность многих зданий можно определить, не читая вывесок – вот тут больница, а тут школа. Дамаск же сочетал в себе почти несочетаемое... восточная архитектура мгновенно уступала место современной, и наоборот, были какие-то замки, на улицах было очень тесно – но некоторые были наоборот широкими проспектами, очень много было магазинов и рекламных щитов, на английском, на французском и по всей видимости на арабском. Николай заметил, какие тут широкие и большие балконы... во многих зданиях балконы (какой балкон? Лоджия!) занимают всю длину фасада, переходя один в другой. Почему-то в Советском союзе особенно престижными считались квартиры с большой лоджией³² и большой кухней. Если бы в СССР строили дома по местным проектам – цены бы им не было...

Заселили его без особых формальностей в один из свободных номеров, там было все, в том числе горячая вода. Полковник показал на строение неподалеку и сказал, что это едальня, что-то вроде нашего кафе, там можно поесть намного дешевле, чем в гостинице. Но Николай решил не уподобляться некоторым командировочным, которые в стакане кипятильником чай кипятят и поел в кафе при ресторане, решив, что с тем, где харчеваться, окончательно разберется завтра. Хозяин гостиницы сам работал в ресторане, а так он учился в Харькове, знал русский и относился к советским очень хорошо. Тем более – к таким, которые живут в его гостинице, за которую министерство обороны платит ему за все номера, хотя не сезон.

Его номер имел балкон, на него он вышел перед тем, как заснуть. Несмотря на позднее время – под окнами шли машины со включенными фарами, сновали люди, раздавался какой-то смех, перемигивались огни рекламы.

Ближневосточный Париж и есть, подумал Николай, не видевший ни одного западноевропейского города – и пошел спать.

Дверь он закрыл и приставил табуретку.

* * *

На следующий день он встал на учет в финотделе, сдал аттестаты. Начфин удивился, почему такой молодой, Николай ничего внятного не ответил. Наверное, начфин, явно дослуживающий решил, что у мальчика есть мохнатая рука где-то и Николай не собирался его разубеждать или чего-то доказывать – ему было на это плевать...

Ни ГВС, ни его направления так и не пришло, поэтому остаток дня он просто прошлялся по городу, точнее по окрестностям. Так... он, наверное, и сам не понимал, что его единственной целью было оглядеться по сторонам, запомнить все улицы, проулки, основные здания, посмотреть где находятся полицейские машины... в общем сделать все, чтобы выжить в незнакомом городе, который он пока воспринимал как враждебный. В отель – он дисциплинированно вернулся к девяти.

Уже лежа на кровати, от нечего делать, он разбирал, словно фотографии, воспоминания и впечатления, которые у него остались от прогулки по городу. Из справки об истории Сирии он узнал, что город Дамаск один из древнейших городов мира, ему, по меньшей мере шесть тысяч

³² Большая лоджия для того, чтобы солнце не светило в окна и не нагревало квартиру. По той же причине в арабских странах во многих домах вообще нет окон, только панели с отверстиями.

лет, почти столько же, сколько и Иерусалиму. Город не выглядел опасным... как Кандагар или Кабул, он не ощущал режущих, злобных взглядов в спину. Город как город... явно восточный, но благополучный, без следов боев, взрывов и вообще человеческой беды. Девушки на улицах – девять из десяти одеты по-европейски, только на одной из десяти хиджаб. Довольно привлекательные – это видимо, от смещения кровей. Мужчины в основном тоже одеты по-европейски, на улицах много советских машин – почти как в Афганистане. Много кафе, небольших магазинчиков, стулья для посетителей иногда выставлены прямо на тротуар...

Но все равно, он слышал, чувствовал опасность – как звенящего комара...

* * *

На следующий день – он снова приперся в аппарат, просто для того, чтобы никто не мог сказать, что он без дела ошивается. Снова взял справки, почитать – лишним никогда не бывает.

Сирия – точнее Сирийская Арабская республика являлась социалистическим государством с твердой просоветской ориентацией. Первоначально она была частью Османской Империи, потом французской колонией, потом, в русле арабского освободительного движения освободилась и стала самостоятельным государством. В одна тысяча девятьсот семьдесят втором году в результате революционной смены власти главой страны стал генерал Башир Асад, твердо придерживающийся социалистических взглядов. До сегодняшнего дня он возглавляет БААС, Партию арабского социалистического возрождения. С 1976 года Сирия оказывает интернациональную помощь братскому палестинскому народу, борющемуся за освобождение своей родины от израильской военщины.

О том, каким является «братский палестинский народ» – Николай узнает многим позже...

Сирию с четырех сторон окружают враждебные государства – соответственно Турция, Ирак, Иордания и Израиль, дружественным – получается лишь Ливан, где уже десять лет не прекращается гражданская война. Здесь Николай сделал в чтении Паузу и задумался, после чего многозначительно хмыкнул. Почему так получается, что у социалистических стран – кругом враги. Ну, ладно Турция входит в НАТО. А как врагом стал Ирак, который тоже вроде как социалистический?

Дела...

Дальше шло про Голанские высоты, которые оккупировала израильская военщина и так и не отдает, про роль Сирии в арабском мире как оплота социализма, про братскую помощь Советского союза и все такое прочее. Николай все это только взглядом пробежал – он давно научился всей этой хрени не верить...

Хлопнула дверь, он настороженно поднял голову. Неверяще смотря, начал подниматься.

Перед ним стоял худой как щепка, хлесткий как пастуший кнут, одетый в однотонную песчаную форму непривычного покроя человек с выжженным солнцем лицом – и в прищуренных глазах его плясало пламя. Пламя горящих наливников на Саланге и бронетранспортеров в кандагарской зеленке, пламя афганской войны.

– Сменщик... – неверяще сказал он – ты что ли?

– Ротный? – неверяще сказал Николай.

Это и в самом деле был капитан Евгений Сивицкий. Тот самый, у которого он принимал группу спецназа в далеком Джелалабаде...

* * *

Они вышли из здания аппарата. У капитана – оказалась неподалеку припаркована машина, душманская полноприводная белая Тойота. Грязная, с какими-то странными, отличающимися от обычных номерами – Скворцов уже знал, как выглядят местные номера.

– Садись – приглашающе махнул рукой Сивицкий – щас еще одного рафика³³ захватим и двинем в расположение. Ферштейн?

– Ферштейн... – сказал Николай усаживаясь в машину. Душно было так, что даже ему, привычному к жаре по Афгану стало не по себе.

Сивицкий резко рванул с места, и тут же взвыл кондей, окатив их если и не холодным то не таким теплым, как окружающий воздух...

– Щас получше будет – сказал капитан, уверенно правя по дамаскским улицам – давно сюда прибыл?

– Два дня. А направления так и нет – сказал Николай.

– П...ры – нецензурно выразился Сивицкий, добавив по-арабски. Николай запомнил из всего необычно звучащее слово «маниук», потом оказалось, что это и есть по-арабски «п...р» и тот, кого так называли должен первым делом убить обидчика.

Их тряхнуло на ухабе – и тут же заиграла музыка, местная, танцевальная. Капитан свернул рычажок, музон заглох.

– Во – оценил он – везучий ты. Я думал магнитола сдохла совсем. Ан нет, ты в машину сел, она и заработала. Давно оттуда?

– Пару месяцев – сказал Скворцов – полудохлого вывезли. С корабля на бал, можно сказать, как поправился – сюда.

– Кому отряд передал?

– Не знаю...

– То есть, как? – не понял Сивицкий?

– Я по спецуре работал, со смежниками³⁴ – пояснил Скворцов.

– ОМОГ,³⁵ что ли?

– Ну, да.

– А со званием что?

Скворцов вздохнул.

– Старлей еще.

– Ты чего? Залетал что ли?

– Что-то вроде того. Один раз крепко залетел. Едва не вышибли. По дискредитации.

По дискредитации – это слово каждый офицер понимал одинаково – по пьяному делу. В каких-то ситуациях могли и посочувствовать, но только не в спецназе, где выход на войну хотя бы одного человека в состоянии менее чем ста процентной готовности может привести к гибели всей группы. Скворцов тоже не стал упоминать, что запил он после того, как вместе со своим напарником Шило сбил зенитной ракетой Стингер самолет Генерального секретаря ЦК КПСС. Откровенно говоря, он не верил, что его не только выпустили за границу с такими то знаниями в башке, но и просто оставили в живых. Видимо, то ли сбой где-то произошел, то ли решили, что нечего грех на душу брать – сам навернется. Шило уже навернулся – убили предатели. Не питал никаких иллюзий насчет своего будущего и он.

– Здесь сухой закон.

³³ Товарищ. Это слово одинаково в арабском и фарси (дари).

³⁴ КГБ СССР.

³⁵ Отдельная мобильная офицерская группа.

- Да я сейчас ни капли – сказал Скворцов.
- Дела здесь серьезные. Кстати, у тебя замком... Шило был. Люди говорили.
- Был...

Сивицкий понял все. Остаток пути они проделали в тяжелом, нехорошем молчании.

На каком-то повороте – к ним в машину не сел, буквально вломился высокий, черноусый офицер со смеющимися черными как агат глазами.

- Ас салам алейкум, рафик Евгений...
- Араб споткнулся, глядя на сидящего рядом второго советского.
- Знакомы, что ли? – уточнил Сивицкий.
- Ну, да... В самолете познакомились...

Вашингтон, округ Колумбия. Капитолий. 14 сентября 1988 года

Американская система власти – у неподготовленного к такому человека вызывает оторопь. А, к примеру, у советского функционера из аппарата ЦК, вздумай он с ней ознакомиться, она вызвала недоуменный вопрос – а как это вообще все работает? Как может работать система, в которой нет единого центра власти, в котором различные группы интересов пытаются отстаивать свои, часто диаметрально противоположные интересы, когда законодательная власть может работать не просто без учета интереса власти исполнительной, а в прямо противоположном направлении. Тем не менее – система работала и позволяла чего-то добиваться...

Никакой рабочий день в Капитолии – не похож на предыдущие, каждый день жизнь подкидывает все новые и новые порции дерьма на вентилятор. В рабочие дни Капитолий похож на разбуженный улей, где в столкновении интересов – рождается нечто напоминающее политику страны.

Работа сенатора в Капитолии совсем не похожа на жизнь... скажем, народного депутата СССР. Народный депутат СССР – это машина для голосования, практически вся работа его заключается в поднимании руки с мандатом... ну и выступает он иногда. Полностью загруженный конгрессмен тратит на заседания в нижней палате всего около двадцати процентов рабочего времени.

Основная работа происходит в комитетах. Каждый конгрессмен входит в несколько тематических комитетов, кроме того, он может состоять в еще в комитетах *ad hoc*³⁶, следственных комиссиях, а так же выезжать в командировки, по поручению партии или самого Конгресса. По итогам командировок он готовит обзор, в комиссиях предварительно рассматриваются те вопросы, которые будут поставлены или не поставлены на голосование.

Но силу конгрессмена определяет его аппарат.

В аппарате каждого конгрессмена состоит несколько категорий сотрудников. Часть – это личные помощники, организующие встречи, движение бумаг в офисе и просто поющие конгрессмена кофе. Есть специальные помощники – люди, сведущие в какой-то проблематике и нанимаемые либо *ad hoc*, либо на время, скажем, службы конгрессмена в таком то комитете. Есть помощники – обозреватели, корреспонденты – по поручению конгрессмена они выезжают на место, встречаются с людьми, собирают информацию – то есть система сбора и оценки информации в Конгрессе США намного сложнее, чем скажем в Верховном Совете СССР и полностью взять ее под контроль невозможно. Наконец, есть следователи – люди, которые занимаются разбирательством по делам, относящимся к категории уголовных. А Конгресс – имеет право при необходимости брать на себя функции суда³⁷.

Лишь небольшая часть аппарата каждого конгрессмена оплачивается из бюджета. Большую часть он оплачивает либо из своего кармана (а есть конгрессмены – миллионеры или даже мультимиллионеры), либо ему платит партия, либо лоббисты. Вот об этих лоббистах надо поговорить подробнее.

Между лоббизмом и коррупцией существует очень тонкая грань. Не каждый может ее уловить, но она есть. Коррупция – это акт покупки голосов – приходит человек, выписывает чек и предлагает голосовать по такому то законопроекту так то. Безусловно, наказуемое по

³⁶ Для конкретного дела.

³⁷ Для чего я так подробно это описываю? А для того, чтоб вы задали себе вопрос – а возможно ли технически провернуть в США то, что провернули в СССР. При каком угодно дураке в верхнем кресле? Ответ на этот вопрос – нет, невозможно. Именно убогость управленческой системы СССР, жесткая связка приказ-исполнение, централизация власти сделала возможным то, что группа подонков повернула в 88-91 году.

закону деяние. Лоббизм – более тонкий акт действия, лоббист старается убедить конгрессмена в своей правоте. Для чего – он предоставляет ему доклады, оплачивает ему помощников, которые подыскивают материалы по теме, вывозит на места, организовывает встречи с заинтересованными лицами. Конечно – если быть до конца честными, надо сказать, что встречи с заинтересованными людьми происходят часто в Атлантик-Сити или в Лас-Вегасе в дорожных отелях, а договоренность часто включает в себя пожертвования заинтересованных бизнесменов в предвыборный фонд того или иного конгрессмена. Мир не совершенен и никогда не будет совершенен – но нельзя не признать, что лоббизм имеет и положительные стороны.

Так вот, в среду, 14 сентября 1988 года, в одном из кабинетов Капитолия, крепко задушившись, сидел человек.

Это был большой, высокий, и крепкий мужчина лет сорока, на нем была белая рубашка с закатанными рукавами, брюки и подтяжки, брюки были немного запачканы – но это потому, что у него сейчас не было постоянной женщины, а сам он не любил и не умел ухаживать за собой. Перед этим мужчиной на столе лежал совершенно секретный аналитический доклад Пентагона, который ему привезли друзья, а поверх доклада стояла тарелка с двумя бутербродами с кошерной пастромой, которую ему прислали друзья-евреи из Нью-Йорка. Если выдвинуть верхний ящик стола – то там была початая бутылка водки, которой на сегодня должно было хватить а на завтра – уже нет. Но пока – этот человек с утра не выпил ни единого глотка спиртного, хотя очень хотелось. Он был в глубоком раздумье и сильно расстроен.

Позачера – он узнал то, что не должен был знать, информацию о жуткой перестрелке на советско-финской границе и гибели двух десятков американских солдат в ней. Это был вполне приемлемый *casus belli* – но сегодня утром ему позвонил, подняв его с постели председатель комитета по делам разведки, в который этот конгрессмен входил. И сказал, что комитет по делам разведки не будет ставить этот вопрос на повестку дня, не будет никого вызывать и заслушивать. Председатель комитета был республиканцем, и это значило, что на него сильно надавили из Белого дома. Сейчас – никто не хотел связываться с русскими.

Чертовы трусы!

В углу – работал включенный на минимальный звук телефон. На нем – CNN показывала заимствованный в ВВС репортаж с жуткими кадрами из Еревана. Горящий аэропорт, пожарные команды, следы чудовищных разрушений. Больница, вооруженные автоматами люди на каждом шагу, вице-президент на белой, старинного вида койке, заправленной белыми простынями – улыбается и машет рукой. К нему не пускают, съемка идет через стекло, снова вооруженные люди.

Ублюдки... Они похитили нашего вице-президента, а теперь добренькими прикидываются, твари...

Для конгрессмена от штата Техас Чарльза Уилсона, бывшего морского офицера и агрессивного русофоба – смотреть на подобное было невыносимо. Русофобия составляла самую суть его натуры, он ненавидел русских всеми фибрами своей души – и от увиденного ему захотелось запустить тарелкой с бутербродами в экран телевизора, чтобы эта надменная сука на экране наконец заткнулась.

Но он знал, что разбитый телевизор ничего не изменит.

Конгрессмен открыл ящик стола и задумчиво посмотрел на ждущую его решения бутылку.

В этот момент, в дверь постучали.

– Кто там? – рявкнул конгрессмен. Он славился своим беззлобным нравом – но последние неудачи в Афганистане, когда коммунисты сбросили на лагерь беженцев две атомные бомбы, а Америка просто подняла руки – сильно озлобили его.

В дверь просунулась Анита, его помощница, немного испуганная.

– Сэр... один человек прилетел из Лос-Анджелеса, чтобы с вами встретиться. Он настаивает на встрече сейчас...

Конгрессмен посмотрел на часы – и не смог вспомнить, на какой час назначено заседание комитета, которое он был обречен проиграть.

– Полчаса, сэр – напомнила Анита.

– Да... тогда пригласи его.

Человека, вошедшего к нему в кабинет – конгрессмен не знал. Хотя ему вдруг стало стыдно за свой внешний вид и за то, что в кабинете ощутимо пахнет спиртным. Этот человек был одет с иголочки, и буквально излучал уверенность.

– Мы знакомы? – спросил Уилсон.

– Полагаю, что нет, сэр – человек протянул визитку – Роберт Кардашьян.

– Вы из Лос-Анджелеса, как мне сказали?

– Совершенно верно.

– Прodelали долгий путь – конгрессмен посмотрел на часы, что было несколько невежливо.

– Да... поэтому не будут отнимать у вас много времени. Вы славитесь тем, что помогаете угнетенным народам, тем, кто находится под пятой коммунистов...

Конгрессмен подозрительно посмотрел на визитера – но в его тоне не смог уловить ни капли злорадства. А злорадствовали сейчас многие.

Человек, национальность которого он так и не смог определить, вынул из своего портфеля папку средней толщины.

– Я армянин, господин конгрессмен. Мой народ уже много сот лет не знает свободы. До двадцатого века он находился под игом чуждых нам турков. Они хотели уничтожить весь наш народ, чтобы никто не смог рассказать об их злодеяниях. С тысяча девятьсот восемнадцатого года мой народ находится под пятой русских коммунистов. Когда мы говорим о том, что хотим свободы – они убивают нас. Вы знаете, что такое Нагорный Карабах?

Конгрессмен пожал плечами.

– Нет, где это?

– На Кавказе, мистер Уилсон. Не так далеко от Афганистана, того места, где вы пытались остановить русских.

Кардашьян похлопал рукой по папке.

– В Афганистане – русских можно было только остановить. С помощью того, что находится в этой папке – можно нанести очень серьезный, возможно даже смертельный удар коммунистической империи. Заставить ее отдать часть территории, что не было с семнадцатого года. Прочитайте эти материалы, мистер Уилсон. Внимательно прочитайте, а потом поговорим. Если вы хотите войти в историю как человек, уничтоживший Империю зла – нам с вами по пути.

– Э... а где вы остановились, мистер...

– Я сам вас найду. Не смею больше задерживать.

Когда за непонятным человеком закрылась дверь – Уилсон какое-то время просто смотрел на нее. Он благодарил Бога, что не успел причаститься, мозг его работал на полных оборотах.

Армяне!

Армянская лоббистская группировка входила в число трех наиболее сильных в Вашингтоне. Влияние этого народа на решения американских властей было просто поразительным.

Он никогда не слышал про советскую Армению. Никогда не слышал про то, что происходит в этой республике. Возможно – напрасно.

Его связи больше не работают. Все от него отвернулось. Просто потому, что он проиграл – в Америке не любят проигравших. Проигрыш – заразен. Теперь, с предложением армян-

ской диаспоры – у него появится шанс снова войти в Большую Иру. И отомстить коммунистам...

И конгрессмен от второго избирательного округа штата Техас Чарльз Уилсон решительно подвинул лежащие на столе бумаги к себе.

* * *

Вторая встреча по этому поводу, окончательно укрепившая группу – состоялась вечером следующего дня в ресторане и танцевальном клубе Дно, в Вашингтоне. Клуб был скорее молодежным, чем политическим и принадлежал конгрессмену Уилсону. В задних комнатах помещения – были установлены большие джакузи, где конгрессмен нередко принимал ванны с симпатичными девушками, служащими Конгресса или теми, кого он подцепил здесь. Для члена комитета Конгресса по этике – принимать ванны с голыми девушками, пить не менее бутылки крепкого спиртного в день и употреблять наркотики – было не слишком то этично, но в ответ на вопросы репортеров конгрессмен улыбался обезоруживающей улыбкой и отвечал: знаете, что ребята. Если это комиссия Конгресса – то в ней должны быть представлены интересы всех групп населения, так ведь? Имелось в виду, что конгрессмен Уилсон представляет интересы пьяниц, наркоманов и развратников.

Специальный помощник директора ЦРУ Гас Авратакис подошел к конгрессмену, когда тот был уже навеселе – но держал себя в руках. Вместе с ним на сей раз была его постоянная девушка (насколько постоянной может быть девушка конгрессмена Уилсона), канадская королева красоты по имени Лиза. Лиза – это не Лайза, а Елизавета, она была русской. Точнее – украинкой, родом из семьи бендеровцев, вынужденных бежать в Канаду после отступления с Украины вермахта. В отличие от многих других сотрудников ЦРУ – Авратакис понимал разницу между русскими и украинцами, равно как он понимал и многое другое, о чем даже большая часть сотрудников ЦРУ, ведущих войну с коммунизмом из кабинетов в Лэнгли, не имела представления.

– Привет.

– Привет...

Авратакис решительно столкнул со стола недопитый стакан, и он с хрустом разбился.

– Извини.

– Эй!

Сотрудник ЦРУ проделал то же самое с бутылкой. Она не упала – но покатилась по полу, расплескивая благословенную коричневую жидкость.

– Дорогая, потанцуешь?

Лиза провела рукой по щеке конгрессмена и отправилась на танцплощадку.

– Черт бы тебя побрал, Гас... – устало сказал конгрессмен – как ты любишь обламывать людям кайф...

– Нет. Я просто люблю тебя, сукин ты сын и не позволю тебе загнуться от инфаркта.

Конгрессмен Уилсон был в сущности не таким уж плохим человеком. Просто не нашлось женщины, которая бы заботилась о нем – а он нуждался в заботе.

– Ладно, к делу. Что ты знаешь об армянах?

Сотрудник ЦРУ напряг память. Большая часть его жизненного опыта происходила из отрочества, когда он сопровождал отца по самым грязным забегалкам и распивочным центральной части США – отец был оптовым торговцем алкоголем. Но ничего про армян он так вспомнить и не сумел – из чего следовало, что армяне не пьют.

– Одна из наций СССР. С сильным лобби здесь. Вроде как воздерживаются от пьянства. В отличие от тебя.

Конгрессмен с ликующим взглядом положил на стол папку.

– Теперь прочти это.

* * *

Через полчаса – Гас Авратакис сам заказал выпивку. Залпом опрокинул в себя целый стакан джинна. Ему надо было прийти в себя.

Если верить отчетам – в СССР существовала целая подпольная сепаратистская и подрывная организация, основная на этнической общности. Эта организация ставит перед собой цели дестабилизировать обстановку на юге СССР, и как минимум – вернуть себе какие-то территории. А как максимум – отложиться от СССР и создать независимое государство Армения.

И причем активность этой организации – проявляется на стратегическом, южном направлении, на самой границе с Турцией и восточными странами. Как этнический грек, Авратакис люто ненавидел турков – но ради такого дела можно и потерпеть.

Проблема в том, что это все слишком хорошо, чтобы быть правдой. Авратакис знал, что КГБ любит всякие игры... на этом можно и шею сломать.

– Где ты это взял? – спросил Авратакис, тяжело отдыхаясь от спиртного. Он не считал немного – и джинн обжег пищевод.

– Один лоббист приходил. Он заинтересован... скажем так, в пополнении своей конюшни.

– Какой лоббист? Где он?

Конгрессмен показал вперед.

– А вон и он! Думаю, вам стоит познакомиться...

Пожилой, в отличном костюме господин немного поморщился, когда под носком его ботинка хрустнуло стекло.

– Извините, стакан разбился, мистер...

– Кардашьян. Роберт Кардашьян³⁸.

Авратакис встал, протянул руку. Изобразил самую любезную улыбку, на которую только был способен.

– Гас Авратакис. ЦРУ...

³⁸ Роберт Джордж Кардашьян, американский юрист и предприниматель, человек удивительной судьбы. Родился в богатой семье, получил степень доктора юриспруденции, десять лет проработал по специальности, потом ушел в бизнес. Вернулся на адвокатскую стезю для того, чтобы помочь другу, печально известному О Джею Симпсону, которого подозревали в зверском убийстве жены и любовника. И выиграл этот практически безнадежный процесс, хотя мало кто из американцев сомневался в виновности Симпсона. Отец всемирно известной актрисы Ким Кардашьян. Играл большую роль в деятельности армянской диаспоры в США, являлся одним из тайных ее кукловодов.

Лэнгли, штат Виргиния. 19 сентября 1988 года

Следующие дни – у специального агента ЦРУ Гаса Авратакиса были заполнены работой так плотно, что как говорится «не продохнуть». Он был вынужден делать и ту работу, которая свалилась на него по делу о перестрелке в Финляндии, закончившейся гибелью американского военного персонала и по делу о взрыве в Армении, в котором едва не погиб вице-президент США. ЦРУ буквально стояло нас ушах, и основной удар приходился как раз на них, опытных спецов по борьбе с Советским союзом, которых осталось не так и много.

Работа в ЦРУ построена так, что ты можешь десять лет сидеть бок о бок с человеком и не знать, чем он занимается и в каком отделе работает. Более того, не было никаких препятствий к тому, чтобы вообще ничего не делать, и можно было сидеть без дела несколько недель, прежде чем административный отдел перестанет платить жалование. Авратакис как то раз попадал в такую ситуацию, когда послал по матери заместителя директора ЦРУ, а когда пришел извиняться – вместо извинения послал его еще раз в том же направлении.

После предательства Олдриджа Эймса – работа усложнилась еще больше. Блокировали многие каналы информации, каким пользовались раньше в обход официальной процедуры, теперь чтобы получить сраную бумажку, нужно было получать подпись контрразведки. А если ты интересуешься чем-то, что выходит за рамки деятельности твоего отдела – жди утомительного многочасового допроса в контрразведке с детектором лжи. Авратакису было немного полегче – у него были налажены связи с младшим персоналом, и он был специальным помощником директора. То есть теоретически он мог выполнять любую работу, а какую именно – надо было спрашивать у директора. Учитывая то, что судья Уэбстер находился в предынфарктном состоянии, вряд ли кто-то бы решился спрашивать.

Через три дня поисков – Авратакис сидел за своим столом, смотрел на довольно скудные материалы, которые добавились к материалам собранным американской армянской общиной и думал – как они, черт возьми, все это пропустили? Как они, черт возьми, не заметили ТАКОЕ у себя под носом...

* * *

АСАЛА

Армянская секретная армия освобождения Армении (арм. Հայաստանի անկախության հայ զինվորական բանակ) – армянская транснациональная этническая организация. Признана террористической Госдепартаментом США. Декларируя марксистско-ленинские взгляды, организация поддерживала леворадикальные и национально-освободительные движения во многих странах мира. Создана в 1975 году, после 1991 г. малоактивна (или же распущена). Руководитель группы – Акоп Акопян (Арутюн Тагушян), был убит на пороге собственного дома в Афинах в 1988 году.

Вооружённые акции мотивировались необходимостью принудить Турцию признать геноцид армянского народа в период Первой мировой войны.

Цели организации:

- использование революционного насилия для прекращения «эксплуатации, репрессий и террора турецкого колониализма», а также «империализма» НАТО и сионизма.

- атаки на турецкие представительства и институты по всему миру, а также те страны, которые ее поддерживают.

- утверждение «научного социализма» как политической доктрины воссозданного армянского государства

- превращение Армении в базу для революционной борьбы против Турции

Область операций: Европа, Ближний Восток, Ливан, Турция, США, Канада, Франция, Греция, Швейцария, Испания, Австрия, Великобритания, Италия, Иран, Венгрия и т. д.

Используемые названия: «Группа Гургена Яникяна», «Организация 3 октября», «Организация 9 июня», «Сентябрь Франс», «Организации Орли» и др.

Организация была сформирована в 1975 году в Бейруте ливанским армянином Акопом Акопяном, который принимал участие в деятельности палестинских вооруженных организаций в начале семидесятых. Акопян был членом Народного фронта освобождения Палестины (НФОП), и НФОП помогала финансировать армянскую группу.

Первой атакой АСАЛА был взрыв в офисе Всемирного совета церквей 20 января 1975 в Бейруте, под названием «Группа заключённого Гургена Яникяна», которая через несколько месяцев сменила название на Армянскую секретную армию освобождения Армении. Пострадавших не было.

3 октября 1980 г., после преждевременного взрыва бомбы в женевской гостинице, впервые были арестованы члены АСАЛА – Алек Енигомшян и Сюзи Махсерджян. Через год от рака умер Акоп Тарагчян, в 1975-80 гг. выполнивший десятки взрывов в Турции. Среди наиболее известных нападений АСАЛА – 15-часовой захват турецкого консульства в Париже (24.09.1981), захват аэропорта «Эсенбога» в Анкаре (7.08.1982), взрыв на крытом рынке Стамбула (16.06.1983), взрыв турецкого отделения аэропорта «Орли» в Париже (1983), серия из 4 взрывов в Тегеране (март, 1984) и другие.

Официальный орган АСАЛА – многоязычный иллюстрированный журнал «Айастан» («Армения»). Различными филиалами Армянского народного движения (АНД), поддерживающего деятельность АСАЛА, выпускаются периодические издания «Кайдзер», «Ай Пайкар», «Азат Ай», «Нор Серунд» и др.

Герб АСАЛА – карта Армении по Севрскому договору с рукой, держащей автомат Калашникова. Девизы организации – «Вооруженная борьба и правильная политическая линия – путь к Армении» и «Да здравствует революционная солидарность угнетенных народов».

Вторжение Израиля в Ливан в 1982 г. положило конец успешной деятельности АСАЛА. Организация была вынуждена частично перебраться в Сирию, значительно утратив свой боевой потенциал.

В 1983 году организация раскололась по вопросу допустимости проведения диверсий, ведущих к массовым жертвам. Непосредственным поводом к дискуссии стала операция в Парижском аэропорту «Орли», в результате которой погибло семь человек. В апреле 1983 Армянское Национальное Движение (Франция) и армянские организации Великобритании и США предприняли план сформировать в противовес АСАЛА Демократический Фронт. Вновь возникшая АСАЛА-Mouvement Révolutionnaire, АСАЛА-RM (руководитель Монте Мелконян) рассматривает «слепой» террор как вредный для дела армянского освобождения.

* * *

То есть армяне, несмотря на то, что были христианами, имели вполне полноценную террористическую организацию. Да какую! – созданную в Беруте, буквально плавающим на крови.

Имеющую опыт резонансных террористических акций – таких как расстрел пассажиров в аэропорту.

Намного меньше информации было о том, что произошло в Москве во второй половине семидесятых.

Если верить той информации, которая была – получается, что в московском метро произошел сильный взрыв с многочисленными жертвами. КГБ начало поиски и нашло террористов. Все они были из Армении.

Здесь Авратакис сделал себе пометку. Вторая половина семидесятых. Самый кошмар в Бейруте, даже мирные общины, в том числе армянская – обзаводятся собственными отрядами безопасности, по сути, бандами. Не может быть, чтобы в КГБ этого не знали, русские чувствовали себя в Бейруте намного свободнее американцев. Не может быть, чтобы не заподозрили связь.

Не нашли? Не искали? Или нашли и решили начать контригру?

Твою мать. Никому и ничему верить нельзя.

Организация Крунк – это уже интереснее. Массовая общественная организация, выдвигающая политические лозунги, в том числе несовместимые с советским образом жизни. Имеющая отделения во всех крупных городах СССР, опирающаяся на диаспоры. Включающая в себя известных людей, представителей интеллигенции.

Это то, что они искали?

Только дурак опирает свою стратегию на террористов. Террористы подходят в тактических целях, но стратегию на них опирать нельзя. Взорвать убить – все что они могут. Нужна мощная разветвленная организация, которая может влиять на жизни сотни тысяч людей. Нужно влиять на общественное мнение. Проводить акции гражданского неповиновения. Высмеивать власть. Проводить митинги. Выставлять требования. Хорошо выглядеть в камерах западных репортеров. Иметь отделения на западе и поддержку. Маленький, но гордый народ, борющийся за свою свободу, не сдающийся даже под пятой коммунистической тирании – выглядит куда лучше, чем кучка подонков, которые взрывают бомбы в метро или расстреливают людей у стойки в аэропорту.

Великобритания уже пятнадцать лет живет в обстановке непрекращающегося террора. В ИРА не более двух – трех сотен активных боевиков, но они изменили британское общество больше, чем мистер Гитлер. Страхи, подозрительность огромные траты на безопасность, вооружение полицейских, создание полувоенных организаций лоялистов и расправы, лагерь Лонг Кэш, куда кидают людей без суда и следствия.

Что если армяне – то же самое, что и ирландцы?

Конечно, люди общины постарались вложить в доклад как можно меньше информации. Тщательно почистили от имен. Но в докладе конкретно сказано – что в СССР существует группа высокопоставленных правительственных служащих и советников, которые находятся в системе, дают советы наверх и могут подсказать ЦРУ, как подорвать СССР изнутри, прежде всего экономическими методами.

Догадаться, кто это может быть – труда не составило. Авратакис запросил данные, которые отдел по борьбе с советской угрозой собирал на ближайших сподвижников погибшего генсека Михаила Горбачева. Среди них – было как минимум двое армян, академики Аганбегян и Ситарян. Еще несколько армян – входили в более отдаленное окружение, но количество армян в окружении вообще то русского лидера государства – говорило о многом.

В ЦРУ были свои советологи, они занимались проблемами власти, общества в Советском союзе. Их работу – иногда можно было сравнить с предсказанием погоды по звездам, в Советском союзе не было нормальных демократических выборов, на которых население могло отдать предпочтение той или иной политической партии, не было публичных дебатов, где политики могли бы открыто заявлять свою точку зрения по тем или иным вопросам. Но противобор-

ствующие силы в советском руководстве были, и чтобы догадаться о соотношении сил на текущий момент, следовало изучать совсем уж таинственные материи, вроде расстановки вождей на трибуне Мавзолея. Для того, чтобы понять истинную силу армянской группы, надо было обращаться к советологам, но Авратакис не хотел это делать. Частично потому, что не хотел светить свой интерес, частично – потому что подозревал о возможности наличия еще одного агента, помимо Эймса. Авратакис полагался на свое чутье, чутье выработанное в грязных прокуренных барах, где ошибка могла означать бутылку, разбитую об твою голову. И это чутье подсказывало ему, что небольшая, но сплоченная, имеющая историческую родину и историческую миссию нация, даже если она составляет всего один процент в коренном населении страны – при желании способна нарушить нормально функционирование всего общественного организма. Если армяне хотя бы наполовину такие, как ирландцы...

Господи... о чем это он? Они УЖЕ ведут террор!

Нагорный Карабах.

Он попросил подробную советскую карту – но так и не мог очертить границы этой области, он лишь приблизительно понял, где это находится. Информация о предыстории конфликта тоже была крайне скудной, но внушала оптимизм. Получалось, что Нагорный Карабах был населен представителями этноса армян, христианами, ко тому же – но был передан в состав мусульманского Азербайджана волюнтаристским решением московских лидеров. Получалось, что это что-то вроде анклава во враждебном окружении. В Северной Ирландии – в шести северных графствах пятнадцать лет продолжалась резня по существенно меньшему поводу. Он знал это, потому что при организации помощи моджахедам много общался с британскими разведчиками и даже какое-то время служил представителем ЦРУ при спецслужбах Великобритании.

– Мистер Авратакис...

Он дернулся. Стареет... нервы.

– Да, Гейла...

Одна из его агентов – он сам их так называл. Всегда и везде Авратакис заводил хорошие отношения с младшим обслуживающим персоналом, в то время как заместителя директора он мог послать на три всем известные повторно. Это давало ему огромные возможности, в том числе систему раннего предупреждения. Дело в том, что все говнюки с седьмого этажа – никогда и пальцем не пошевелият, чтобы что-то сделать. Они кого-то вызовут и прикажут. И спецагент Гас Авратакис знал об этих приказах прежде, чем они начнут выполняться. В свое время – это уберегло его от увольнения из ЦРУ.

– Кое-кто был на седьмом этаже.

– Кто?

Гейл сделала большие глаза, положила ему в корзину пачку входящих.

Авратакис проводил ее, какое-то время занимался чтением, затем – осторожно поворошил пачку входящих. Из нее – выпал листок, которого там не должно было быть.

Вертефей,³⁹ мать твою...

Внутренняя контрразведка идет по его следу. Возможно из за его интереса по Армении. Черт бы их побрал, вечно запирают конюшню после того, как лошади разбежались.

Авратакис взглянул на часы. Надо что-то перекусить, а потом идти на седьмой этаж самому. В разведке – главное работать на опережение...

* * *

Наскоро перекусив, Гас Авратакис поднялся наверх, на седьмой этаж. Кабинет заместителя директора ЦРУ по анализу занимал сейчас Роберт Гейтс – едва ли не единственный

³⁹ Имя подлинное. Жанна Вертефей, опытный контрразведчик. Считается, что именно она изобличила Эймса.

высший офицер ЦРУ, к которому Авратакис имел доступ. Несмотря на то, что он числился помощником директора – приказы ему передавались через ЗДО, заместителя директора по операциям.

Гейтс выслушал молча. Не перебивая.

– Признаюсь... вы меня озадачили...

У агента Авратакиса были не слишком хорошие отношения с заместителем директора ЦРУ Робертом Гейтсом. Нет, послал он не его, послал он другого человека. Просто у него были плохие отношения со всем начальством.

– Сэр, я полагаю, что это возможное направление прорыва.

– Полагаете? – задумчиво сказал Гейтс.

– Сэр, что мы теряем? – прямо спросил Авратакис.

Гейтс потеревил бумаги на столе.

– Да в принципе ничего. Пока – ничего. Как вы говорите зовут этого... армянского лоббиста?

– Кардашьян. Роберт Кардашьян.

– Кардашьян...

Гейтс лихорадочно думал. Уэбстер – политический назначенец, в то время как он – кадровый разведчик. Шансов у кадрового разведчика стать директором ЦРУ практически нет никаких, за исключением случая, если он покажет себя опытным и осторожным политиком и вдобавок окажет какую-либо услугу администрации или сильным лоббистским группам поддерживающим ее.

Армяне, насколько он помнил, как и все национальные меньшинства, за исключением поляков поддерживали Демократическую партию – но кто знает, что будет на этих выборах. Ведь если Буш не оправится, Белый дом падает в руки демократов как спелое яблоко. И если даже американцы просто сочтут нынешнего вице-президента больным или недостаточно сильным – они за него не проголосуют. А грызня идет уже вовсю и репортаж ВВС с вице-президентом и кандидатом от республиканцев, машущим рукой с больничной койки крутят по всем демократическим телеканалам.

И в любом случае – что он теряет? Оказать услугу армянам – это зачтется. К тому же – а если это правда?

– Сэр, а если это правда? – словно читая мысли, спросил Авратакис.

– Хорошо...

Гейтс достал бумагу из подставки, начал писать хорошо поставленным почерком.

– Я санкционирую дополнительные исследования по этому вопросу. Финский вопрос полностью передайте Хэтэуэю⁴⁰. Проведите исторические исследования, выясните, что к чему, поговорите с эмигрантами оттуда, с советологами. Можете потратить немного денег, но в пределах разумного, я не думаю, что с бюджетом на следующий год получится что-либо хорошее. Можете дать задание в московское посольство, пусть что-то сделают на месте. Но!

Гейтс поднял палец.

– Я не хочу, чтобы хоть один американский разведчик оказался нелегально в этой самой Армении, вам ясно?

– Да, ясно.

– Ни один. Мы работаем исключительно соблюдая дистанцию. Сколько вам потребуется времени?

– Месяц, сэр.

⁴⁰ Гас Хэтэуэй, американский разведчик, бывший начальник московской станции. Прославился тем, что набросился с кулаками на пожарных во время пожара в посольстве США. О том, были ли это на самом деле пожарные – ясности нет до сих пор.

– Это много. Две недели. Через две недели я жду промежуточный отчет, чтобы решить, стоит ли копать дальше.

– Я понял.

– Идите. И оформите официально дело. В конце концов – мы просто работаем по взрыву, собираем дополнительные данные, верно?

– Верно...

Закрыв за собой дверь – Гас Авратакис показал ей вытянутый средний палец.

* * *

Дело по оперативной разработке армянских националистических кругов в СССР получило название «Камбала». Его присвоил компьютер, в котором каждый месяц менялся список слов. В этом месяце компьютер выбирал из списка рыб.

* * *

Телефон прозвонил, когда Гас Авратакис уже выехал на шоссе, чтобы ехать домой. В его Понтиаке – купе четырехлетней давности – был установлен дорогой мобильный телефон – он всегда должен был быть на связи.

– Я слушаю...

– Парень, мы победили! – голос конгрессмена Уилсона буквально звенел от восторга.

– Русские поджали хвост и убрались из Афганистана? – поинтересовался Авратакис.

– Нет, сэр! Но выделение средств на пятьсот винтовок Барретт и пятьсот ракетных комплексов Милан прошло через комитет как по маслу! Парень, мы снова можем убивать русских!

– Вот это да... – без особого энтузиазма сказал Авратакис.

– Гас, я намерен сегодня напиться, и приглашаю тебя к себе. Давай, надеремся как черти за новые победы...

– Извини, друг, не могу – мягко отказал Авратакис – у меня чертовски много работы и я даже трезвый с трудом справляюсь с ней. Давай, я загляну к тебе завтра.

О конгрессмене Чарли Уилсоне, который тоже был в деле – Авратакис не сказал никому, даже Роберту Гейтсу.

– Черт, эти армяне настоящие волшебники!

– Завтра, Чарли, хорошо? И будь в форме.

Авратакис положил трубку и попытался прислушаться к себе – почему он не рад этому. Ведь новое начало сопротивления в Афганистане – это разве не хорошо?

Но проклятое чутье говорило о приближении большой, очень большой беды. Он не мог понять какой – но она приближалась...

СССР, Москва. 12 сентября 1988 года

Москва купалась в дожде. Низкие, серые тучи висели над городом, дождь то начинал, то прекращался и первые пожелтевшие листья – тихо устилали асфальт. Там, откуда он прилетел – было лето, а здесь – здесь, в Москве уже была осень. Осень – как тихая и грустная предвестница зимы, зимы, которую обречен был провести вдали от дома – как и предыдущую.

Полковник государственной безопасности Владимир Попов не питал никаких иллюзий относительно этого. И потому, сойдя с самолета Арианы, выполнявшего рейс Москва – Кабул – он и не подумал назвать улицу и номер дома в Кузьминках, куда переехала его семья. Он понимал, что в Москве он, возможно, не несколько часов – и растравливать душу не стоит.

Он давно уже жил урывками – так он сам это называл. Его считали ценным специалистом – наверное он таковым и был – и потому на семью из трех человек ему дали новую, трехкомнатную квартиру в новом микрорайоне Москвы. Это произошло всего лишь две недели назад. Но даже это – не искупало того, что пока его семья переезжала – он сидел в Мазари-Шарифе и разбирался, что ко всем чертям происходит. А до этого – он разбирался в Молдавии, в Таджикистане, в Узбекистане, на Украине и черт знает, где еще.

Полковник Владимир Попов, один из самых молодых офицеров в КГБ с таким званием – был офицером Особой инспекции КГБ СССР, небольшого, не афиширующего свою деятельность подразделения с опасно широкими полномочиями. Это была одновременно и учебная часть и контрольно-ревизионное управление и группа опытных агентов и следователей, предназначенная для расследования и раскрытия преступлений в самом КГБ. Попасть в это подразделение было невероятно сложно, достаточно было сказать, что каждый кандидат должен был получить одобрение Председателя КГБ. Из этого же подразделения – черпались кадры, когда нужно было срочно заменить председателя какого-нибудь краевого областного или даже республиканского УКГБ – обычно, инспектор Особой инспекции, выведший прежнего председателя на чистую воду, подходил для этого как нельзя лучше. Именно поэтому – назначение в этот отдел давало возможность сделать критически важный шаг, от простого, пусть и хорошего работника, до руководителя – особые инспекторы работали не за страх, а за совесть, а большая часть сотрудников КГБ их люто ненавидела.

Пройдя, как и все советские граждане, таможню – он не вез ничего, потому прошел быстро – полковник вышел в засранный зал аэропорта. Грязь с улицы несли сюда, уборщица лишь бессмысленно возюкала грязной тряпкой, разгоняя грязь по полу. Когда он выходил из аэропортового автобуса – дождя еще не было, но сейчас он снова пошел...

И, тем не менее, это была родина. Место, где все свои и где не стоит опасаться ножа в спину, в отличие от некоторых мест, где он бывал раньше – где из советского только паспорта у людей, да красные флаги.

– Полтинник, командир?

Полковник коротко глянул на подскочившего водилу. Обнаглели... хотя в Ташкенте таким же милым и бесцеремонным образом предлагают «заразу», то есть наркотик. Эх, яблочко, куда ты катишься...

– Поехали...

Водила вывел его к новой восьмерке. Машина относительно новая, в потоке она еще выделялась, хотя вроде еще Москвич в серию пошел. Полковник стоял в очереди на машину, и для него это было немаловажно.

Дождь пошел сильнее. Дворники иступленно метались по стеклу...

– Как? – несколько отстраненно спросил полковник, положив две сиреневых бумажки с портретом вечно живого на приборную панель.

– Ласточка, командир, ласточка! – оживленно заговорил водитель – не ездит, летает! Сказка! Передний привод, дорогу держит...

Таксист звучно поцеловал пальцы...

– У меня в следующем году тоже очередь подойдет – поделился полковник – вот думаю, что брать...

– Продашь? – моментально поинтересовался таксист.

– Так не купил же еще?

– Да это неважно. Десятка с ходу – хоп?

И откуда же ты, такой крутой взялся.

Полковник машинально глянул назад – нет, знакомых машин нет, не следят. Билет он брал в большой спешке, вряд ли ведут.

– Нет. Самому нужна...

– Как знаешь, командир – не обиделся таксист – дело хозяйское.

– А так то... в Москве как?

– Ну... Вроде тихо. Водка только дорогая – жуть. Раньше мы спекулировали, теперь государство спекулирует. Землю давать будут, двадцать пять соток, я записался, как думаешь – стоит?

Полковник пожал плечами.

– Стоит, наверное...

– А тебе куда, командир? – впервые поинтересовался таксист.

– К станции метро Лубянка. Дальше покажу...

* * *

Еще на подходах к Лубянке – полковник понял, что введены повышенные меры безопасности. Вон те скучающие работяги в новомодных жилетах со светоотражающими вставками, слишком чистая уборочная машина. Пожалуй... стоит пешком пройтись.

– Все, останови.

– Здесь нельзя, командир. Вон там, дальше...

Полковник понял – привычка. Что в Кабуле, что в Ташкенте, что в Душанбе – Душманбе – останавливались не там, где положено, а там где нужно...

Машина остановилась.

– Бывай, командир. Удачи...

– И тебе не кашлять...

Тучи сбросили основную часть скопившейся влаги ранее, сейчас дождь даже не моросил – мелко накрапывал, иногда прекращаясь. Полковник побрел по тротуару, примечая все – и туристический автобус с затемненными стеклами у тротуара, и чуть приоткрытое окно, и человека в слишком сухой одежде, увязавшегося за ним. О, какие молодцы – на дальних подступах секут.

Рядом резко визгнули тормоза, полковник только усилием воли сдержал порыв прыгнуть в сторону и на землю. Все равно оружия то нет...

Опустилось стекло, рука протянула две двадцатипятирублевки.

– Извините, товарищ полковник, не допер сразу...

Дела...

* * *

Прижали его грамотно, как раз у автобуса. Дверь открылась, второй филер уже ускорился, чтобы перекрыть ему путь назад. Справа автобус, слева стена...

– Документы...

Полковник достал свое служебное удостоверение...

– Извините – вывалившийся из автобуса «работяга» козырнул – не признали.

– Хреново работаете. В машине вон признали, даже довели.

– Какой машине? Так это не наши, товарищ полковник.

Попов сунул руку в карман, наткнулся на шуршащие сиреневые...

Вот тебе и секретность...

* * *

Кабинеты, принадлежащие Особой Инспекции КГБ СССР, находились не в главном здании, известном как Дом-2, а находящемся рядом, более неприметном, их туда перевели временно, потому что в Солнцево строился комплекс зданий для КГБ СССР, а тут вроде как хотели только музей оставить. Прапорщик снизу позвонил наверх – полковник работал под прикрытием, звание у него было правильное, но не было отметки о праве прохождения в центральное здание. Через десять минут – он уже входил в кабинет начальства – с промокшими ногами и дурным настроением.

Пожилый, сухой, до одури правильный генерал Иван Францевич Легаш, из белорусских поляков – не глядя, показал пальцем на стул, стоящий у приставного стола и снова погрузился в чтение какого-то документа. В углу – беззвучно работал телевизор, безошибочный признак кабинета большого начальника в СССР. Другого ожидать было сложно – упустили полковника... тьфу, он же генерала успел получить... Телятникова, старшего по резидентуре в Кабуле и как оказалось американского агента. Хотя он сам, Попов – ни в чем не был виноват, его перебросили на усиление из Ташкента, кинули в Мазари-Шариф, и ему удалось за короткий срок установить, что к убийству офицера афганских спецслужб причастны сотрудники КГБ, вставшие на путь предательства...

Так что теперь – только каяться...

Легаш прочитал документ. Сделал пометку на нем, отложил в сторону. Посмотрел на часы – часы у него были старенькие, Победа.

– Нам вызывает товарищ Председатель – сказал он, вставая с места – пойдете.

Они спустились вниз, прошли пост охраны, бойцы на котором были вооружены автоматами и решетчатую дверь. Вышли в подземный переход, ведущий в основное здание – такие имелись между каждым зданием, входящим в комплекс зданий КГБ СССР на Лубянской площади. Там тоже стояла охрана, вооруженная охрана. Уроки нападения на основное здание – забыты не были...

В Доме-2 до сих пор шел ремонт. Удивительно – но часть работ выполняли зэки из подмосковных колоний. Впрочем – здание министерства внутренних дел, современную высотку, лебединую песню Николая Анисимовича Щелокова – зэки строили с первого этажа и до подвала.

В приемной ждал народ – но Легаш не обратил на него никакого внимания. Он кивнул офицеру, сидящему в приемной – и тот пошел докладывать...

Попов машинально осмотрел себя. Брюки снизу немного забрызганы – но для человека, срочно прибывшего из Афганистана, он выглядел вполне пристойно.

Адъютант появился на пороге двойной, обделанной карельской березой двери – ее уже заменили после нападения. Коротко кивнул.

Председатель КГБ СССР, бывший второй секретарь ЦК азербайджанской компартии оказался невысоким, живым, средних лет человеком с красивой проседью в черных как смоль волосах. Он поздоровался с каждым из вошедших офицеров за руку, пригласил присесть. Внесли кофе, какое-то печенье. Но ни Легаша ни Попова это не обмануло, оба начинали там,

один в Узбекистане, другой в Армении, и знали, что на Кавказе сладкие слова – прелюдия к жестоким и беспредельным действиям.

– Партия... – сказал Председатель КГБ, вкусно прихлебывая чай – нуждается в проверенной, точной информации относительно того, что происходит в зоне Нагорно-Карабахской АССР. Есть все признаки того, что местные органы...

Костяной стук чашки о блюдечко.

– Утратили контроль над обстановкой, а местные партийные органы...

Хруст подвертевшего овсяного печенья...

– ... не совсем понимают всю опасность происходящего. Вы работали в Армении, товарищ Попов?

Значит, кандидатура заранее согласована, по крайней мере на словах – и сейчас это не более чем смотрины. Но и провалить их – ни в коем случае нельзя...

– Так точно, три года. По распределению.

– Почему покинули Армению?

– Товарища Попова направили в Демократическую республику Афганистан для оказания практической помощи местным товарищам – ответил за подчиненного Легаш.

– Очень хорошо. Значит вы... можете работать в условиях... непростой криминогенной ситуации, товарищ Попов?

– Я могу работать в условиях любой ситуации, товарищ Председатель.

Председателю почему то это не понравилось, он издал какой-то неопределенный звук языком.

– Товарищ Попов, партия надеется на вас. Но в то же время вы должны понимать, что Нагорно-карабахская республика – это не Афганистан и методы, приемлемые в Афганистане – отнюдь не являются приемлемыми на территории Советского союза.

Попов сделал каменное лицо.

– Товарищ Председатель, я всегда стоял и стою на страже социалистической законности. Наша цель – призывать к ответу нарушителей закона, а не преступать его самим.

По аппаратным меркам это было наглостью, поскольку Попов сейчас открыто выразил непонимание того, на что ему намекают и поставил начальника, стоящего на две ступени выше его в неловкое положение.

– Никто и не обвиняет вас в нарушениях соцзаконности, товарищ Попов – холодно сказал Председатель КГБ – но в то же время мы ждем от вас тесного взаимодействия с партийными органами в духе марксистско-ленинского учения. Помните, что ваша задача не столько карать, сколько помогать исправлять допущенные товарищами ошибки, не давать мелким ошибкам превратиться в непоправимые.

– Я вас понял, товарищ Председатель – после небольшой, но заметной паузы сказал Попов.

– Что ж... – Председатель встал, давая понять, что аудиенция закончена – я полагаю, товарищ Легаш, что товарищ Попов справится с порученным ему заданием. Проинструктируйте его дополнительно и обеспечьте всем необходимым.

– Так точно!

* * *

– Обязательно надо было из себя корчить? – раздраженно поинтересовался Легаш, когда они вернулись к нему в кабинет – тут и так все ходуном ходит.

– Я ничего такого и не сказал.

– Перестань. Передо мной – не надо изгаляться. Ситуацию – понял?

– Да уж понятно...

Местные налажали где только могли, скрывали рост негативных настроений, национализма, выходы антисоветски настроенной местной среды представляли как отдельные акты хулиганства, закрывали глаза на рост молодежных группировок. И получили в итоге – погромы, а потом резонансный террористический акт с международными последствиями. Партийные – виноваты не меньше, чем органы КГБ – потому что работу с молодежью заваляли они. Где комсомольская работа, где молодежные бригады на заводах, где организация досуга, где лекционно-просветительская работа? КГБ должна пресекать, а не сопلي подтирать!

– Со стороны Центрального аппарата помощь будет, или наоборот.

– Думай, что говоришь!

– Есть.

Легаш помолчал какое-то время, потом заговорил.

– Состоялась Коллегия КГБ, этот вопрос на ней заслушали. Принято решение провести комплексную проверку по республике. По Армении, я имею в виду. Есть данные, что на территории Армянской ССР в течение нескольких лет действовала разветвленная националистическая сеть Дашнакцутюн, имеющая террористическое крыло и ставящая целью отторжение республики от СССР. Последние события в аэропорту Звартноц свидетельствуют о том, что они не остановятся ни перед чем...

Легаш помолчал и жестко закончил.

– И есть все основания полагать, что в составе террористического крыла организации находятся действующие сотрудники местной милиции и КГБ...

* * *

Борт на Звартноц уходил нехорошо – в три часа ночи...

Полковник лишь на пару часов заскочил домой, повидать своих, передать деньги, сказать, что все нормально. Соврал, что едет в Эстонию, там новое – задание. Вроде как поверили – но глаза у жены были на мокром месте.

За двойную цену (таксисты совсем оборзели) – он добрался до Кубинки Там, в свете прожекторов – стоял громадный транспортный ИЛ-76, его акулий хвост терялся в темноте неба. Погрузчиками – шла погрузка какой-то техники, палаток, всего прочего, необходимого в зоне катастрофы. Чуть в стороне – плотной группкой курили какие-то мужики с объемистым личным багажом, который они держали при себе.

Поскольку просто так его в самолет никто не пустил бы – Попов пошел искать кого-то старшего. Из экипажа – на месте был только штурман, когда Попов спросил его где командир, он неопределенно махнул рукой – там, мол. И снова занялся своими делами.

Идти до штабного здания совсем не хотелось, тем более что накрапывал дождь. Попов остался у самолета, решив, что командир рано или поздно все равно появится.

Самолет загрузили быстро, но командира не было, и когда полетим – никто не знал. Все кучковались у самолета, посматривали на часы и ругались себе под нос.

Потом – появились четверо, их подвезли на аэродромном газике к самой аппарели. Попов с удивлением узнал одного из них.

– Мишка! – крикнул он – Лепицкий!

* * *

– Знаешь, кто это? – негромко спросил Лепицкий, кивая на сидящих дальше на тюках людей с огромными баулами.

– Нет, Кто?

– Удар. Спецгруппа в составе ГУИН⁴¹. Подавление тюремных бунтов, освобождение заложников, поиск бежавших особо опасных. В полном составе – четырнадцать человек.

Попов присвистнул.

– Так ты с ними?

– Нет. Я в НКАО, а они – в Ереван. А ты?

– Тоже в Ереван...

Мишка Лепицкий, старый друг Попова – сделал примерно ту же карьеру в МВД, что и Попов, только жизнь с ним покруче обошлась. В тридцать два года – старший инспектор Инспекции по личному составу МВД СССР, у республиканских министров ноги подкашивались, когда они слышали эту должность. После того, как к власти пришел Андропов, его пытались обвинить во взятках. Зацепились за большой участок с домом. Потом выяснилось – остался от деда – академика, все чисто. Но система, раз за кого-то взявшись уже не выпускала и почти никогда не давала задний ход – обвинили в «обрастании имуществом»⁴² и уволили по недоверию. Блестящий розыскник – пошел обычным юрисконсультom на какой-то заштатный заводик, да и там – все ждал ареста. За Щелоковым тоже не сразу пришли – сначала уволили, оторвали от среды, потом связей лишили, сделали изгоем, потом не выдержал – застрелился. Но тут все получилось наоборот – стремительно вознесшийся Гуров работал над укреплением МВД, людей не то что с заводов – из тюрем доставали, что для милиции вообще было немыслимо. Пусть и тюрьма своя, нижнетагильская – а все же. Достали и Мишку – теперь он работал в группе особых инспекторов МВД СССР, которые работали в кризисных регионах и были как бы глазами и ушами Центра, независимыми от местных. Уже было понимание того, что на местах произошло сращивание милиции, где с организованной преступностью, где с национализмом – и верить поступающей наверх информации нельзя. Что из Сумгаита, что из Еревана – все положительное шло, пока в одном месте резню не устроили, а в другом – американского президента взорвали.

– У тебя по обстановке есть что? Довели?

– Да как сказать. Обстановка сложная, националистические сборища, митинги, какие-то выходы. Криминогенная обострилась – резкий рост избиений, хулиганств, угонов скота.

Попов понимающе кивнул. Под хулиганство – местные органы часто списывали преступления с совсем другой мотивацией.

– А у тебя что?

Вообще – представители двух разных министерств информацией обмениваться не должны были – у каждого своя кухня. Лепицкий еще мог доложить Попову, МВД всегда по масти считалось младше КГБ. Но Попов в таких случаях предпочитал вести себя по-человечески – он понимал, что у милиционера больше шансов напороться на нож или ствол, чем у него самого.

– Есть предположения, что в республике действует крупная националистическая группировка криминально-националистического толка. И в нее могут входить сотрудники органов.

Лепицкий кивнул.

– Ну, это и ежу понятно.

– Почему? – не понял Попов.

– А не въезжаешь? В любом малом народе – все вместе.

– Не понял? – сухо сказал Попов – ты про что? На дело идти – тоже, значит, вместе? А как же закон?

Лепицкий махнул рукой.

⁴¹ Главное управление исполнения наказаний, в то время подчинялось МВД. Только в нем удалось сохранить милицкий спецназ, погромавшийся при Андропове.

⁴² Формулировка откровенно дикая, но я сам видел дела в архиве с такими формулировками.

- Ты объяснись, чего рукой машешь. Ты что, считаешь, что это правильно, что ли?
- Сам поймешь. Там. А мне больше чего сказать.

Попову концовка этого разговора не понравилась. Очень. Но настаивать на его продолжении он не стал. Не время и не место.

* * *

В Армении приземлились под утро...

В пострадавшем от взрыва Звартноце расчистили тяжелой техникой взлетную полосу, которая не пострадала – в конце концов, взрыв бензовоза это не взрыв авиабомбы. Но вот в остальном – разрушений хватало в избытке. Американский президентский Боинг так и лежал на боку, сильно обгоревший, возле него стояли бронетранспортеры внутренних войск и Уралы. Хватало и техники. Жутким обелиском трагедии стояло здание аэропорта – огонь добрался и до него тоже. На бывших газонах, разделяющих рулежные дорожки – жуткое месиво из горелой техники. В стороне – огромная, темно-зеленая, страшная, чужеродная туша американского транспортного самолета – до него никак не могли добраться техники, вроде как он был цел – но лететь без проверки даже до рядом расположенной Турции – американцы не решались. Казалось, что началась Третья мировая война, точнее – началась и уже закончилась и осталось только разобрать развалины...

Их Ил-76 загнали на одну из стоянок, расположенных рядом с местом взрыва, начали разгружать. Попов, сходя с самолета понял, что что-то не так, ковырнул бетон носком. Бетон поддался – аэродромные бетонные плиты, выдерживавшие вес самолетов – не выдержали адского пламени взрыва...

С Лепицким они попрощались сухо, почти официально. Тот разговор... не разговор даже, а простое, сорвавшееся с губ замечание – сильно разделило их, развело по разные стороны баррикад. У каждого было свое понятие о допустимом, и каждый сделал свои выводы по одной вскользь оброненной фразе.

Неподалеку – стояла шикарная для Кавказа белая Волга и РАФик с обычными гражданскими номерами. Попов, и с ним еще несколько человек потянулись к ним, из Волги навстречу вышли двое. Один явно местный, аккуратно подстриженные усы, чернявый, второй – немного постарше, коренастый, неприметный, похожий на тракториста...

- Товарищи...
- Товарищ Попов?
- Да.
- Дементьев – представился «тракторист» – это Абаян. Прошу в машину.

Армянин хотел подхватить вещи – Попов не дал, улыбкой смягчив отказ. Он никогда не терял ничего свое из вида, всегда помня, что на его должности бдительным нужно быть двадцать четыре часа в сутки, им против него – могут работать свои же. Те, кто учился у тех же учителей, что и он сам.

В машине – Попов положил сумку под ноги. Волга как поднятая гоном лиса – рванула к зданию аэропорта...

- Кошмар! – сказал Попов, кивая на закопченное здание аэропорта...
- Ужас, товарищ полковник, ужас... – сказал темпераментно Абаян – как у людей рука поднялась, эх... не люди – звери. Сколько людей погибло, мало что ли. Эх...

Одна тысяча пятьсот пятьдесят семь. Жуткий счет трагедии...

- Вы где учились? – спросил Попов, желая развеять немного напряженную атмосферу.
- Государственный инженерный институт, прикладная математика... – с гордостью сказал, обернувшись армянин, увидев лицо русского начальника поспешно сказал – я давно

рапорт на переобучение, не подписывают! Говорят – сейчас не время. Я по комсомольской путевке в органах.

Комсомолец, б... Вот такие комсомольцы – и просрали все на свете. Господи, хоть бы с юридическим брали...

– Я Минскую⁴³ оканчивал – сказал Дементьев, не ожидая вопроса.

– Работаете с Цадиковым?

– Так точно.

Генерал-лейтенант Цадиков Борис Васильевич – был старшим на сегодняшний день в ереванской оперативной группе, занимающейся поиском террористов.

– Кто еще здесь?

– Пащук. Соколов.

В следующее мгновение – по машине словно камнем ударили, Попов раздраженно обернулся в эту сторону, полагая, что камень из-под колес встречной машины вылетел и по стеклу ударил. Но вместо этого – он с ужасом увидел дырку в стекле с расходящейся от нее паутиной трещин и отражение лица Абаяна в лобовом стекле машины...

– Гони! – заорал на водилу Попов – жми!

Волга прыгнула вперед, взревев клаксоном.

– Аптечку. Живо!

* * *

Больница пахла как и все больницы – дезинфицирующим средством, лекарствами, спиртом и бедой. Оглушенный, растерянный несмотря на весь свой опыт – Попов сидел перед операционной, в накинутом на плечи халате, и думал, как дальше быть...

Встретили, называется...

Он не смотрел на часы – просто сидел и сидел, хотя уже стемнело. Только когда резко вскочил Дементьев – он поднял голову и увидел идущего по коридору Бориса Васильевича Цадикова в своих неизменных очках в золотой оправе и с чеховской бородкой, делающей его похожим на консерваторского педагога или профессора филологии. Вместе с ним был полковник Соколов из пятого управления – серьезный профессионал, занимающийся не антисоветчиками – а подрывной работой высшего уровня, на уровне Радио Свобода. Их сопровождали двое профессионально неприметных товарищей с одинаковыми кейсами. В каждом из таких кейсов скрывался автомат АКС-74У со снятым пламегасителем.

– Как? – спросил Цадиков.

– Состояние тяжелое, товарищ генерал – отрапортовал Дементьев – идет операция...

Цадиков взглянул на закрытую дверь, над которой горел транспарант «не входить, идет операция».

– Оставайтесь здесь. Соколов, останетесь с ним, потом доложите.

– Есть.

Вместе – они вышли к новенькой, с квадрантными фарами «двадцать четвертой» Волге. Попов невольно скользнул взглядом по крышам, хотя стемнело уже и ничего не было видно.

– Не бойся – заметил Цадиков – уже встретили. Садись назад...

Телохранители – сели впереди, один за руль, другой рядом Волга тронулась с места.

– Откуда сорвали?

– Мазари Шариф. Телятников ушел за кордон.

– С-сука...

⁴³ Минская высшая школа КГБ, считалась лучшей в стране.

Слышать такие выражения от интеллигентного, читающего Теодора Драйзера в подлиннике Цадикова было странно. Но видимо все озлобилось. Попов замечал это... еще лет пять назад такого точно не было. А сейчас – было. Самые простые вещи – делались либо «на, отъ...сь», либо с какой-то непонятной злобой. Было такое выражение среди трудового народа – фига-чить. Вот и фигачили. В разговорах – тоже проскакивала какая-то непонятная злоба, срывались по любому поводу. И Цадиков – был не исключением...

– Возьмут, думаю...

– Это как водится.

Цадиков помолчал. Машина мчалась по ночному Еревану.

– Заселишься рядом со мной в Интурист. Держи глаза на затылке...

Волга выскочила на эчмиадзинскую дорогу.

– Что это было? – спросил Попов.

– А сам как думаешь?

– Покушение?

– Да нет... не покушение. Встретили тебя. Намекнули с порога, скажем так. Здесь гостей любят. Но намекают – с порога...

Цадиков и Попов знали друг друга с начала восьмидесятых, когда они работали по делу, связанному с разгромом Мосторга. Дело курировал лично Андропов. С тех пор – они поняли уровень друг друга и уважали друг друга – как человека и как профессионала.

– А Абаяна то за что?

– А ни за что. На пути попался. Люди здесь в счет не идут...

Цадиков приоткрыл окно. Ночная чернота, едва разбавленная редкими городскими огнями – рвалась в салон.

– Завтра все сам увидишь. Тебя не к моей группе прикомандировали, как работать решаешь сам. Чем смогу – помогу. И помни одно – своих здесь нет!

Своих здесь нет...

– Борис Васильевич. Для прикрытия – поработаю с вами. Обстановку совсем не знаю, что к чему...

– Подставляешь ты меня. Местные съедят. Ну да ладно...

Волга свернула к Интуристу.

* * *

На следующий день – Попов проснулся с больной головой. Заснул поздно и спал плохо. Хотя номер был уютный, хороший. Ему как полковнику полагался одиночный, но номеров не хватало – все забито корреспондентами. В итоге – в номере стояла еще и раскладушка, но с кем он должен жить – так и не понял, другой жилец не появился...

Спустившись и позавтракав в ресторане – цены конские, готовили плохо, как впрочем почти везде в Интуристах – поехали в местный УКГБ.

По пути – проехали какую-то площадь. Попова поразило то, что на ней – люди причем довольно много, несколько тысяч человек. Для такого города как Ереван и для рабочего дня – это очень много. Люди стояли кучно и явно не просто так.

– Что тут происходит? – спросил Попов.

– Митинг.

– Митинг.

– Солидарности с Карабахом. Требуют передачи Карабаха Армении.

Мелькнул плакат – кулак, и русскими буквами – КРУНК. Застрявший в Средней Азии Попов и думать не думал, насколько все это серьезно.

– Рабочий же день.

- Им плевать. Задерживали. Проверяем – работник ТТУ⁴⁴. Нагрянули на работу – смена стоит. Еду им подвозят как бригаде в поле – несмотря на то, что в магазинах много чего нет.
- Чего не разгонит никто?
- Этих разгонишь – завтра сотня тысяч соберется...

* * *

Здание УКГБ по Армянской ССР располагалось на узкой, очень крутой улице и сильно походило на обычный жилой дом – пятиэтажку. Судя по размерам управления – про безопасность здесь особо не думали, в некоторых областях РСФСР – здания областных управлений больше раза в два. А тут граница и не простая, а горная, да еще со страной членом НАТО. Но есть как есть...

В самом здании – они наткнулись на невиданное дело – пулемет. Самый настоящий, от его вида Попов аж споткнулся. Пулемет было видно за кирпичной стеночкой, который для его маскировки возводили. Наверное, и плакат повесят. Но пулемет есть пулемет...

Молча следуя за Цадиковым – он поднялся наверх. Зашли в небольшое помещение, в котором был стол, стулья, черная, школьная доска. Там уже собрались сотрудники.

– Товарищи, полковник Попов Владимир Степанович. Работает по второй линии...

Первым – поднялся один из офицеров, сидящий во главе стола. Пожилой, статный, с профессиональной усталостью в глазах.

– Гаригян Аслан Арутович. Как встретили... ах, да...

Попов понял, что это и есть председатель Армянского УКГБ. Точнее и.о. – на коллегии пока не утвердили.

Как было положено – обошел всех по очереди, пожал руку. Тихим голосом представлялись друг другу, смотрели в глаза. Никто не избегал... но на то они и профессионалы. А какой камень каждый за пазухой держит – поди, знай. Врать то всех – в одном месте учили.

– Как товарищ Абаян? – спросил председатель.

– Опасность для жизни миновала, товарищ председатель – доложил присутствующий тут Соколов – врачи гарантируют, что через месяц, максимум полтора он сможет приступить к работе. Семья уже у него.

– У нас может не быть полутора месяцев – сказал Цадиков – каждый человек на счету.

– Кто занимался этим делом, доложите...

Встал невысокий армянин, доложил. Стреляли из карабина с оптическим прицелом, предположительно Лось-7. Был только один выстрел, гильзы не нашли. Милицией устанавливаются владельцы всех карабинов, проживающие в республике Армения, но не факт, что это что-то даст. Республика маленькая, могли прийти и оттуда...

Что в таких случаях понимается под словом «оттуда» – Попов не сразу понял, объяснили уже потом. Оттуда – это значит, с территории Азербайджана. Несмотря на то, что это были две союзные республики, соседские республики – органы милиции и КГБ считали долгом заволочить просьбу соседа.

– Неплохой выстрел – задумчиво сказал председатель – сколько там было...

– Около трехсот пятидесяти метров.

– Триста пятьдесят метров по движущейся машине, и попал...

– Промахнулся же, товарищ председатель...

И докладчик и все присутствующие неловко замолкли – понятно, что было сказано на самом деле.

⁴⁴ Трамвайно-троллейбусного управления.

– Все в порядке – сказал Попов – я знаю, что целили в меня. В меня уже стреляли в Афганистане. Но я жив. Все нормально.

– Мы приставим к вам охрану, товарищ Попов.

– Не надо охраны. А вот пистолет был бы не лишним...

Требование по любым меркам было наглостью – чужой сотрудник требует выдать пистолет. Отвечать то – тому кто выдал, верно? Но тут – не тот уровень, чтобы отказывать, чай не прапорщик просит. Да и случай – резонансный, покушение на сотрудника Особой Инспекции КГБ СССР. Тут если что и с пасет, так это то что только что дела принял.

– Напишите рапорт. Я подпишу.

– Есть.

– Так, к делу...

Пошли доклады. Дело было одно – взрыв в аэропорту Звартноц, как будто других дел для оперативки не было вообще. Попов внимательно слушал.

Как и положено – отрабатывали несколько версий. Конкретно – уголовный след, террористы националистического толка, террористы религиозного толка, провокация иностранных спецслужб с целью обострения обстановки и возможного разжигания войны СССР и США, случайный взрыв бензовоза по техническим причинам или неумышленным действиям водителя, взрыв вследствие выстрелов охраны КГБ или даже американской охраны по случайно приблизившемуся бензовозу. На каждой версии были брошены специалисты именно по этому направлению, так первая линия проверяла версию любого рода провокации, вторая линия отрабатывала уголовный след, пятая – националистов и сектантов. Судя по докладам проверялось все, вплоть до версии о провокации людей, которым не дали вылететь за границу, хотя уж это то было полным бредом.

Попов сильно удивился, поняв, что основной в расследовании является уголовная версия. В республике было неспокойно, постоянно митинговали какие-то националисты, требовали своего люди из Нагорного Карабаха – организация Крунк. Он бы больше поверил, если бы рассматривали версию о подрыве самолета азербайджанцами, чтобы насолить армянам – маловероятно, но мотив есть мотив. Но тут – на первое место вышла именно уголовная версия и на ее отработку брошено едва ли не столько сил, сколько на все остальные версии вместе взятые. Он знал, что в Средней Азии например, уголовники приобрели опасный вес благодаря поставкам армейского оружия и наркотиков из ДРА. Но Армения...

Судя по тому, как строился доклад – Армения представляла собой настоящий криминальный заповедник. В республике с несколькими миллионами населения было сорок два человека с криминальным титулом «Вор в законе», из них семнадцать – все еще продолжали оставаться на свободе. Главным среди них считался Карпет, уроженец высокогорного села, в тринадцать лет ударивший сверстника ножом в живот и тем самым открывший свою криминальную биографию. На сегодняшний день его стаж составлял шестьдесят два года⁴⁵.

Исходя из того, что докладывалось – Попов не очень то понял, а за что собственно разыскивают Карпета и почему именно он – стал главным подозреваемым в этом деле. Нет то что он вор это понятно. Но как это связано с террористическим актом?

– Разрешите? – он поднял руку.

– Слушаем.

– Какие конкретно есть доказательства причастности Карапетяна к террористическому акту?

Сотрудники странно переглянулись.

⁴⁵ Это не значит, что Карпет глубокий старик. Просто в стаж засчитываются неотбытые части наказания, условные наказания и все прочее. Хотя вору в законе запахло откидываться до срока – на Кавказе это не слишком строго соблюдалось.

– Вообще то, это всем известно, товарищ Попов. Карпет связан с националистическим подпольем, он является основным в приграничной зоне, отвечает за контрабанду с той стороны границы. В Турции у него много сообщников, которые переправляют ему дефицитные наименования ширпотреба.

– Ну и что? Как это связано с терроризмом?

– Карпет – сотрудник принялся разяснять ему как маленькому – больше всех заинтересован в дестабилизации обстановки в республике. У него не только контрабанда через границу, он еще организовал незаконное производство чачи в НКАО, отправляет ее по всей стране. Его племянник – играет важную роль в антисоветской оппозиции.

– И что? – допытывался Попов – как это относится к террору?

– Есть агентурные сообщения, что именно Карпету заказали акцию...

– Я могу их посмотреть?

– Да, конечно...

– Товарищ Попов – сказал Гаригян – вопрос даже не в агентурных сообщениях. Карпет – больше чем кто бы то ни было заинтересован в обострении обстановки. Мы считаем – у нас есть серьезные основания так считать – что Карпет уже давно является агентом иностранной разведки. Есть сообщения я о том, что он пошел на путь измены для того, чтобы свободно менять рубли на свободно конвертируемую валюту. Турция – как никто другой заинтересован в том, чтобы столкнуть нас с главным противником. А кроме как через Карпета – такую акцию у нас не проверить. Остальные побоятся.

– Карпет считается «ломом подпоясанным». Он даже в Белом Лебеде⁴⁶ подбивал заключенных на бунт.

Председатель недовольно посмотрел на сотрудника – и тот умолк.

– Спасибо, я все понял – сказал Попов...

* * *

После утреннего оперативного совещания – Попов написал рапорт на имя Гаригяна – и через час одышливый прапорщик поднял ему пистолет. Обычный Макаров, две обоймы, шестнадцать патронов. Он расписался.

Спустившись в архив – он заказал несколько дел для изучения, и все время до обеда посвятил именно им. Никто из фигурантов ему не был интересен, ему надо было просто кое-что сделать. Пустит пыль в глаза, запутать, сделать вид. Дела – это громоотвод, пусть займутся им...

⁴⁶ Белый лебедь – спецтюрьма исключительно для воров в законе и их приближенных. Ломом подпоясанный – беспредельщик.

Вашингтон, округ Колумбия. Гольф-клуб. 15 августа 1988 года

Как связаться с заинтересованным лицом в другой стране, чтобы оговорить варианты сотрудничества и обменяться информацией? Зависит от обстановки в стране, конечно – но вариантов два. Первый – направить человека, второй – использовать местную сеть. Проблема была в том, что ЦРУ США не могло использовать ни один из этих каналов. Оба считались скомпрометированными.

Олдридж Эймс, суперкрот в ЦРУ, один из самых опасных предателей за всю американскую историю – полностью сдал всю агентурную сеть в странах СССР и восточного блока, теперь это уже было понятно. Уйти удалось только тем, кто был за границей, и, получив сигнал о возвращении, вовремя купил билет на самолет в первую же цивилизованную страну. Судьба остальных была неизвестна, но очевидно страшна. Неизвестна была и судьба самого Эймса. Кто-то в Лэнгли считал, что он погиб в страшной перестрелке на советско-финской границе, унесшей жизни двадцати американцев, кто-то считал, что он жив и находится у русских. Но специальному помощнику директора ЦРУ Гасу Авратакису было ясно как божий день – использовать хоть какие-то ранее протоптанные тропки – означало обречь армянскую сеть на уничтожение. В СССР было, что прощали – но там никогда не прощали предательства. Судьба предателей была одна – пуля в затылок, в то время как в США за измену максимальным наказанием было пожизненное заключение⁴⁷.

Авратакис думал недолго – его преимуществом было то, что он был компанейским человеком и не гнушался никакими знакомствами. Он так же оказывал людям возможную помощь... не потому что бы таким уж добрым. Просто если ты оказывал кому-то помощь – то вправе был рассчитывать на ответную любезность. И черт знает, когда и в каких обстоятельствах она потребуется...

Сидя в своем служебном Понтиаке – Гас Авратакис набрал по памяти номер. У него была хорошая память, хотя этот номер он не набирал с рождества. Тогда он поздравил кое-кого... простая вежливость...

– Британское посольство, чем я могу вам помочь, сэр? – раздался в трубке приятный женский голос.

– Филиппа Айри, атташе по культуре, будьте добры...

– Одну минутку, сэр, сейчас я посмотрю, на месте ли мистер Айри...

Филипп Айри был резидентом МИ-6 в Вашингтоне, на это место его послали в качестве почетной ссылки, чтобы тот мог выслужить полную государственную пенсию. До этого – Филипп Айри работал в Инспекции по Среднему Востоку и занимался проблемами помощи афганским моджахедам и противодействием коммунистическому вторжению в Афганистан. К мятежу афганского президента Наджибуллы британская разведка оказалась совершенно не готова, а после того, как русские сбросили на Пакистан две атомные бомбы – работы у Филиппа Айри не стало. Он вряд ли был в чем-то виноват, но в таких ситуациях всегда должен быть виновник – и виновником стал он. Три месяца он сидел без содержания, пока шло служебное расследование, потом друзья пробили ему необременительную должность атташе по культуре в Вашингтоне. Наверное, не в последнюю очередь выбор британцев определялся знакомством Айри с ним, с Гасом Авратакисом. Британская разведка считала, что в этом регионе не все еще кончено, и хотя сама не хотела ничего предпринимать – но все-таки в Лондоне хотели быть готовыми, когда герольды затрубят в трубы...

⁴⁷ Изменения в уголовное законодательство, предусматривающие смертную казнь за государственную измену в США были внесены в начале девяностых.

– Сэр, спасибо за ожидание, мистер Айри на месте. Я вас соединяю...

Почему-то от британской вежливости – у Авратакиса начинали болеть зубы.

– Да, кто это? – раздался голос Айри.

– Эй, если ты так будешь отвечать, люди подумают, что ты никакой не атташе по культуре, нахрен...

– Боже мой... Гас...

– Собственной персоной. Как начет пообедать?

– Извини, уже. Но я собираюсь пройти пару лунок в Анакостии, не составишь компанию?

– Эй, ты же знаешь, что я профан во всех ваших аристократических забавах. Если я врежу клюшкой по мячу – боюсь, кто-нибудь пострадает.

В других местах – можно было бы встретиться в каком-нибудь ресторане, но не здесь. Положение атташе по культуре в британском посольстве в Вашингтоне было очень шатким. С одной стороны – особые отношения между метрополией и бывшей колонией начисто исключали все обычные формы шпионажа, как в Вашингтоне, так и в Лондоне. С другой стороны, начальство ставило планы, и их надо было выполнять. Для Авратакиса такая встреча тоже была чревата – он был «на виду», скажем так из-за провала в Афганистане и враги готовы были использовать против него любую оплошность. Все те, кого он когда-либо оскорбил, в том числе заместитель директора ЦРУ по операциям жаждали его крови...

– Все равно, приезжай. Хотя бы поучишься.

– Через полчаса. Хорошо?

– Годится, до встречи...

Авратакис посмотрел на густеющий на глазах поток машин впереди, на мигание стоп-сигналов и решил, что с получасом он возможно и поторопился...

* * *

– Ха-ха-ха...

– Помнишь, что ты тогда сказал?

– Ага...

– У меня есть знакомый агент по недвижимости, который подыщет вам достойную квартиру в Бельгравии, и если у вас найдется время... я бы хотел познакомить вас с моим портным.

– Ага... А помнишь, что я ответил.

– Еще бы. Ты сделал рожу, такую, что Миниц чуть в штаны не наложил, и сказал в техасском стиле: эй, парни, я сюда дела приехал делать, а не перебирать свой чертов гардероб, ясно!

– Кстати, как он?

– Миниц? Старик на пенсии.

– Тот еще фрукт...

– Да... Он еще помнит, как забрасывали группы на континент⁴⁸.

– Афганистан?

– Он самый. Крепко тогда всем влетело. Тебе, как я понимаю, тоже?

– Меня не так просто вышибить из седла...

– Твое здоровье...

Двое игроков, сидящих в шикарном ресторане, работающем при Вашингтонском гольф-клубе, расположенном в районе Анакостии – отсалютовали друг другу бокалами. Совсем рядом – неспешно тащил свои воды к Атлантике Потомак.

– И все-таки мы хорошее дело сделали тогда.

– Пока русские все не изгадили.

⁴⁸ Намек на Вторую мировую войну.

– Поверь, все еще перевернется! – уверенно сказал Авратакис – и русские за все заплатят. У них в стране – несколько десятков миллионов мусульман. Они уничтожили Пакистан – но поверь, лет через десять они получают Пакистан в своей собственной стране, вот увидишь...

– Ты о чем-то конкретном? – как бы вскользь спросил Айри, переходя к делам.

– Не совсем... – Авратакис улыбкой смягчил отказ.

Айри был должен и знал об этом. Долг касался афганских дел, которые были в прошлом, но это ничего не меняло, долг есть долг. В свое время, в Лондоне – Авратакис удивился двум вещам. Первая – как же британская разведка бедна деньгами и второе – как она богата агентами. Пока придурки на седьмом этаже вкладывали миллиарды в космос – британцы работали с людьми. Если сейчас в Пакистане американцы выглядели глупыми ковбоями, которых сам Аллах велел обжулить – то британцы пожинали плоды своей дальновидности. В тех местах были семьи, где осведомительство передавалось от отца к сыну – дед, отец, сын – поочередно становились агентами британской разведки. Пакистан был одним из тех мест, откуда британцы уходили последними, последний аутист рушащейся на глазах империи. И уйдя, британцы оставались – военные и политические лидеры отдавали своих детей в британские школы и военные училища, нанимали английских нянь... по сравнению с британцами, американцы выглядели непослушными и трудными подростками с большой битой. Все, что было у американцев и не было у британцев – это были деньги.

Солнце садилось, играя оранжево-красными бликами на воде.

– У меня есть вопрос, Филипп. Как начет национализма. Национализма в СССР.

– А что такое с национализмом? – сделал непонимающее лицо Айри – я знаю не больше тебя.

– Да неужели. Как насчет плана Лиотей? Или ты думаешь – в Лондоне я учился правильно подбирать галстуки к костюму?

На лице Айри отразился испуг.

Лиотей...

Программа Лиотей была разработана британской разведкой в начале пятидесятых и была рассчитана на период до две тысячи пятидесятого года. Названа она была в честь наполеоновского маршала Лиоте и одной истории, с ним приключившейся. Как то раз в Африке, осматривая дом, который квартирьеры присмотрели под резиденцию, он заметил, что солнце сильно печет, и приказал высадить деревья. Сопровождающие его офицеры с удивлением заметили, что деревья дадут тень самое раннее через двадцать пять лет. Именно поэтому – сказал маршал – начните работы прямо сейчас, не медля. В его честь был назван долговременный план действий британской разведки, увидеть результаты которого – было суждено лишь внукам тех, кто стоял у его истоков. Конечным итогом плана Лиотей должно было стать уничтожение СССР как государство, распад его не менее чем на тридцать – сорок лимитрофных государств и уничтожение русских как народа, поддерживающего государственность в этой части света⁴⁹. В преамбуле плана констатировалось, что существование русских как народа, способного принять лидерство в третьем мире – является постоянной угрозой для всего цивилизованного мира. Авратакис завидовал англичанам – несмотря на то, что они были бедны как церковные мыши – их разведка давала результат как раз благодаря таким вот долгосрочным программам, запущенным в действие еще отцами и дедами. Директор МИ-6 всегда назначался из числа проверенных людей, кадровых разведчиков – настоящий, естественно, а не тот о котором объявляют. Этим они отличались от ЦРУ, которым то и дело назначали командовать какого-нибудь адмирала предпенсионного возраста, с его бредовыми идеями, что полевые агенты больше не

⁴⁹ Официально – план Лиотей прекратил свое действие с крушением СССР, документы по нему обнародованы. На самом же деле – план продолжает действовать, просто начался новый его этап. Создатели плана Лиотей были гениальными разведчиками, но они не предвидели одного: нельзя разносить чуму и не подхватить ее самому.

нужны, хватит с спутников. Ну вот, кстати... мечта сбылась. У него нет ни одного полевого агента в Москве, и он вынужден одалживаться у британцев твою мать!

– Эта не та тема, которую стоит обсуждать – сказа, наконец, Айри.

– Да неужели? – давил Авратакис.

– Высшая степень секретности. Долговременный план, я не могу знать всего.

– Хорошо, чем занимался лично ты? Я знаю, ты этим занимался.

– Ладно... – сдался Айри – кое-что я могу тебе рассказать. Что ты знаешь про украинцев?

Представления об украинцах – у Авратакиса были смутные. Он полагал, это кто-то вроде балканцев... а США их было немного.

– Понятия не имею. Что-то вроде балканцев?

Айри усмехнулся.

– Промах, дружище. Это самая большая нация в СССР после русских. Семьдесят миллионов человек – при том, что самих русских – около ста тридцати⁵⁰.

– И что?

– А то, что они не русские. И становиться русскими не хотят. У них был герой. Степан Бандера. Он воевал с гитлеровской Германией, когда Вермахт оккупировал Украину, а когда на Украину ворвались большевики – сражался и с ними. Мы имеем данные о продолжении сопротивления до начала шестидесятых годов. Все это началось еще давно, в начале двадцатого века, когда Украина отделилась от Российской Империи и пыталась создать демократическое правительство, а большевики потопили восстание в крови.

– И что? – продолжал допытываться Авратакис – там идет сопротивление?

Эйри сделал неопределенный жест рукой.

– Не то чтобы сопротивление. Но у нас есть информация о малочисленных независимых группах, нападающих на коммунистические органы власти. Войска КГБ сражаются с ними, сам понимаешь. У нас есть хороший актив в Канаде, в основном боевые ребята, прошедшие вторую мировую войну. Их несколько сот тысяч и они серьезная сила...

Авратакис откинулся на спинку стула.

– Чушь!

– Почему.

– По нескольким причинам. Первое. Если бы там было сопротивление – мы бы об этом знали. Понимаешь – не догадывались, а точно знали. В конце концов, мы разведка...

– Это Советский Союз... – обиженно начал Эйри.

– И у нас есть достаточно возможностей, чтобы отследить хотя бы резонансные преступления. Брось Фил, ты же видишь, что творится в Белфасте, в Дери. Если бы это самое было у русских – мы бы это знали. Но этого нет. И знаешь почему? Украинцы слишком большой народ для того, чтобы действовать подобным образом. Их слишком много – а потому социальные связи между ними ослаблены. Вы делаете выводы по кучке фашистских ветеранов, которые где-нибудь в Монреале сидят в баре, пьют пиво и вспоминают, как они вломили этим красным. Причем девять из десяти историй – брехня полная. Ты стегаешь дохлую лошадь, мой друг.

Эйри с обиженным лицом покачал головой.

– Ты со мной встретился, чтобы высказать это?

– Не совсем. Чтобы предложить дело. Что ты знаешь о русском Кавказе?

Перед тем, как идти на встречу – Авратакис кое-что прочитал, а так же позвонил одному профессору, изучающему малочисленные советские этносы. Информации было мало, она была отрывочной – но она вызывала интерес.

⁵⁰ Данные искаженные. Но британская разведка имела такие данные и делала на них ставку. Не просто так родилась идея Великой Украины со столицей в Киеве и северной границей на Урале.

– Гористое место, там проживают многочисленные народности, не до конца ассимилированные русскими. В принципе все.

– Промых! – с торжествующим видом объявил Авратакис – посмотри сюда!

Он достал из кармана сложенный лист бумаги и бросил на стол.

– Что это?

– Список народностей и национальностей этого региона.

Эйри водрузил на нос очки.

– ... Аварцы, азербайджанцы...

– Список я уверен неполный. Но самое главное – у них есть то, что нет в этих самых твоих украинцах...

– Желание драться?

– Именно, мой друг, именно. Большинство из них мусульмане. Грузины в одно то же время с твоими украинцами пытались создать свое государство – но большевики утопили его в крови. Сталин уничтожал здесь не отдельных людей – он вырезал целые народы. Вот где нам надо закинуть удочку. А не на твоей Украине.

Айри хмыкнул.

– Есть что-то конкретное?

– А если и так? Мне нужна помощь.

– В чем?

– Опорная точка в Москве.

Айри с философским видом пожал плечами.

– Поверить не могу, что у ЦРУ нет своей. Вообще то, у нас там остались еще агенты...

Авратакис побагровел от злости. Туше.

Грязная история с Эймсом стала для американской разведки подобно удару молотком в темном переулке. Ни одна разведка, в которой становится возможным, чтобы один человек сдал ВСЮ агентурную сеть – продолжать свое существование не может. Можно обрубить финансирование, лишить доступа к спутникам – разведка сможет существовать. Но без агентов – разведка мертва.

В свое время – американцы снисходительно усмехались на англичан, которые терпели один провал за другим. Одна Кембриджская пятерка чего стоила – а ведь были и другие. На фоне всего этого – американцам довольно долго удавалось сохранять свои ряды в чистоте, прежде всего за счет параноидального шефа контрразведки Джеймса Джизаса Энглтона, который считал, что ради поимки одного виновного можно уволить не десять – тысячу невиновных. Советский отдел, где Энглтон лютвал особенно страшно – был парализован на протяжении полутора десятилетий. И только когда удалось создать нормальную сеть, во главе с подлинным бриллиантом, генералом ГРУ Дмитрием Поляковым – Эймс все испортил, а британцы получили возможность сполна отквитаться за унижение.

Но Авратакис был не из тех, кому можно было безнаказанно плюнуть в лицо. Он и сам мог плюнуть в лицо кому угодно.

– Послушай, Фил – сказал он – у меня есть дело. Если хочешь – будь в доле. Если нет – можешь стегать дохлую украинскую лошадь дальше. О'кей?

– Ладно, ты прав... – с кислой миной согласился Эйри – что надо?

– Я же сказал...

– Хм... Тебе надо встретиться с людьми, находящимися на нелегальном положении?

– Отнюдь. Я могу сказать даже, что это относительно известные люди.

– Как насчет журналиста?

– Вполне. Только – это должен быть не твой журналист, о'кей?

– Ладно, найдем фрилансера, это не проблема. Что мы получим взамен?

Авратакис улыбнулся.

– Я и сам не знаю, что я получу. Но вся наша работа такая – закидывать удочки и смотреть, что клюнет.

Еще примерно полчаса – разведчики оговаривали детали предстоящей операции. Закончили уже потемну, оказавшись последними посетителями ресторана при вашингтонском гольф-клубе...

СССР, Ереван. 12 сентября 1988 года

Комитет государственной безопасности СССР
Секретно
Москва, Свиридову⁵¹

СПЕЦДОНЕСЕНИЕ

Докладываю, что вчера, 17 августа 1980 года в аэропорту Звартноц состоялась встреча представителей партхозактива, криминальных авторитетов и националистических элементов Армянской ССР. Во время этой встречи было принято решение добиваться большей автономии для Армянской ССР в составе Союза, выделения дополнительных фондов, а также передачи в состав Армении части территорий Грузинской и Азербайджанской ССР, населенных преимущественно армянами. Кроме того, было принято решение о создании в Армянской ССР местного отделения партии Дашнакцутюн и ее боевого крыла Дро с целью дестабилизации обстановки в Армянской ССР и в последующем – захвата власти.

Расшифровку материалов аудиоконтроля встречи на сорока девяти листах направляю спецкурьером.

Бажанов.

Перед зданием республиканского ЦК – истерили митингующие. Руки со сжатым кулаком – вздымались волной в ответ на очередной выкрик оратора. Был установлен свободный микрофон – и каждый мог высказаться, таким образом, обеспечивался постоянный интерес населения к митингу. Очевидно, что власть, в лице и.о. первого секретаря армянской компартии Сурена Арутюняна и митингующие возглавляемые местными националистами во главе с доктором филологических наук Леоном Тер-Петросяном решили просто брать друг друга на измор. Десантники держали под контролем основные городские объекты, транспорт был парализован забастовкой, некоторые предприятия народного хозяйства тоже не работали или работали по принципу «итальянской забастовки⁵²» и складывалось ощущение, что это уже не совсем советская республика. Или совсем не советская республика. Во всяком случае – отчуждение народа от власти уже явно чувствовалось.

В этот день, по одной из улиц города, по которой можно было скорее карабкаться, чем подниматься – неторопливо шел человек. Было видно, что передвижение по таким улицам для него было делом непривычным, и он каждый раз думает над тем, как поставить ногу. По противоположной стороне улицы, метрах в тридцати от него – шел молодой человек в ветровке – и он был не единственным, чей маршрут движения сегодня подозрительно совпадал с маршрутом ереванского гостя...

У магазина Соки-Воды, где продавали конечно же, вино – человек задержался. Из автомата выпил газировки – удивительно, но в Ереване в автоматах были стаканы. Шумно отдыхался – было довольно жарко, поставил стакан на место. И вдруг – полушагом – полубегом направился в магазин...

Молодой человек в ветровке побежал следом, похожая на гуляющую студентку дама резко развернулась.

⁵¹ У Ю.В. Андропова было два псевдонима: цифровой (сто семнадцатый) и обычную фамилию (Свиридов)

⁵² Работа делается, но очень медленно.

Внутри магазина было темно – экономили электроэнергию. Товаров практически не было, а посему продавщицы – все кроме одной русские – собрались в уголке погутарить. На покупателя они соизволили обратить внимание только тогда, когда он перемахнул через прилавков.

– Мужчина!

Темнота. Деревянные ящики для фруктов и стальные корзины – для соков – вод, молока и всего остального. Темный лаз прохода – быстрее.

Поворот. Открывающаяся дверь.

Он врезал по ней ногой и пробежал дальше.

Еще поворот. Дверь, через которую принимают товар. Благословенная щеколда – а то хоть стреляй...

Дворик. Какая-то гниль, старые ящики, грязь. Мусорные контейнеры в углу, гора мусора, вонь – не вывозят.

Крыса шарахнулась в сторону, едва не попав под ноги.

Ворота.

Шарахнул с разбегу, грохнул ботинками, тяжело сипя подтянулся. Костюм безнадежно испорчен – с этой стороны ворота никто и не думал красить – не на улицу.

Слава Богу, от Дивизии Дзержинского, где сметливого паренька приметил замполит – кое-что осталось – подтянулся.

Перевалился через забор. Грохнулся, прострелило болью колено.

Дзержинец гребаный!

Шарахнулся в проулок, обставленный старыми ереванскими домами. Только бы успеть!

* * *

Молодой человек в ветровке вбежал в магазин. Лихорадочно огляделся – пусто!

Бросился к завешенному кокетливой завесой из бамбуковых палочек ходу во внутренние помещения я магазина, в подсобки – где и был принят на грудь некоей Розой Ивановной, товароведоорм первого разряда.

– А ну, пошли отсюда! – со ста двадцатью килограммами веса Роза Ивановна легко справлялась с любым хулиганом – алкашня! Щас милицию!

Молодой человек выдернул из кармана удостоверение, махнул им. Из-за темноты – не было видно, что в нем написано.

– Куда побежал!?

– Туда! – побледнела Роза Ивановна. Магазин был в передовых – то есть воровали в пределах усушки – утруски, кормилицы. Но все равно – испытывали к органам понятный пиетет.

Молодой человек рванулся в темноту. На пути – запнулся об ящик, который кто-то хитрый на Бергу умудрился выставить или выпихнуть в проход. До крови разбил ладони, обо что-то порезался и порвал куртку.

Приехали...

С трудом поднявшись, выбрался обратно в торговый зал. Покупателей там было гораздо больше, чем минуту назад.

– Что? – тревожно сказала женщина – «студентка на прогулке».

– Ушел... бози тха⁵³...

Женщина достала из сумочки массивную рацию, выдвинула антенну. Под курткой – такую было не спрятать...

– Товарищ майор... пост девять... объект оторвался в районе...

⁵³ Сын проститутки (армянск)

- Давайте... перевяжем... – засутилась Роза Ивановна.
- Да пошла ты! – молодой человек плюнул и пошел на выход.

* * *

Полкилометра пробежал – предынфарктное состояние и летящие из всех дыр сопли. Сбил дыхание... времена Дивизии Дзержинского остались далеко в прошлом. Правила работы он знал – в одних школах учились. Сейчас начнут перекрывать квадраты, этот и соседние. Могут осмелиться дать ориентировку по городу через ГУВД... не указывая причины задержания. Могут осмелиться – потому что дать ориентировку на задержание полковника государственной безопасности из Особой инспекции КГБ СССР – само по себе если и не преступление, то действие требующее объяснений. Хотя если у них все вась-вась, милиция может и отбрехаться. Накатают заявление о грабеже, дадут в ориентировку похожие приметы – поди, докажи. Это в России милиция и КГБ на ножах, а здесь – в не совсем уже советской республике...

В тени дерева – достал платок, кое-как привел в порядок лицо, затем одежду – постарался убрать хотя бы самые вызывающие пятна. В таком виде – он и без ориентировки хорош, любой патруль попросит документы.

Ржавчину платком убрать проблематично, но что получилось – то получилось.

Сверился с указателем на боковом доме. Пришел – а точнее прибежал – правильно.

Глянул по улице. Люди, редкие машины – в основном машины стоят на приколе. Топливо по карточкам здесь, без проблем заправиться только государственным машинам и машинам «своих людей», для которых законы здесь не писаны. Остановлено автобусное сообщение райцентров в Ереваном – для того, чтобы люди не смогли добраться до Еревана и попасть на митинг, по этим же причинам до предела ограничена продажа бензина – хотя бензина хватает. Не совсем советская республика.

Шагнул во двор – как в холодную воду. В таком виде – глупо прикидываться кем-то, растрепанный мужик средних лет сам по себе бросается в глаза. В Минке, когда они на практических занятиях водили друг друга – ему было сложнее всего оторваться. Высокий, видно в толпе. Приходилось придумывать, работать головой – как и всегда.

Как и было условлено – пошел по правой стороне. Дома тут старые, еще времен Царя. Хорошие дома, тогда не приноровились воровать при стройке.

– Извините...

По-русски. В последнее время в Ереване было как то не приятно разговаривать по-русски.

– Да?

– Не поможете?

Мужик. Какая-то штука в большой коробке – наверное, телевизор.

– Конечно, помогу.

– Вот спасибо, дорогой...

Коробка оказалась неожиданно тяжелой. Внесли в подъезд.

– Извините...

Руки сзади – быстро и профессионально обыскали, в то время как его руки были заняты коробкой. Изъяли пистолет.

– После встречи вернем. Сюда.

Тяжелая коробка и руки занимает и оружие – можно блокировать ей как лестницу, так и входную дверь.

Прошли через какое-то помещение – вроде как дворницкая. Застарелый запах сигарет, точнее даже не сигарет, а махры, водки, блевоты. Пятна на обоях.

Еще одна дверь, на соседний проулок.

– Бежим быстро. Хорошо?

– Да.

Рванулись – как спринтеры – на сто метровке. Ввалились – в двери подъезжающих Жигулей. Он на заднее сидение. Сопровождающий на переднее.

– Пошел, пошел, пошел!

Машина резко скакнула с места, белая стрелка спидометра метнулась вправо... Водила явно был асом – в угрозыске других и не держат...

– Нормально, ара?

– Да – напряженный голос сопровождающего...

Вообще – Попов, как и полагается КГБшнику, ненавидел милицию. Ненависть эта складывалась из самых разных факторов, взять хотя бы то, что в КГБ у всех высшее образование, а менты – в основном от сохи. Манеры у ментов тоже оставляют желать лучшего. Но в отличие от многих других – Попов честно признавал, что хомуты лямку тянут, и не брезговал обращаться к ним. И помогать им – если будет в том необходимость. Потому что любые отношения строятся на двусторонней основе.

Этот мент был честным. Подтверждением этого было то, что при чистке системы его вышибли одним из первых – предоставленная сама себе система выбрасывает не лучших, а худших. Совсем его не вышибли – перевели на кадры в Ленинакан. Это при том, что воры в законе перед ним шапку ломали. Сейчас вернули...

В запыленных окнах – летели какие-то улицы. Серые, узкие, неуловимо опасные...

Проскочили центр. Выскочили на эчмиадзинскую дорогу. Полетели по ней...

– Здесь меня обстреляли – заметил Попов.

– Знаю, друг. Карпета работа... Поговорим еще...

* * *

Съехали с дороги на какую-то тропу. Тропа круто уходила в горы. Остановились – проехав километра три...

Двое – водитель и сопровождающий – вышли, не дожидаясь кивка. Кивнул и Попов.

– Выйдем?

Хозяин машины усмехнулся. Все правильно – в машине могло быть подслушивающее устройство. Не доверяй никому.

Вышли. Хозяин машины – крепкий, усатый, за пятьдесят – открыл багажник. Из сумки – авоськи достал два больших граната, кинул один Попову.

– Откуда такая роскошь?

– Э... друг, это у вас там ничего нет. У нас – все есть...

Попов начал неумело чистить гранат. Сок тек по рукам, терпкий и липкий.

– Э... не так. Дай-ка...

У армянина получилось гораздо лучше. Пальцы у него – были как стальные...

– Ты из КГБ?

Вместо ответа – Попов протянул удостоверение.

– Особая Инспекция... полковник... раньше на армейские деньги – генерал-лейтенант было...

– Застали те времена?

– Нет... Но другое застал.

Армянин бросил в рот горсть рубиновых зерен.

– В семьдесят седьмом у нас одного паразита разоблачили. Из ОБХСС. Двадцать тысяч ему доказали... хотя явно в несколько раз было больше. Думаешь, это ему было главным нака-

занием? Нет... Отец как узнал, ствол в рот – и застрелился. Этот... Арутом его звали – в автозаке головой о стенку долбился, говорил – умереть дайте...

Армянин вздохнул.

– Другие теперь времена. Другие...

– От нас зависит.

– Ошибается, друг. Ничего от нас не зависит. Ладно. Спрашивай.

– Что произошло в аэропорту?

– Хороший вопрос. Личность террориста установили?

Матерый УГРОшник проявил себя – такого не допросишь. Он сам кого хочешь допросит.

– Нет.

– Понятно. Но я примерно, знаю, кто это был.

– Кто?

– Гия. Гия Сантурия. Ему все равно деваться особо было некуда – инвалидность, с головой неладно. Уроды...

– Подробнее.

– Да куда уж подробнее. Брат у него перед ворами попал... все это знали. Ты гэбэ, не знаешь, что такое воры. А это параллельная власть. Никуда от нее не денешься. В общем – брат старший у Гии – Леон – попал на наркоте. Большую дачку... то есть передачу в зону заперол. А за это – пику в бок. Судил явно Карпет, без него не обошлось. Ему сказали – отработаешь за брата. Потому что даже если бы Леон на пику вспрыгнул, все равно долг бы на семье остался. А у Сантурии – трое младших еще. Два брата и сестра.

– Где он потерял ногу? Афганистан?

– Он самый. Я его по базе пробивал. Пропал без вести. Перед тем, как пропасть – навестил брата. В ИТК-14, в Новочеркасске. Позиции там у воров ой какие хорошие. Черная зона. И я уверен, что аудиоконтроль свиданки не велся.

– Карпет. Зачем ему это надо? Политику на себя вешать.

Армянин улыбнулся.

– Попробовал бы он на себя не повесить. Это не Россия дорогой. У вас – все сами по себе, а тут – нет. Сказано – надо делать. Наверное, он и сам не рад бы делать. Но приходится. А то – свои на пику поставят. Кто-то из своих.

– Кто? Дашнакцутюн?

– Знаешь, уже? Да, Дашнакцутюн. Они здесь уже не первый год, даже не первый десяток лет.

– Почему вы ничего не предпринимали!? Вы же коммунисты!

– Коммунисты...

Армянин показал на отошедших людей.

– Как думаешь, им можно доверять? Нет. Потому что они армяне. А не армяну – никто ничего не скажет. И не доверит. Думаешь, если бы кто чего сказал – поверили бы? Все молчали бы. Семью бы убили...

Попов неверяще смотрел на армянина.

– Тебе нас не понять, русский, потому что вы другие. Вы никогда не теряли большинство народа в резне. А мы теряли. Для нас любой армян – прежде всего армян. А потом уже коммунист, вор или кто там еще. У нас когда в суд идут – стараются, чтобы дело дали русскому судье. Иначе – правды не жди...

– Я хочу встретиться с Карпетом. Нам надо поговорить.

Армянин покачал головой.

– Как ты себе это представляешь? Для него как для вора встречаться с тобой – западло, ему потом свои по ушам дадут. То есть воровской короны лишат. Он же тебя убить хотел.

– Все равно. – упрямо набычился Попов.

– Дело твое. Я кину слово, посмотрим, что будет. Но учи – Карпет непрост. Человека, который его исполнить пытался в молодости – распяли на воротах собственного дома.

– Мое дело. Кто в КГБ связан с Дашнакцутюн?

– Это ты сам выясняй. Мое дело хомутовское.

– Хорошо, в МВД, прокуратуре?

Армянин назвал несколько фамилий. Попов запомнил.

– Доказательства.

– Это уж ты сам расстарайся. Я оперативную информацию даю – работай. Ты же следователь.

– Хорошо. Что происходит в Карабахе?

– В Карабахе... В Карабахе много чего происходит. Основная буза идет от комсомольцев и от кое-каких деловых. Азеры решили там власть поменять. Свою установить. И перехватить контроль над деньгами – а там их много, хотя бы потому, что при Меченом там чачу никогда не запрещали готовить. А там – много осело из тех, кто в Сумгаите пострадал. Та же самая республика, смекаешь? Так что добра не жди. Туда оружие начинает собираться... охотничье пока, но уже и винтовки с автоматами есть. И люди приезжают.

– Люди?

– Молодежь. С армянских общин по всей стране. Я уже говорил – мы один народ, русский. Один маленький народ...

– Имена?

Мент назвал. Попов запомнил.

– Еще чем можешь помочь?

– Советом. Не верь никому.

Попов нехорошо посмотрел на армянина.

– И тебе?

– И мне дорогой. Мне – тем более...

Все... ползло под пальцами как гнилая пряжа.

– Когда еще встречаемся.

– Через несколько дней. Я попробую узнать о Карпете, если ты так этого хочешь.

– Мне нужны имена людей, связанных с Дашнакцутюн.

– В твоём ведомстве плюнь – не ошибешься. Они по политике работали, не то, что мы – хомуты... Армен!

Время было возвращаться в город.

– У гостиницы тебя выкину. Будь осторожен, русский...

СССР, Ереван. 12 сентября 1988 года

«Побег» – имел свои последствия. На следующий день – к Попову в принудительном порядке, приказом – прикрепили молодого армянского КГБ-шника по фамилии Дохойан. Степан Дохойан. Отказаться Попов не мог – приказ председателя армянского УКГБ, которому тот был прикомандирован для оказания практической помощи...

Произошло это все следующим образом...

Прежде всего – ночью гостиницу обстреляли. Из автоматического оружия.

Попов даже не понял, что произошло – пули прошли ниже, попали не в его этаж. Просто – посреди ночи он проснулся от шума, от топота людей по коридору. Он снял с предохранителя пистолет – но выходить не стал. Потом – в дверь постучали.

– Кто?

– Слуту! С вами все в порядке?

Слуту, оперативник – молдаванин, один из лучших. Откомандирован молдавским УКГБ для оказания практической помощи. Попов спрятал пистолет, открыл дверь.

– Что происходит?

– А вы не слышали – глаза молдаванина возбужденно сверкали – с трассы дали очередь длинную по зданию.

– Без жертв?

– Без. Стекла побили. Не уснуть...

* * *

Утром – их ждало продолжение. В виде приказа, подписанного председателем Армянского УКГБ и нескольких прикомандированных молодых офицеров. Фактически охранников.

Цадиков вышел на связь с Центральным аппаратом – и вернулся мрачнее тучи. Приказ не подтвердили, просто приказали поддерживать рабочие отношения с армянскими коллегами. Среди оперативников КГБ были такие, кто помотался по загранкам – и они лучше других могли предположить, что это значит. Армянский КГБ явно тормозил следствие, отсекал все следы, ведущие к иным версиям, кроме основной, фактически – предопределял выводы следствия. А они, откомандированные специалисты – возможно, были уже не гостями, а заложниками...

Степан Дохойан – так звали офицера, прикомандированного к Попову. Попов загрузил его перебиранием никому не нужных папок, а потом – спросил, где в Ереване можно хорошо, и не по-общепитовски пообедать...

Нужное место нашлось на выезде из Еревана. С настоящим лавашом и тутовкой «как для брата». Отведать которую – конечно же было нельзя – работа.

Конечно же, Дохойан был подставлен. Вопрос – кем и для кого.

– Заказывай... – сказал Попов.

Для армянина – можно сказать, запрещенный прием. Армяне славятся своим гостеприимством, гордятся своей кухней, своей историей, своими горами. Гостя не отпустят голодным...

Армянин позвал официанта, начал что-то говорить по-армянски. Через пять минут – нас стол понесли, успевай только...

Настоящий шашлык. По сравнению с ним московский – все равно, что из собачатины сделан, а может быть – не все равно. И шашлык этот – надо есть не просто так. От лежащего рядом тонкого армянского хлеба «лаваш» руками отрывают кусочек, берут мясо, туда же

зелень, соус, немилосердно острый, домашней выделки – и только тогда все это в рот. Вкусно – неопишимо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.